

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 2(48)

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ТЕМА НОМЕРА
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

EDITOR'S PAGE
PRESSING TOPICS
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIR
THE ISSUE' MAIN TOPIC
ECONOMICS & FINANCE
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

Издается при поддержке ГК «Н-Транс»

и Бюро социально-экономической информации

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета —

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора —

Юрий Поройков, *к. филос. н.*

Редакционный совет:

Расим Агаев, *к.и.н.*

Михаил Делягин, *д.э.н., академик РАЕН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации*

Владимир Егоров, *д. филос. н., профессор*

Сергей Караганов, *д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН*

Андрей Кокошин, *академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова*

Николай Михайлов, *д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»*

Александр Назарчук, *д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*

Алексей Пушкин, *к.и.н., председатель Комитета Госдумы РФ по международным делам, автор и ведущий программы «Постскриптум»*

Александр Рар, *директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)*

Владимир Рыжков, *к.и.н., профессор ГУ ВШЭ, автор и ведущий программы «Дым Отечества» на радиостанции «Эхо Москвы»*

Леонид Слуцкий, *д.э.н., председатель Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками,*

вице-президент Парламентской ассамблеи Совета Европы

Андрей Фёдоров, *директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»*

Александр Ципко, *д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, *к. соц. н.*
Мария Коргунова

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. За работу, товарищи! 5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Борис Чернышев. Адекватность управленческих решений в России:
опыт критического анализа 10

Сергей Ибрапилов. О природе возникновения
«революционных ситуаций» 18

Зарубежный опыт

Валентина Федотова. Три моральных и практических урока
модернизации 25

ГЕОПОЛИТИКА

Тиберио Грициани (Италия). БРИКС: основа мультиполярного мира 31

Владимир Дергачёв (Украина). «Золотой век» китайской цивилизации
в контексте особенностей китайской геополитики 35

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ганс-Иоахим Шпангер (Германия). Возврат истории? Путин, НАТО
и угроза новой холодной войны 46

ТЕМА НОМЕРА: Ближний Восток

Владимир Карякин. Саудовская Аравия и Катар — провозвестники
нового арабского халифата? 51

Сергей Демиденко. Сирия: новая горячая точка Ближнего Востока 59

Максим Братерский. Иранский кризис разрешится в Сирии? 66

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Валерий Паульман (Эстония). Логика кризиса (контуры пятого этапа) . . . 73

Владимир Бондаренко (Беларусь). Стихийное кейнсианство
в постсоветской экономике: опыт Беларуси 80

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Политическая мифология 89

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий Бочаров. Земля и небо. И снова — о безопасности полетов . . . 113

Неизвестные страницы Второй мировой войны

Владимир Рощупкин. «Особая миссия Джеймса Дулиттла» 116

Елена Комлева. Геологические, экологические и политические аспекты
хранения и захоронения ядерных материалов.

Информация к размышлению 126

Философия и политика

Аринуаа Жашинбашын (Монголия). Барьеры мультикультурализма . . 133

До и после «мая 68» «Левый интеллектуал» и его Революция.

Беседа с Валерием Подорогой в редакции журнала «Русский репортер» . . 141

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спинова. Этапы развития экономической теории.

О книге Йозефа Шумпетера. Десять великих экономистов

от Маркса до Кейнса 154

Новые книги, которые могут вас заинтересовать 158

Тезисы статей на английском 160

Об авторах 174

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. We must set to, comrades!5

PRESSING TOPICS

Boris Chernyshev. The adequacy of decision-making in Russia:
reviewing essay10

Sergey Israpilov. On studying the nature of the «revolutionary situations»
origins18

Experienced Abroad

Valentina Fedotova. Three moral and practical lessons of modernization ...25

GEOPOLITICS

Tyberio Graciani (Italy). BRICS: the foundation of the multipolar world ...31

Vladimir Dergachev (Ukraine). «Golden age» of the Chinese civilization
in the context of features of the Chinese geopolitics35

FOREIGN AFFAIRS

Hans-Joachim Spanger (Germany). The Return of History? Putin, NATO
and the threat of a new Cold War46

THE ISSUE'S MAIN TOPIC: Middle East

Vladimir Karyakin. Are Saudi Arabia and Qatar the nunciates
of new Arab Khalifat?51

Sergey Demidenko. Syria: a new mid-eastern hotspot59

Maxim Bratersky. The Iranian crisis is to be settled in Syria?66

ECONOMICS & FINANCE

Valery Paulman (Estonia). The logic of the crisis
(outlines of the fifth stage)73

Valery Bondarenko (Belarus). The spontaneous Keynesianism
in the post-soviet economy: the Belarus experience80

«ROUND TABLE»

The political mythology89

PUBLICATIONS

Gennady Bocharov. The earth and the skies. On the flight safety —
again and again113

The unknown pages of the WW2

Vladimir Roschupkin. James Doolittle's special mission116

Yelena Komleva. Pabulum for reflection: geological, ecological and political
aspects of the nuclear wastes storing and burying126

Philosophy and politics

Arinuaa Zhashinbashyn (Mongolia). Barriers of the multiculturalism133

Valery Podoroga. Before and after «May '68». «The left intellectual» and
his revolution (*interview in the office of the «Russian Reporter» magazine*) ...141

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. Stages of developing the economic theory.
On Joseph Schumpeter. Ten Great Economists from Marx to Keynes154

New books that might be of interest158

SUMMARY160

OUR AUTHORS176

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

ЗА РАБОТУ, ТОВАРИЩИ!

Бурные события последнего полугодия подошли к своему логическому завершению. Вполне предсказуемо самыми значимыми событиями последнего времени стали инаугурация нового президента и обнародование состава правительства Д. Медведева.

Однако это не значит, что в стране наступила тишь да гладь. Победа В. Путина на президентских выборах, казалось, должна была принести стабильность, предсказуемость политики и успокоить предпринимателей. Однако, с одной стороны, окончание избирательного цикла само по себе не решило ни одной проблемы. Напротив, многочисленные и весьма затратные социальные обещания, сделанные новым президентом, лишь значительно усилили потенциал возможного недовольства, ибо понятно, что многие из них выполнены не будут. С другой стороны, политика после выборов осталась по-прежнему в достаточной мере непредсказуемой, неспособной превратить отток капитала из страны в его приток. Власть так и остается в руках нескольких непубличных группировок, борьба между которыми продолжает определять будущее страны.

Ярким примером этого остается ситуация вокруг правящей партии «Единая Россия». В последнее время партия находилась в состоянии неопределенности, в ожидании перемен. Только в самом конце апреля появилась информация о том, что В. Путин покинет пост председателя партии и уступит его Д. Медведеву. Несомненно, вскоре произойдут и другие крупные кадровые и структурные изменения.

Так что ясности пока немного. В самой партии отмечают, что ее может ждать существенное реформирование руководящих органов, так как сформированный в свое время Высший совет сейчас состоит из политиков, многие из которых уже потеряли свои должности во власти и даже вышли на пенсию. Точно предопределен лишь уход Шаймиева, который сейчас занимает пост сопредседателя Высшего совета. Помимо этого в партии намерены существенно изменить принципы формирования региональных отделений.

О том, насколько ситуация неопределенная, свидетельствует то, что там только недавно начались идеологические дискуссии относительно своего будущего. Сейчас партия готовит поправки в устав, которые будут приняты на съезде. Вообще идеологический вопрос – самый болезненный для партии. Д. Медведев вроде бы давал понять, что ему подойдет партия, олицетворяющая правоцентристские и праволиберальные ценности, но последние шаги свидетельствуют о том, что столь кардинально, как того хотел бы новый премьер, «Единая Россия» меняться не собирается. Хотя в нынешнем виде

она, очевидно, выполнила свою миссию, и президентская кампания явственно обозначила негативный тренд, который проявился еще весной прошлого года, когда власти начали дистанцироваться от своего детища, по сути, только подтверждая мнение о том, что «Единая Россия» не является самостоятельным игроком. Это ставит «Единую Россию» в крайне сложную ситуацию. Ее вернули в исходное положение полностью зависимого политического инструмента, тем самым уничтожая результаты многолетней работы по созданию не такой уж и плохой партийной структуры.

Сегодня в нее пытаются вдохнуть новую жизнь. Пресловутый ребрендинг «Единой России» становится насущной потребностью для элиты и, особенно, для элиты региональной, которая где-то по доброй воле, а где-то под давлением, но сделала на эту партию полную ставку. Проблема в том, что ядерный электорат «Единой России», т.е. региональные бюрократические и деловые элиты и зависимые от них работники, не могут дать партии преимущества на выборах. А это возвращает «партию власти» к временам НДР.

Определенная нестабильность связана и с очередной реформой партийного законодательства. Сегодня нет сомнений в том, что вскоре в стране появятся новые партии, возможно, их будут десятки. Новое лицо и новая структура российской партийной системы только начинают формироваться и, очевидно, они будут серьезно отличаться от прежней «семипартийщины». Успешность и устойчивость как старых, так и новых партий во многом зависит от создания дееспособных структур на территории, привлечения партийного актива и непосредственной работы с избирателем.

Возможным итогом нового партийного строительства может стать отсутствие какой бы то ни было ведущей оппозиционной партии. На каждом из трех идеологических флангов (левый, правый, националистический) будет идти своя борьба за лидерство, новички будут пытаться потеснить опытных игроков, проигрывая им пока в организационном ресурсе, но это только пока.

С другой стороны, после президентских выборов протестная активность, потеряв актуальные цели и лозунги, почти угасла. Но, как показали недавние выборы мэра в Ярославле и события в Астрахани, запрос на реальное обновление общественно-политической жизни никуда не исчез. Более того, для перерастания протеста в новую готовность к выходу на улицы нужен только серьезный повод. Похоже, откровенно отказываясь от собственных обещаний, власть такой повод создает.

При этом важно отметить, что гражданская активность в регионах не выражает себя массовыми митингами, как в Москве, но все чаще дает почувствовать свою силу. Повсеместно проваливаются попытки заменить местное самоуправление властью сити-менеджеров. Мэрами крупных городов все чаще избираются кандидаты, не одобряемые ни федеральными, ни региональными властями. Жители глубинки становятся все менее подходящим объектом для манипулирования со стороны местных начальников. Выборным губернаторам, через какие бы «фильтры» они ни прошли, придется считаться с этой новой атмосферой. В частности, им придется, чувствуя волно своих избирателей, тверже отстаивать перед Москвой интересы своих регионов.

Предстоящее восстановление выборности губернаторов – это явный шаг вперед. Губернаторы, в условиях снижения политической предсказуемости, запроса на перемены и активизации протеста, могут оказаться «слабым звеном» в «вертикали власти». Во-первых, они зачастую имеют слабую связь с регионом, в который приехали, и поэтому не обладают достаточным ресурсом поддержки на месте. Во-вторых, политическую ответственность за назначение главы региона, по сути, несет президент. Однако в условиях растущего недовольства коррупционными скандалами губернаторы оказываются наиболее удобными фигурами для принесения «жертвы».

На фоне фрагментированной и идеологизированной оппозиции властям срочно нужно воссоздать политический центр с мощными ресурсами, позволяющими привлекать нуждающиеся в государственной поддержке слои населения. Причем особое внимание, учитывая существующий потенциал партии, уделять аграриям и жителям национальных республик, т. е. проводить активную политику в сферах сельского хозяйства и межнациональных отношений.

ОНФ при этом остается своего рода политическим ресурсом лично В. Путина, которому, на фоне рисков политической дестабилизации, важно поддерживать механизмы мобилизации своих сторонников по надпартийному принципу. Пожалуй, это главное основание, по которому ОНФ будет сохранен. Однако сегодня, судя по последней информации, ОНФ переводят в «спящий режим».

В этих достаточно сложно предсказуемых условиях многое будет зависеть от эффективности работы нового правительства. А экономическая ситуация в стране далеко не простая. России предстоит вступить в нешуточную борьбу за сохранение приличных темпов экономического роста. Предварительные итоги первого квартала 2012 года позволяют сделать вывод, что процесс восстановления запасов, который обеспечил большую часть четырехпроцентного прироста ВВП в 2010–2011 годах, в целом завершился. Вклад фактора запасов в прирост ВВП в первом квартале 2012 года не превысил трети, и теперь динамика производства будет в гораздо большей степени соответствовать динамике спроса с поправкой на импорт.

Причем будущая политика власти в силу структуры российской экономики критически зависит от доходов и цен на нефть. Здесь ситуация весьма неоднозначная. С одной стороны, стоимость российской нефти марки Urals колеблется около отметки в 120 долларов, и во власти существует уверенность, что на таком уровне она продержится как минимум до конца года. Также власти удалось на довольно выгодных условиях разместить евробонды, что говорит о благожелательном отношении европейских инвесторов к российской экономике.

С другой – отток капитала из страны за первый квартал текущего года превысил 35 млрд долл., в то время как за аналогичный период прошлого он не достиг и 20 млрд. Самым тревожным является и то, что «исход денег» продолжился и после президентских выборов. Также становится ясно, что власть неспособна «тянуть» полностью взятые на себя социальные обязательства.

Если говорить о промышленности, то ее рост пока остается неустойчивым (в марте с учетом сезонности даже зафиксирован спад). Увеличение роли

государства в формировании спроса со стороны населения создает определенные возможности для секторов, ориентированных на потребительский спрос. Однако из промышленных отраслей этим сумела воспользоваться лишь пищевая отрасль, в то время как производство текстиля, одежды и обуви демонстрируют негативную динамику.

Сочетание в первом квартале низких не нефтегазовых доходов и более высоких (чем в прошлом году) расходов привело к экстремально высокому уровню не нефтегазового дефицита федерального бюджета (12,8% ВВП), сопоставимого с кризисным 2009 годом (13,5%). Конечно, уже в следующем квартале этот показатель должен улучшиться, но проблема неэффективности российской экономики сохраняется.

Д. Медведев еще до своего официального назначения фактически объявил программу работы своего правительства. Он назвал семь критериев, по которым можно будет оценить эффективность органов власти. Во-первых, ожидаемая продолжительность жизни через шесть лет должна увеличиться как минимум на четыре года. Во-вторых, доля семей с доходами ниже прожиточного минимума через пять лет должна быть устойчиво ниже 10%, а среднедушевые доходы большинства семей должны соответствовать базовым характеристикам среднего класса. В-третьих, в международных рейтингах по комфортности ведения бизнеса Россия должна подняться со 120-го места как минимум на 40-е и войти в первую двадцатку не позднее 2020 года.

Четвертый критерий — создание не менее 25 млн. новых эффективных рабочих мест, прежде всего, в несырьевых сферах. Производительность труда необходимо повысить в 1,5–2 раза, что сделает российскую экономику более конкурентоспособной в ключевых глобальных секторах. Пятый критерий относится к изменениям в образовании: не менее пяти российских университетов должны войти в первую сотню основных международных рейтингов. Шестой показатель: у большинства российских семей должна быть возможность улучшать свои жилищные условия не реже, чем раз в 15 лет. Последний, седьмой критерий: по уровню внедрения электронных технологий во всех сферах жизни общества Россия должна быть в первой десятке стран.

Со всеми семью целеполаганиями не поспоришь. Но политики и эксперты приходят к выводу, что Д. Медведеву будет очень сложно реализовать на практике эти цели и задачи. Выступление получилось весьма оптимистичным, в духе советских «пятилеток», однако ничего сенсационного экономисты в ней так и не увидели. К тому же пока сложно говорить о реализации программы: внешние или внутренние условия могут повлиять на достижение целей.

Растет также зависимость населения и экономики от бюджетных источников. Если в 2006–2007 годах около 20% доходов населения составляли выплаты из бюджета в виде пенсий, пособий, зарплат бюджетников, то в кризис их доля выросла уже до 30%. Тенденция роста сохраняется и сейчас, поскольку увеличивается доля людей, занятых в госкорпорациях и компаниях, которые обеспечивают госзакупки. Одновременно и в частном секторе усиливается зависимость от бюджета. Во время кризиса предприятия стали ориентироваться на тесное сотрудничество с государством. Выросла доля

субсидий предприятиям. И эта зависимость от бюджетных поступлений до сих пор никуда не делась. Как итог — растущая монополизация. Низкой эффективностью начинает характеризоваться уже не только госсектор, но и рыночные предприятия.

Так что ситуация продолжает оставаться многовариантной. Скорее всего, в ближайшие месяцы события будут развиваться по инерционному сценарию, и ожидать падения рейтинга власти не стоит. Но все может кардинально измениться уже осенью. Во-первых, повышение тарифов с 1 июля подстегнет инфляцию и падение реальных доходов граждан. Во-вторых, после вступления в силу 1 июля закона о реформе бюджетных учреждений осенью окажется, что образовательные, медицинские и прочие учреждения резко повысили долю платных услуг.

Все это спровоцирует недовольство населения, причем не столько среднего класса, сколько менее обеспеченных слоев общества. Поскольку власть окажется неспособна предложить рациональную программу выхода из сложившейся ситуации, ставка, вполне вероятно, будет сделана на иррационально-ценностный подход, например, усиление эксплуатации православно-консервативной идеологии и образа внешнего врага. А это далеко не самая лучшая политика, хотя бы потому, что она в перспективе неэффективна и грозит тяжелыми последствиями за пределами высоких цен на нефть. Получается как у Гайдара-старшего: «Нам бы только ночь простоять да день продержаться...»

В. Гусев.

Борис ЧЕРНЫШЁВ

АДЕКВАТНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РОССИИ: ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

«В будущее мы шагаем широко —
не приходя в сознание»
А. Рубцов

Массовые митинги протеста граждан, прокатившиеся в крупнейших городах страны, не довольных итогами голосования 4 декабря 2011 года по выборам депутатов Государственной Думы, стали поводом для принятия властью спешных шагов по реформированию политической системы России. Причем это было сделано, как всегда, без анализа причин, места и роли возникшего явления в общей цепи социально-экономических и политических преобразований за последние 20 лет. Оно ярко высветило главную причину нарастающего недовольства граждан, ставшую следствием ранее неправильно принятых решений власти.

Так, избранный в начале 90-х гг. XX века вариант перевода советской экономики на рыночные отношения обернулся, по сути, «убийством» промышленности, сельского хозяйства и социальной сферы¹; предложенный населению страны путь приватизации оказался для миллионов граждан обманом, а для одного процента населения — денежным раем²; реформа энергетики привела к неконтролируемому росту цен на жилищно-коммунальные услуги; реформирование образования и здравоохранения фактически вылилось в ликвидацию бесплатного образования и квалифицированной медицинской помощи.

Ошибки в принятии важнейших решений властью в этот период носили системный характер и объяснялись только одним — отсутствием в России механизма подготовки адекватных управленческих решений. К сожалению, от советского прошлого он унаследовал самые худшие черты: авторитаризм, секретность, отсутствие независимой (от государства) экспертизы при разработке важнейших решений. Все это, как и в XX веке, обернулось господством субъективизма и волюнтаризма в принятии решений, многократным повто-

¹ См.: Путин В. В. Выступление на съезде партии «Единой России» // Российская газета. 2011. 27 декабря.

² Доходы 3% жителей страны сопоставимы с доходами всех остальных россиян, вместе взятых / Независимая газета. 2011. 23 мая. Башкатова А. Олигархи испортили госстатистику доходов.

рением одних и тех же ошибок прошлого, неудачами в достижении поставленных целей.

В 2002 году президент РФ В. В. Путин впервые в истории российской государственности поставил задачу создания в стране эффективной и четкой технологии разработки, принятия и исполнения решений³, без которой невозможно обеспечить стабильное устойчивое развитие страны, гарантировать от политических рисков рост благосостояния и безопасность Отечества⁴.

Однако с самого начала она оказалась невыполнимой в силу ряда причин. Смена экономической модели на монетаристскую, монополия одной идеологии — коллективизма на индивидуализм, самоустранение государства от выполнения присущих ему функций привели к отрицанию необходимости научного обоснования решений по осуществлению радикально-либеральных реформ. Государство добровольно отказалось от разработки своей политики в важнейших сферах жизни общества.

История и теория подготовки, принятия и реализации государственных решений в самодержавной, советской и постсоветской России не стала предметом ни научного исследования ученых, ни самостоятельной учебной дисциплиной в системе подготовки кадров госслужащих. Отдельные усилия российских историков, политологов, социологов, психологов по изучению данной комплексной проблемы остались невостребованными властью. Уроки исторического опыта XX века в деле подготовки и реализации государственных решений России остались неувоенными современной политической элитой общества.

За двадцать последних лет ни администрация президента, ни правительство, ни Государственная дума не выступили инициаторами подготовки законопроекта о государственном решении в России и его научной экспертизе⁵.

Между тем по оценке американских специалистов качество принимаемых политическим руководством решений относится к числу важнейших факторов, влияющих на будущее⁶. Непрофессионализм принятых властью решений в свое время уже привел к развалу самодержавной и советской России. По этому же пути страна продолжала двигаться и с начала 90-х годов XX века. Президенту РФ В. В. Путину в начале XXI века стоило огромных усилий, чтобы предотвратить экономическую и социальную катастрофу, восстановить вертикаль государственного управления, однако создать эффективный механизм подготовки адекватных решений органами государственной власти пока не удалось.

Самым слабым звеном этого механизма осталось научное обоснование принимаемых решений, особенно в части необходимого конкретно-исторического анализа политической ситуации. Вместо вскрытия сущности и глав-

³ Путин В. В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 18 апреля 2002 г. // Российская газета. 2002. 19 апреля.

⁴ Путин В. В. Выступление на Форуме сторонников 21 ноября 2007 г. // Российская газета. 2007. 22 ноября.

⁵ 7 декабря 2002 г. на 200-м пленарном заседании межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ постановлением 20-7 принят модельный закон о государственной экспертизе.

⁶ См.: Казанцев В. О. Приоритетные национальные проекты и новая идеология для России. — М.: Вагриус, 2007. — С. 86–87.

ных противоречий переживаемых явлений сохранилось описание бесконечных аспектов деятельности власти в основных сферах жизни общества. Утвердившаяся описательность не побуждала к вскрытию причин наблюдаемых явлений, основных тенденций развития изучаемой ситуации, что позволяло принимать решения в зависимости от политической конъюнктуры и преследуемых интересов верховной власти. Неслучайно в период 1991–1999 годов в стране «сложилась практика принятия государственных решений под давлением сырьевых и финансовых монополий, медиамагнатов, зарубежных политических кругов и оголтелых популистов, когда не только национальные интересы, но и элементарные потребности миллионов цинично игнорировались»⁷. «Подгонкой» под конкретные интересы и нужды крупного бизнеса особенно отличались указы президента РФ Б. Ельцина⁸.

Для принятия решений власть не нуждалась в конкретно-историческом анализе политических ситуаций, поскольку ее вектор реформаторской деятельности определялся строго принципами экономического фундаментализма. Именно они являлись основанием для многочисленных реформ в сферах образования, науки, здравоохранения, армии, милиции, о результатах которых теперь можно только сожалеть. Так, проведенный в январе 2012 года по заказу Совета безопасности страны социологический опрос об умонастроениях в силовых структурах показал, что общий уровень недовольных в них решениями верховной власти достигает 90%⁹.

Многие решения по социально-экономическим вопросам принимались без элементарных экономических расчетов и возможностей бюджетного финансирования, без учета гигантского разрыва между вкладываемыми ресурсами и долгосрочной отдачей от этих проектов, без разумного баланса интересов центра и регионов¹⁰. Так, объявленная в 2009 году президентом Д. А. Медведевым задача модернизации экономики и технологического развития не была связана с анализом современного состояния российской экономики, не имела обоснования ее необходимости и возможности, технической и экономической, определения параметров и источников ее финансирования¹¹.

В конце XX века в странах Западной Европы стал очевидным кризис либеральных экономических догм, которые, по мнению бывшего главы МВФД Стросс-Кана, стали нежизнеспособными и даже опасными¹². Созданный по технологиям неоллиберальной теории мир потребительства лишил человека духовности, привел к деградации западного общества, нарастающему чрезвычайному социально-экономическому неравенству¹³.

⁷ Путин В. В. Выступление на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 года» 8 февраля 2008 г. // Российская газета. 2008. 9 февраля.

⁸ См.: Степашин С. Сколько стоит Россия. // Российская газета. 2005. 24 июня. — С. 5–6.

⁹ См.: Силовики готовы к «оранжевой» революции? // Аргументы недели. 2012. 11 января.

¹⁰ См.: Зубаревич Н. Пространство как барьер для модернизации. О «карьере возможностей» и приоритетах регионального развития // Независимая газета. 2011. 21 октября.

¹¹ См.: Гринберт Р. Ловля попутного ветра. Примитивизация экономики — естественное следствие нашей истории и носит системный характер // Российская газета. 2010. 17 февраля.

¹² См.: Башкатова А. Глобализм с человеческим лицом // Независимая газета. 2011. 6 апреля.

¹³ См.: Якунин В. «Диалог цивилизации» во времена глобальных трансформаций. Мир потребительства лишил человека духовности и привел к деградации западного общества // Независимая газета. 2011. 28 декабря.

Несмотря на изменившуюся ситуацию в мировой экономике, власть в России продолжает слепо сохранять верность давно устаревшей монетаристской модели экономики. До настоящего времени правительство РФ не спешит прекращать нефтедолларовый дождь и снижать зависимость страны от экспорта энергоресурсов. Выработка новой экономической модели необходима, чтобы провести новую индустриализацию страны на основе продуманной промышленной политики с учетом высших мировых технико-технологических достижений¹⁴.

Сложившаяся в постсоветский период практика подготовки государственных решений не соответствует потребностям дальнейшего развития России в XXI веке. Необходимо восстановление роли государства в научном обосновании принимаемых решений органами власти, в обеспечении четких юридических процедур процесса подготовки и реализации государственных решений органами власти, определении места и роли в нем институтов гражданского общества, системы независимых экспертиз, предоставлении им права на выдвижение и обсуждение альтернативных вариантов решения назревших проблем, закреплении персональной ответственности чиновников за подготовленные ими решения.

К сожалению, хронический исторический склероз политической элиты общества, предвзятое отношение к опыту советской истории не позволяет верховной власти увидеть и использовать добытые учеными в XX веке и незаслуженно забытые технологии конкретно-исторического анализа политической ситуации, оценки качества и эффективности управленческих решений, их соответствия системному подходу.

В начале XX века руководитель советской России В. Ленин, пытаясь соединить науку и практику в государственном управлении, преодолевая собственные ошибки и иллюзии, сумел найти ставшую ему привычной систему методологических категорий исторического анализа политической ситуации, доказавшую свою эффективность при разработке политико-государственных решений¹⁵. Ее преимущество состояло в том, что исходной посылкой анализа служили факты объективной действительности, а не готовые теоретические выводы или стереотипы политического мышления.

Исторический анализ начинался при условиях систематической оценки фактов истории и действительности, использовании целесообразно отобранного исторического знания для понимания причинно-следственных связей прошлого и настоящего изучаемой политической ситуации. Такой исторический анализ позволял в бурном потоке информации находить факты высокой репрезентативности, которые В. Ленин называл узловыми пунктами прошлого и важнейшими событиями действительности.

Они-то и становились фундаментом для дальнейшего теоретического анализа, в ходе которого с помощью категорий основного факта и урока истории вскрывались главные противоречия, тенденции исторического развития событий, находились пути решения назревших проблем переживаемой ситуации (см. *схему № 1*).

¹⁴ См.: *Примаков Е.* 2011 год: взгляд в будущее // Российская газета. 2012. 16 января.

¹⁵ См.: *Чернышев Б. В.* Исторический анализ политической ситуации в решениях правителей России. XVIII — начало XXI в. — М.: Новый индекс, 2009. — С. 183–193.

Политико-государственное решение			
Основное звено	↑	Теоретический	анализ
Уроки истории		(дедуктивный)	
Основной факт		Исторический	анализ
Узловой пункт прошлого важнейшие события действительности		(индуктивный)	
Исторический опыт			
Политическая ситуация			

Схема 1. Система методологических категорий историко-теоретического анализа политической ситуации, используемая В.И. Лениным при разработке политико-государственных решений

Открытая В. Лениным методология исторического анализа после его смерти оказалась забытой по причине утвердившейся монополии на истину и власть И. Сталина, который при разработке политических решений предпочитал руководствоваться не фактами, а собственной интуицией, что имело тяжелые последствия для аналитической работы органов государственной власти в XX столетии. Кроме интуиции и описательности в ней прибавилась еще канцелярская модель реальности, в которой социальные факты описывались средствами нормативных или теоретических моделей.

Между тем открытая система методологических категорий историко-теоретического анализа политической ситуации остается сегодня доступной каждому руководителю, который искренне, не игнорируя факты истории и

2. СОЗНАНИЕ	4. КАЧЕСТВО	6. ГАРМОНИЗАЦИЯ	8. ПОРЯДОК
Убеждения (мировоззрение) Знания (образование) Опыт Культурное наследие Психология	Наука Информация Время	Руководство Политический аппарат Контроль Правовая культура Нравственная культура Система ценностей	Управление Хозяйственный механизм Учет Планирование Экономическая культура Экономические нормативы
Способности Потребности Здоровье Численность Участники событий (люди)	Средства производства Имущество, одежда Жилье Продовольствие Территория (пространство)	Услуги Политические Социальные Религиозно-этнические (межнациональные) Семейные Безопасность Эксплуатация	Производства Обмена Распределения Потребления Собственности Охраны окружающей среды
1. БЫТЬ	3. ИМЕТЬ	5. ДРУГ К ДРУГУ	7. К ТОМУ, ЧТО ИМЕЕМ
СИЛЫ (ЭЛЕМЕНТЫ)		ОТНОШЕНИЯ (СВЯЗИ)	
ОБЩЕСТВО, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ (СИСТЕМА)			

Схема 2. Структурно-логическая модель общественной системы — «восемь колес», разработанная В. Б. Тихомировым¹⁶

¹⁶ См.: Тихомиров В. Восемь колес // Диалог, 1990. № 3. — С. 38.

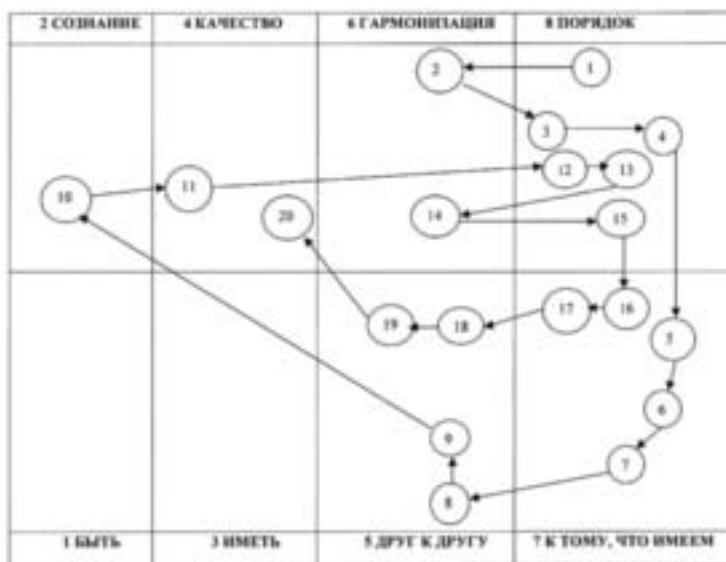

Схема 3. «Траектория» реформ В. Путина: Как идет? Куда идет? (по методике профессора В.Б. Тихомирова)¹⁷

действительности, желает разобраться в причинах происходящих на его глазах событий, извлечь поучительные уроки истории, своевременно найти основное звено цепи исторических задач в стремительно меняющейся политической ситуации и принять верное решение.

Во второй половине XX века профессор В. Б. Тихомиров разработал структурно-логическую модель общественной системы «восемь колес», дающую наглядное представление о развитии общественной системы, позволяющую оценить, насколько четко субъект руководства представляет себе эту систему в качестве объекта своего воздействия и, наконец, насколько разработанная им стратегия и программа действий соответствует системному подходу (см. *схему №2*).

Если воспользоваться этой моделью и составить, например, траекторию движения реформ В. В. Путина с 2000 по 2003 год, то она могла бы выглядеть примерно так, как на *схеме № 3*. Из нее хорошо видно, что в реформаторских шагах президента РФ в этот период системный подход не прослеживался: выпадали блоки проблем, связанные с обеспечением необходимого экономического роста страны, повышением материального благосостояния людей, гармоничным развитием каждого гражданина России. Использование этой модели В. Тихомирова, на наш взгляд, особенно актуально на стадии разработки государственных решений, подведения итогов реформаторской деятельности, пока российская власть не оказалась в плену опасной логики вынужденных шагов в случае возникновения кризисной ситуации.

¹⁷ См.: Чернышев В. В. Указ. соч. — С. 224.

Подготовка принятия решения — 20 баллов	
<i>История проблемы</i>	5 баллов
Формулировка и осознание проблемы	3 балла
Внешние воздействия на проблему	2 балла
<i>Масштабность проблемы</i>	7 баллов
Актуальность, острота вопроса	4 балла
Компетенция ответственных за решение проблемы	3 балла
<i>Идея решения проблемы</i>	8 баллов
Качество дискуссии, обсуждение проблемы	3 балла
Идея цели	5 баллов
Принятие решения — 50 баллов	
<i>Процедуры принятия решения</i>	20 баллов
Разработка вариантов решения проблемы	12 баллов
Технико-экономическое обоснование	6 баллов
Определение исполнителей	2 балла
<i>Структура принятого решения</i>	15 баллов
Документальное оформление решения	1 балл
Проект реализации решения	4 балла
Наличие измеримой цели	10 баллов
<i>Качество принятого решения</i>	15 баллов
Риски побочных явлений	4 балла
Обоснованность решения	8 баллов
Значимость решения	3 балла
Реализация решения — 30 баллов	
<i>Оценка хода работ по реализации решения</i>	10 баллов
Контроль и корректирующие меры	2 балла
Выполнение сроков	3 балла
Решение вопросов мотивации	5 баллов
<i>Оценка достижения результатов</i>	20 баллов
Эффективность использования ресурсов	5 баллов
Востребованность результата	5 баллов
Достижение конечного результата	10 баллов

Схема 4. Жизненный цикл и показатели управленческого решения

Не меньший интерес вызывает предложенная профессорами А. Е. Красиковым и В. В. Фортунатовым принципиальная схема оценки качества управленческого решения (см. *схему № 4*).

Проанализировав для примера в баллах жизненный цикл и показатели курса на модернизацию, заявленного в 2009 году президентом Д. А. Медведевым, авторы пришли к выводу, что «принятое решение о модернизации не добирает большого числа баллов до оценки, которая внушала бы оптимизм ... осуществление такой грандиозной задачи, как создание «умной» экономики, проведение модернизации страны без единого общего плана, без продуманной стратегии не представляется возможным»¹⁸. Кто мешает использовать

¹⁸ См.: Чернышев Б. В. Указ. соч. — С. 206–215.

эту технологию в федеральных, региональных и муниципальных органах государственной власти при подготовке своих решений?

К проблеме совершенствования сложившегося в России механизма подготовки государственных решений В. В. Путин вернулся в январе 2012 года, однако без подведения итогов выполнения поставленной им задачи десять лет назад. В своей новой предвыборной программе он предложил «вести в широкую практику общественное обсуждение законопроектов, а также предварительное апробирование важных решений на отдельных регионах перед внедрением их по всей стране»¹⁹.

На наш взгляд, сформулированные им предложения носят скорее декоративный характер, поскольку не затрагивают существа самого процесса подготовки и реализации государственных решений в России. По первому предложению еще год назад был принят ФЗ № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов», однако до сих пор ни в одном нормативном документе нет ответов на принципиальные вопросы: кто (какой орган), как, в какие сроки должен анализировать предложения граждан, как они будут оцениваться и учитываться при принятии решений органов власти, кто и как будет осуществлять контроль за их реализацией и т. д.

Второе предложение запаздывает ровно на 20 лет. Дело в том, что, к примеру, в Китае с момента проведения реформ стал действовать оформленный законом порядок, согласно которому в начале проводится эксперимент на примере предприятия, района; его итоги анализируются академическими и ведомственными институтами; по результатам анализа формулируются предложения правительства и только затем принимаются решения на пленуме ЦК КПК и издаются государственные законы²⁰. А как будет у нас в России? Хватит ли сил завершить создание четкого механизма подготовки и реализации государственных решений, адекватных конкретно-исторической обстановке?

¹⁹ Путин опубликовал проект своей предвыборной программы. ИТАР-ТАСС. 2012. 12 января.

²⁰ См.: Косолапов Н. А. Мечты гуманитария, или индикатор зрелости общества? // Общественные науки и современность. 2004. № 5. — С.40.

Сергей ИСРАПИЛОВ

О ПРИРОДЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ «РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИТУАЦИЙ»

Одной из серьёзнейших проблем нашего времени является разрастающаяся угроза политической нестабильности, разрушающей жизненный уклад, несущей угрозу разрушения экономики и социальной сферы, угрозу имуществу и жизни людей.

События 2011 года показали, что даже прежде политически стабильные страны могут оказаться перед внезапной угрозой политической дестабилизации.

Преодоление этой угрозы требует создания технологии эффективного управления обществом и диагностирования наличия конфликта.

На фоне разрастающегося мирового экономического кризиса, который, по мнению многих исследователей, носит системный характер, растут опасения радикальной дестабилизации и в России. Для России, как показывает история нашей страны, эти опасения чрезвычайно актуальны. Так, Октябрьская революция и Гражданская война 1918–1920 годов стали одной из крупнейших геополитических катастроф в мировой истории. Примерно то же можно сказать о внезапном распаде СССР и возглавляемой им интеграционной группировке.

На фоне мирового кризиса появляются прогнозы и о возможной политической дестабилизации иных ранее стабильных государств, в том числе — экономически развитых.

К формированию технологии распознавания угрозы политического кризиса

Социальные науки до сих пор не создали технологии управления всей целостностью предмета их изучения — социумом. В частности, отсутствует технология диагностирования потенциально опасных для социума конфликтов.

И, несмотря на важность поставленной задачи, разрешение ее весьма затруднительно. В частности, сложность в том, что на социальные науки оказывают большое воздействие различные привнесенные, посторонние влияния. В том числе общественные науки тесно интегрированы с идеологической основой общества.

Постановка задачи выработки единой концепции диагностирования нестабильности в обществе сталкивается с необходимостью признать универсальность общественного развития. Но реальность такова, что даже общество, позиционирующее себя терпимым и мудрым, настроено противопоставлять себя иным, «неправильным» или «не очень правильным» обществам и политическим системам.

При этом, на наш взгляд, в целом социальные науки накопили достаточно знаний для решения данной задачи.

Политическая нестабильность — следствие трех основных конфликтов

Под термином «политическая дестабилизация» мы понимаем острую и «внезапно открывшуюся» форму нестабильности государства, ведущую к обвальному снижению его дееспособности. Именно такая дестабилизация потрясла многие страны арабского мира в 2011 году. Подобная «внезапная» дестабилизация имела место и в Советском Союзе во второй половине 1980 — начале 1990-х годов.

Целью данной статьи является изучение корней этой дестабилизации, т. е. условий возникновения так называемой революционной ситуации, когда «низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-старому»...

На наш взгляд, дестабилизация политической системы является следствием одного из трех конфликтов: конфликта личности с обществом, конфликта общества с государством или конфликта личности с государством.

Все эти конфликты протекают латентно и перманентно в любой стране мира. Проблема лишь в масштабах — при увеличении до определенного уровня каждый из этих конфликтов создает «революционную ситуацию». Распознать масштабы сложно и не всегда возможно в силу причин, о которых мы будем говорить ниже.

Те политические катаклизмы, которые имели место в XX веке или в начале XXI века, имели в своей основе один из трех основных типов конфликта.

Так, упомянутый распад Советского Союза и сплоченной им интеграционной группировки имел в своей основе конфликт индивидуализировавшейся под воздействием современной системы образования личности с государством, построенном на коллективистских принципах.

Также упомянутый кризис современного исламского мира имеет в своей основе конфликт общества (исламизирующегося и радикализирующегося вследствие угрозы его механизмам самовоспроизведения со стороны современного капитализма) с поддерживающим капиталистические «правила игры» государством. В результате этого конфликта с обществом государство в исламских странах сегодня делигитимизировано и постепенно теряет возможность сопротивляться даже относительно слабым внешним и внутренним угрозам.

Образно говоря, этот процесс сходен со снижением иммунитета у биологического существа. Освобождаясь от противодействия делигитимизированного национального государства, любые угрозы, которые прежде можно было игнорировать, теперь могут совершенно развернуть политический курс или привести к непредсказуемым проблемам.

Конфликт между личностью и государством мы видим на современном Западе, который испытывает серьезное давление на фоне нарастания суверенных экономических проблем. Вследствие удорожания природных ресурсов, из-за быстрого роста экономик Китая, Индии и пр. стран, индивидуум развитых стран внезапно ощущает серьезную угрозу обеднения, ухудшения собственного имущественного положения. И хотя в реальности это снижение носит довольно плавный характер, а государство делает все возможное для смягчения кризиса, личность ждет от своего государства гораздо большего, а именно — гарантии от обеднения и отказа от болезненных социальных реформ, что сегодня совершенно невозможно.

Трагедия личности в современном мире

Понимание кризиса личности в современном обществе — это тема, о которой сегодня говорится часто и много. По этой теме имеются исследования, в том числе авторитетных авторов и научных институтов.

Отметим, что о наличии кризиса говорят в том числе многочисленные объективные индикаторы. С другой стороны, эта проблема не проста и неоднозначна.

Говоря о кризисе личности в современном мире, мы имеем в виду формирование у «среднего» индивида тех черт, которые приходят в противоречие с интересами общества и государства. Это противостояние с обществом и государством создает немалые проблемы конкретному индивиду. При этом индивид не может отказаться от конфликта с обществом и государством, так как изначально запрограммирован на него социализацией. В этом же заключается основная трагедия личности в современном мире. При этом государство, которое осуществляет социализацию личности, проводит эту социализацию таким образом, что лишает личность внутреннего равновесия и гармонии.

В частности, в ходе социализации личность приобретает завышенные относительно ее реальных возможностей амбиции и потребности.

В значительной степени кризис личности — неперенная часть устройства современного государства и даже условие его развития. Он способствует усилению экономической и карьерной активности личности. Социализированная таким образом личность обретает возможность стать лидером в экономической и политической конкуренции; это также ускоряет экономическое и политическое развитие государства.

Однако, с другой стороны, личность такого типа постоянно находится в конкуренции или прямом противостоянии с другими индивидами. Социализованная таким образом личность испытывает груз серьезных внутриличностных противоречий и в смысле внутренней морально-психологической устойчивости сильно проигрывает «среднему» индивиду предыдущих поколений.

Личность такого типа находится в нарастающем противоречии с основным стремлением общества — стремлением к самосохранению. Высокосоциализованная личность готова принести в жертву создание крепкой семьи и рождение детей более социально востребованным задачам: карьере и экономическому успеху.

Механизм социализации прежде всего определяется политикой государства в сфере образования и воспитания детей. Но — не только. В значительной степени эта задача решается посредством культуры, в особенности так называемой массовой культуры.

Личность, которая создается путем социализации современным государством, склонна к деструкции, обращенной внутри и вовне себя. Эта личность особенно ущербна с точки зрения общества в плане исполнения задачи по самосохранению общества.

Сегодня интересы личности входят в противоречие с интересами общества и государства.

Человек в современном обществе высокосоциализован, с раннего детства готовится к жизни в современном обществе. Но в процессе социализации он приобретает те черты, которые вредны обществу или государству. Характерно, что формирование этих черт — неотъемлемый результат самого процесса социализации личности.

В каком-то смысле создание такого высокосоциализованного индивида похоже на процесс обогащения урана. Без обогащения, то есть создания потенциально опасной концентрации радиоактивного вещества, невозможно решение ряда энергетических и оборонных задач. Однако итогом обогащения является возникновение опасности, сопоставимой по размерам с получаемой выгодой.

Выгоды, которые государство и конкретная личность получают от такой социализации, существенны, но они вполне соизмеримы с ущербом (реальным или потенциальным), который приносит такая социализация личности.

Проблема также в том, что государство не дает личности возможности отказаться от социализации. Возможно, учитывая все «плюсы» и «минусы» такой социализации, личность могла бы отказаться от нее для себя или своих детей, но сегодня на практике это пока невозможно.

Политику государства в области социализации личности институционально определяет государство, а физически — высокосоциализованные, получившие право говорить от имени государства личности.

Образование в любой развитой стране является всеобщим и обязательным и в основном контролируется государством. Массовая культура также является ответственной за массовую социализацию граждан и в основном контролируется государством. Хотя здесь и допускается частная инициатива, но инициатива, тщательно селекционированная государством.

В этом «порочном круге» обязательной социализации — трагедия современного общества, современного государства и современной личности.

В частности, ради самосохранения общества была бы полезна менее тотальная социализация личности или хотя бы существование групп населения, которым было бы разрешено отказаться от социализации. Это было бы полезно и для личности, которая обрела бы альтернативу и возможность выбора. Было бы полезно для общества, которое смогло бы осуществить свое право на самосохранение. Было бы полезно для государства, так как сегодня большинство развитых стран страдают от снижения уровня рождаемости и роста влияния мигрантов.

Кризис общества — постановка проблемы.
«Экономизм»

Социологи, экономисты, политологи, историки и прочие специалисты в области социальных наук часто оперируют терминами, означающими конкретный тип устройства политической системы, — социализм, капитализм и т. д.

Для того чтобы понять истинные, глубинные причины современных политических конфликтов, полезно заглянуть «за горизонт» политических событий, увидеть более глубокие проблемы общества и личности.

На наш взгляд, для эффективного определения нынешних проблем общества было бы вернее говорить о некоей тождественности большинства типов государственного устройства в современном мире. И социализм, и капитализм мы считаем правильным объединить термином «экономизм», имея в виду то огромное, возможно, избыточное внимание, которое обе политические системы уделяют фактору материального прогресса.

Но экономический прогресс не может решить абсолютно всех проблем личности. «Не в деньгах счастье» — говорит народная мудрость. А интересы общества и интересы экономики вообще могут находиться в обратной зависимости.

Очевидно (и история это не раз доказывала), что общественная формация, будь то социализм или капитализм, так же, как и любая конкретная политическая система, не смогут существовать, если придут в противоречие с интересами «средней» личности, т. е. с большинством индивидуумов собственно общества.

Успехи политической системы в развитии экономики находятся в прямой зависимости от ее способности воспитать (социализировать) личность таким образом, чтобы эта личность была максимально заинтересована в собственном движении к экономическому успеху. Вторым важным условием является способность государства (конкретной политической системы, элиты, вождя и пр.) согласовать усилия всех участников экономического процесса таким образом, чтобы максимально эффективно обеспечить общий экономический прогресс и безопасность.

Несложно увидеть, что в ныне процветающих государствах Запада наличие эффективное согласование интересов и государства, и эффективно социализованного индивида. Оба этих субъекта желают экономического прогресса, стремятся к нему, видят в нем залог нынешнего и будущего процветания.

Однако есть и некоторые, впрочем, весьма существенные проблемы.

Из эффективного «уравнения» интересов индивида и государства выпадают интересы общества. Под «обществом» мы понимаем в данном случае всю сумму индивидов, «территориально приписанных» к данному государству. А говоря о нарушении интересов общества этим «соглашением» высокосоциализованной личности и государства, мы имеем в виду самый основной интерес — стремление данного общества к сохранению и самовоспроизводству.

Очевидно, что высокая степень социализации индивида механизмами, которые контролируются государством, делает индивида более готовым соответствовать интересам государства (т. е. стремлению к экономической

деятельности), а не интересам общества (т. е. стремящимся обеспечить самовоспроизводство общества).

В современных развитых странах система образования находится под преимущественным контролем государства. Естественно, что социализация юной личности идет в том направлении, которое более выгодно государству и менее выгодно — обществу.

Мы видим, что социализация личности с упором на экономизацию сознания со временем создала существенные проблемы в демографическом развитии самых богатых стран мира. Она, в частности, привела к мобилизации в экономику большинства женщин трудоспособного возраста. Для них теперь очень трудным является выбор между тем, чтобы родить детей, и карьерой. И рождение детей часто не входит в их планы. Что служит причиной демографических проблем многих стран Запада и никак не служит реализации стремления общества к самосохранению.

Мы видим, что проблема конфликта личности и общества актуальна для многих стран. Так, страны Запада испытывают большие демографические проблемы. Население Запада с середины XX века растет очень медленно; доля его в земном населении быстро снижается. Некоторые страны Запада даже депопулируют. Постепенно это также ведет к снижению доли Запада в мировой экономике, к снижению его политического влияния. А отсюда — к нынешним экономическим трудностям.

Схожие проблемы испытывает и Россия. Но что же представляют собой нынешние демографические проблемы развитых стран и России? По сути дела, речь идет о конфликте личности и общества в чистом виде. Индивидуализировавшаяся личность не желает отягощать себя детьми и крепкой семьей. Общество же слишком слабо, чтобы убедить индивида стать иным.

Однако подобная трактовка проблем общества требует вычленения общества как самостоятельного субъекта исторического процесса.

Мы должны признать, что общество имеет серьезные собственные интересы, в том числе те, что не учитываются и не актуализируются иными участниками исторического процесса.

Именно в этом главная проблема общества в развитых странах.

Согласие социализированной государством личности и государства, которое комплектуется этими личностями, делает изменение существующей практики с целью более полного учета интересов общества весьма трудной задачей.

Более того, даже понимание угрозы, исходящей от нарушения интересов общества, — сложная задача для самого общества.

Мы видим, что в современном обществе даже понимание угроз обществу приходит опосредованно, через понимание угроз, которые влияют на состояние государства или на положение личности.

К примеру, нередко депопуляция ощущается механизмами государства как одна из причин снижения темпов экономического роста, то есть как один из множества важных, но все же компенсируемых иными механизмами факторов. Это ведет к существенной недооценке проблемы. Данное общество вымирает, что само по себе крайне важный фактор, основание «бить в набат». Но государство говорит: нет, не надо паники, мы можем компенсировать снижение численности рабочих рук привлечением мигран-

тов и усилением экономической активности тех трудовых ресурсов, что еще имеются.

Это приводит нас в смысловую ловушку. Да, с точки зрения государства этими механизмами проблема решается. Но с точки зрения данного общества — нет, не решается и, более того, усиление экономической активности граждан через множество инструментов ведет к ухудшению положения с рождаемостью. Как бы включается форсаж уже донельзя перегретого и изношенного двигателя.

С другой стороны, и личность воспринимает угрозу опосредованно. Да, человек видит, что общество депопулирует или находится на грани этого. Но его пугает не угроза, которая существует обществу и которая должна поступать к нему непосредственно из общества как к части этого общества. Его пугает возможное ухудшение собственного материального благополучия или рост числа мигрантов, которые восполняют местные выбывающие трудовые ресурсы.

Это говорит о том, что в развитых странах общество сильно индивидуализировано, разорвано, атомизировано и не ощущает себя чем-то единым. Фактически общество разрушено и находится в более трудном положении, чем общество менее развитых стран.

Уровни решения проблем

Опыт показывает, что решение проблем, возникающих на уровне личности, общества или государства, возможно также лишь на этом уровне.

Государство не может эффективно решать проблемы, возникающие на уровне личности или общества, либо в их взаимоотношениях.

Личность не может решать проблемы государства, проблемы общества или проблемы в их взаимоотношениях. К сожалению, личность не может воспринять даже понимаемые проблемы общества как команду к действию.

Выше мы говорили, что восприятие государством проблем общества сильно искажено. Соответственно, государственное воздействие на проблемы с целью их решения также не всегда эффективно. К примеру, можно вспомнить ряд неудачных попыток государств добиться снижения уровня потребления алкоголя. Так, неудачу потерпел знаменитый «сухой закон» в США. Так же неудачной оказалась судьба антиалкогольной кампании в СССР во второй половине 1980-х годов.

Значительно искажено восприятие проблем общества личностью. И, соответственно, решение проблем общества невозможно лишь самосовершенствованием (или совершенствованием) личности.

Общественные проблемы эффективнее всего решать на уровне самого общества.

Пожалуй, проблема в том, что решить проблемы общества возможно, но решать их, в первую очередь, должно само общество. Необходимы оздоровление общества, осознание им собственной ценности, проблем, путей их решения.

Валентина ФЕДОТОВА

ТРИ МОРАЛЬНЫХ И ПРАКТИЧЕСКИХ УРОКА МОДЕРНИЗАЦИИ

Конкретные примеры успешных модернизаций в странах, от которых никто не ожидал успехов, о путях и способах превратить свою слабость в силу — самые волнующие, захватывающие в истории человечества. О трех из них — в Сингапуре, Малайзии и Китае — эта статья. Особенностью всех трех модернизаций является наличие мечты, пафоса, финальной цели.

Сингапур

Первый премьер-министр независимого Сингапура Ли Куан Ю рассказывает в своей книге «Сингапурская история: 1965–2000. Из третьего мира — в первый»¹ о том, какие проблемы преодолевала страна и какие решения ему приходилось принимать. Ли Куан Ю не был теоретиком. Но он был в высшей степени образованным человеком, как и все его министры. Окончил Кембридж. Г. Киссинджер в предисловии к книге написал: «Сегодняшний Сингапур — воплощение его мечты»².

Направляющей всех решений была перспектива нового государства — Сингапура, к которой он устремился, следуя рамкам выработанной им *стратегии*. *Первая часть стратегии состояла в том, чтобы выйти за пределы региона*. Сингапур жил в окружении недостаточно дружелюбных исламских государств. Еще до начала глобализации Сингапур начал использовать мировые возможности и связи в интересах своей страны. *Вторая часть стратегии была направлена на создание из Сингапура оазиса первого мира в регионе третьего мира*.

Сингапур стремился выйти на уровень стандартов жизни, безопасности, здравоохранения, образования, транспорта, сервиса, присущих странам первого мира. И это были смелые планы в очень отсталой стране.

Когда Ли Куан Ю в 1970-х годах стал осуществлять социальные проекты переселения горожан в индивидуальные дома, а жителей сел в многоквартир-

¹ Ли Куан Ю. Сингапурская история: 1965–2000. Из третьего мира — в первый. — М.: МГИМО-Университет. 2010.

² Там же. С. 3.

ные, ситуация, по его описанию, была следующей: «Приспособление к новым условиям давалось нелегко и зачастую вело к комичным, даже абсурдным результатам. Несколько фермеров, разводивших свиней, не могли расстаться со своими животными и забрали их в многоэтажные дома. Надо было видеть, как некоторые из них гоняли свиней по лестницам многоэтажных зданий. Одна семья, в которой насчитывалось 12 детей, переезжая из хижины в новую квартиру... взяла с собой десяток кур и уток, чтобы держать их на кухне... Малайцы предпочитали жить поближе к земле. Они разводили овощи вокруг многоэтажных домов, как привыкли в своих деревнях. На протяжении еще долгого времени многие китайцы, малайцы и индусы не пользовались лифтами, а ходили по лестницам, и не из желания поразмяться, а из боязни лифтов. Находились люди, которые пользовались керосиновыми лампами вместо электрического света; другие продолжали заниматься своим старым бизнесом, продавая сигареты, сладости и всякую мелочь из окон квартир первого этажа, выходящих на улицу. Все эти люди страдали от культурного шока»³.

Несмотря на эти начальные условия, правительство Сингапура призывало иностранцев для инвестиций с отсутствием налогов на 5 лет. Англичане, голландцы, французы, позже — американцы, приехали в страну и стали инвестировать не в традиционные отрасли, а в электронный и прочий высокотехнологичный бизнес. Люди умели работать, и это стало одной из важных причин подъема Сингапура. Тайвань и Гонконг были расположены близко к Китаю, в котором происходила культурная революция, и инвесторы предпочли Сингапур. В 1970-е годы о промышленных и финансовых успехах Сингапура уже писали американские газеты.

Идея Ли Куан Ю сделать отделившуюся от Малайзии страну третьего мира — Сингапур — страной первого мира была мечтой, которой он посвятил жизнь. Безусловно, переход из третьего мира в первый может быть назван модернизацией, даже если он осуществляется впервые и не попадает ни под одну из теорий модернизации. Сегодня Сингапур — высокоразвитая в технологическом отношении страна, знаменитая электроникой, сталелитейным производством, химией и нефтехимией, добывающая особое — красное — золото, центр морской логистики, образования, финансовый центр и прочее.

В Сингапуре возникло первое социал-демократическое правительство. Социал-демократическая программа в Сингапуре состояла не в том, чтобы организовать государство «всеобщего благоденствия», потерпевшего крах на Западе, а чтобы создать справедливое государство. Суть этой программы — не перераспределять общественное богатство путем субсидирования потребления, а делать это путем накопления собственности. Если жители Гонконга, Токио и других стран Азии получают высокую зарплату и живут в маленьких комнатухах, за которые они платят большие деньги, то жители Сингапура живут в хороших квартирах, постепенно переходящих им в собственность, и платят за них много меньше.

Особые заслуги Сингапура заключаются в минимальном уровне коррупции, достигнутом суровыми мерами. Ли Куан Ю провозгласил чистые руки власти, неумолимость наказания и воспитание в духе отвращения к корруп-

³ Там же. С. 59.

ции. Он приводит в своей книге пример, когда известный архитектор отравился, желая избежать огласки своих коррупционных действий от стыда, который он испытывал перед людьми. «Необходимым предварительным условием для существования честного правительства является то, что кандидатам на правительственные посты не требуются большие деньги, чтобы добиться избрания, иначе они приводят в действие порочный круг коррупции...», — писал Ли Куан Ю⁴.

Ли Куан Ю описывает трудности при формировании правительства. Только длительная ориентация на рекрутирование талантливых элит, а не угодных выдвигенцев, позволила сделать задуманное.

Малайзия

В октябре 1996 года премьер-министр Малайзии с 1981 года Мохамад Махатхир расплакался из-за покупки депутатских мест. Уже давно шли реформы, а ему пришлось говорить о том, что нельзя «позволить взяточничеству разрушить малайскую расу, религию и нацию»⁵.

Результат деятельности Махатхира — превращение Малайзии в современное государство с высокоразвитой экономикой, независимой внутренней и внешней политикой, поддержанием национальных ценностей, прекращением расовых и этнических конфликтов. Этому предшествовали два десятилетия реформ, направленных на увеличение роли малайской части населения в обществе и, прежде всего, в экономике.

Сегодня действует стратегия превращения Малайзии к 2020 году в высокотехнологичное государство.

Махатхир сыграл выдающуюся роль в преодолении отсталости малайского народа и прекращении столкновения на этой почве между малайцами, китайцами и индусами. *Следует особо обратить внимание на то, что не малайский национализм, а отсталость малайского народа, воспринятая как несправедливость, стала основой модернизации Малайзии.*

По мнению Ли Куан Ю, Махатхир тащил малайцев от мракобесия к науке и технологии, к применению компьютеров и Интернета, к образованию, открыл им видение будущего. Большинство малайцев, все китайцы и индусы Малайзии хотят именно такого будущего, а не возврата к исламскому экстремизму, — подчеркивает Ли Куан Ю.

На эту оценку ссылаются в предисловии к книге Махатхира «Путь вперед»⁶. Здесь же говорится, что книга Махатхира — о любви к своему народу. Проводимые им преобразования в итоге оказались столь успешными, что в Англии стала издаваться серия книг «RoutledgeMalaysianStudiesSeries». Суть книги Махатхира «Путь вперед» определяется в предисловии одним словом — любовь, любовь к своему народу.

В 1969 году в Малайзии, в ее столице Куала-Лумпуре, вспыхнули ожесточенные расовые столкновения между китайцами и малайцами. Коренное

⁴ Там же. С. 101.

⁵ Там же.

⁶ Махатхир М. Путь вперед. — М.: Харвест. 2009.

население страны с момента получения Малайзией независимости в 1957 году не продвинулось в своем развитии, было наиболее отсталым и занимало нижайшее место в экономике. Здесь преобладали китайцы, и более успешными, чем малайцы, были индусы. Сами малайцы отрицали за собой способности к коммерции, занимались сельским хозяйством или уличной торговлей, не знали иных функций денег, кроме обращения. Экономика Малайзии росла, но малайцы мало участвовали в этом и в получении плодов развития.

Махатхир взял на вооружение метод, который лишь незадолго до этих событий возник в США под именем «позитивной дискриминации», введенной Л. Джонсоном в 1965 году. Это был способ защиты афроамериканского и испаноговорящего населения США с помощью аффирмативных (поддерживающих) акций и тем самым частичного ущемления интересов более успешной части населения. При реструктуризации общества с целью достижения равенства и справедливости Махатхир отрицал опыт как развитого капитализма, так и социализма.

Малайцы составляли 56% населения, а их доля в национальном богатстве страны была 2,4%, но должна была увеличиться в результате Новой экономической политики (НЭП) до 30%. В то же самое время доля немалайцев должна была вырасти с 34,3 до 40%, а доля иностранцев — уменьшиться с 63,3 до 30%. Чтобы вступить в экономику иного типа, чем была им известна, малайцы должны были получить образование, быстрее заняться бизнесом, в том числе — крупным бизнесом. И Махатхир детально разработал программу НЭП и национальной политики развития.

Формирование малайского делового сообщества было медленным, но все же происходило. Политический союз малайской, китайской и индийской партий был хрупким и готовым к развалу и конфронтациям. Боялись военного переворота, но он не произошел. НЭП ликвидировал экономические причины расовых столкновений в малайзийском обществе. Однако малайцы получили в результате НЭПа не 30, а 20% в сфере крупного бизнеса. Но политика национального развития с 1987 по 1996 год обеспечила темпы роста экономики Малайзии до 8%. «Позитивная дискриминация» в пользу малайцев оказалась полезной всем. Махатхир писал: «Мы в Малайзии считаем, что обездоленные заслуживают особого отношения. Мало сделать правила игры одинаковыми для всех, надо еще добиться, чтобы игроки были под стать друг другу»⁷.

Были осуществлены перемены в сфере культуры, в системе ценностей, которую выработала та или иная группа людей. Те народы, чья культура совместима с преуспеванием, добьются успеха, а те народы, чья культура несовместима с преуспеванием, — нет, — утверждал Махатхира. Ему удалось изменить культуру малайского народа честностью своей политики. Рекультивация — это не навязывание массам новой идеологии, как произошло в России, а создание условий для новых практик.

Культурная трансформация малайцев сделала их весьма отличными от их предков, но оставила малайцами, сохранившими свою культуру. Они изменились в сфере деловой культуры, стали другими людьми, прежде всего,

⁷ Там же С. 66.

приобрели уверенность в себе. «Важно, — говорит Махатхир, — что удалось продемонстрировать, что те ценности, которые исторически составляли основу малайской культуры, не являлись ни врожденными, ни вечными»⁸.

Китай

Китай в условиях, когда глобализация, скорее, была победой западного капитала над национальными интересами незападных стран, пошел *новым курсом активного использования глобализации в национальных интересах своей страны*. И именно глобализация вывела Китай в чемпионы мирового развития и дала ему возможность ставить новые, все более амбициозные цели.

Китайцы ежегодно издают доклады по проблемам модернизации своей страны. Недавно они опубликованы в России⁹. Теоретическое введение и десять теоретически обоснованных ежегодных докладов характеризуют специфику китайской модернизации не как догоняющей Запад, но заимствующей позитивный опыт Запада и не-Запада при четкой ориентации на национальные интересы.

Методология китайских реформ — постепенность и учет национальных условий. Это — «золотое правило реформ», отличающее их от революций: согласовать скорость реформ со способностями людей адаптироваться к ним. В одном из докладов утверждается: «Оценить благополучие эпохи возможно, только находясь в ее авангарде. Главные возможности, открываемые эпохой, удастся ясно осознать, только двигаясь с опережением. Даже великая нация может начать двигаться в сторону упадка, если она не способна воспользоваться такими возможностями. Цивилизованная нация может деградировать, если она не способна сама сознать возможности, предоставленные временем.

Экономика знания (основанная на знаниях) и модернизация представляют собой одно из главных направлений движения мира в XXI в.¹⁰ И Китай стремится к 2050 году достичь среднеразвитого уровня, а к концу XXI века войти в десятку самых развитых стран. Если это принято за реальность, то оно может стать реальным в своих последствиях.

Период перехода Китая к современности, его интенсивной модернизации в научной литературе относят к первой половине XX века — 1900–1950 годам. Китайское государство этого периода рассматривается как субъект линейного развития страны, многотысячелетней истории Китая, в ходе которой формировалась специфическая «китайскость», или китайская идентичность.

В 1928–1937 годах Китай повернул к индустриализации, которая сегодня ускоренно возобновлена как мегаиндустриализация, охватывающая небольшие города и сельскую местность вдоль береговой линии. Эта политика имеет

⁸ Там же.

⁹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под ред. Хэ Чуаньци. Отв. ред. русского издания член.-кор. Н. И. Лапин. — М.: Весь мир, 2011.

¹⁰ Там же. С. 84.

противоречие между территорией и населением, создавая внутренние миграционные потоки из крупных городов, где высока безработица, в индустриальные районы, где мигранты испытывают немалые трудности¹¹.

Представляет интерес концепция Л. Ли, который, вопреки принятому рассмотрению модернизации незападных стран как осуществляемой посредством мобилизации масс элитами или вследствие революции, убедительно, как представляется, доказывает неполитический характер китайской модернизации этого периода¹². Модернизация первой половины XX века началась, по его мнению, не в Пекине — городе старинных нравов, а в Шанхае. Именно здесь была выработана «новая система интеллектуальной категоризации», произошла «рекатегоризация знания» и получены его новые основания.

Ответственный редактор книги, суммируя идеи Ли, отмечает следующие черты специфики шанхайской модернизации: наличие городской культуры, способной соответствовать рынку; продолжение китайского прошлого; новые формы материальной культуры: утилитаризм вместо принятой на Западе рациональности науки и технологии; новые формы демаркации пространства, времени, частного и публичного, вызванные коммерциализацией культуры потребления. По мнению автора введения к названной книге, имплицитным в концепции Ли «является аргумент, что современность (первой половины прошлого века. — В. Ф.) осуществляется, скорее, через бизнес, а не посредством политики, через достижение лучшей жизни, а не справедливого общества, через трансформирующую силу частного предпринимательства, чем через коллективные акции.

Современность возникла, не порывая с прошлым, без мобилизации масс в политические движения (как это было в незападных странах при догоняющих Западом модернизациях. — В. Ф.), а как сумма повседневных практик обычных людей, занятых бизнесом, изданиями, чтениями, рекламой, потреблением и т.д.

Современность была материальной трансформацией повседневной жизни для сотен и тысяч людей, нежели чем организованная элитами модернизация для хороших целей»¹³. И эта традиция действует вновь.

¹¹ Resurgent China. Issues for the Future / Ed. by Nazkul Islam. — L.: Palgrave Macmillan. 2009. P. 7.

¹² Lee Leo On-fan. The Cultural Construction of Modernity in Urban Shanghai. Some Preliminary Exploration // Becoming Chinese. Passages to Modernity and Beyond. Ed. by Wen — HSIN Yen. Berkeley, Los Angeles. — L.: University of California Press. 2000.

¹³ Там же. С. 7.

Тиберио ГРИЦИАНИ (Италия)

БРИКС: ОСНОВА МУЛЬТИПОЛЯРНОГО МИРА

Десять лет назад акроним БРИК вошел в обиход в международных финансово-экономических кругах. С тех пор сотрудничество между быстроразвивающимися странами, объединёнными под этой аббревиатурой, обрело всё более ярко выраженную геоэкономическую и геополитическую окраску. Укрепление взаимоотношений между Бразилией, Россией, Индией, Китаем и с 2010 года также и Южной Африкой стало возможным не только из-за очевидных общих интересов в области модернизации и развития их экономик, которые весьма характерны для быстроразвивающихся стран, но и в силу того, что эти страны разделяют общее мировоззрение в международной политике. Политическая координация, возникшая в рамках БРИКС за последние годы, представляет собой движущий элемент в переходе от однополярного к многополярному миропорядку.

БРИКС: между геоэкономикой и геополитикой

Весной 2001 года аналитик Инвестбанка Голдман Сакс Джим О'Нилл, основываясь на макроэкономических данных некоторых быстроразвивающихся стран — в особенности, в области демографии, прироста ВВП и стратегических природных ресурсов, свидетельствовал о существовании нового потенциального геоэкономического объединения, присвоив ему акроним БРИК. Как известно, страны, которые были приняты во внимание, это Бразилия, Россия, Индия и Китай. О'Нилл пришел к выводу, что в только что начавшемся столетии эти страны, по всей видимости, будут доминировать в глобальной экономике. Поэтому необходимо было включить их в глобальную экономику, гегемонистически подчиненную США после распада СССР. С тех пор страны БРИК, как впоследствии их стали называть, пытались поодиночке найти своё геополитическое место в глобальном мироустройстве. Некоторые из них, и в особенности Бразилия, Индия и Китай, старались повысить степень своей независимости на международной арене, делая упор на целую серию четко сформулированных торгово-экономических соглашений как на региональном, так и на глобальном уровнях. Высокий уровень прироста ВВП этих стран-континентов, несомненно, являлся тем «топливом», которое было необходимо для их новой роли после окончания двуполярного миропорядка. Не была исключением и Россия, которая во главе с

Путиным — после пагубного президентства Ельцина — пыталась вернуть свою ведущую роль, по крайней мере, в постсоветском пространстве.

Всего за несколько лет это новое геоэкономическое объединение из аналитической гипотезы, удобной для описания финансово-экономических сценариев XXI века, превратилось в реального глобального игрока. На повестке дня форума стран БРИК уже были все основные вопросы мировой экономики: начиная с вопроса об изменении климата и вплоть до вопроса о корзине валют, а также проблемы, связанные с процессами модернизации и инновационного развития, и вопросы, касающиеся безопасности отдельных производственных отраслей; кроме того, страны БРИК решительно и своевременно выражали своё мнение по поводу «горячих» актуальных вопросов, касающихся международных конфликтов и напряженных ситуаций. К примеру, в течение 2011 года страны БРИК выступили против агрессии в Ливии и против изоляции Сирии (действия, совершавшиеся преимущественно евроатлантистами), проголосовали за признание Палестины в рамках ЮНЕСКО и решительно требовали реформировать Совет Безопасности ООН. Сотрудничество между странами БРИК, укрепившееся с вступлением в 2010 году Южной Африки, приобретало все более «политическую» окраску вплоть до возможности влиять на мировой баланс сил. В общем, можно заметить, что сам факт создания нового клуба стран ускорил переход к многополярному мироустройству, а также заложил предпосылки для своего укрепления на континентальном уровне. К тому же, группа стран БРИКС, кажется, подтверждает геополитическую гипотезу, согласно которой опорной колонной в процессе становления нового миропорядка являются Индиолатинская Америка и Евразия.

Страны БРИКС, как известно, не только влияют на экономическую, финансовую и промышленную сферы, но и на геостратегическую и, в конечном счете, на международный правовой миропорядок.

Группа стран БРИКС и геостратегия

Относительно геостратегии необходимо заметить, что координация между странами БРИКС в действительности представляет почти диагональную ось (от восточной стороны Северного полушария — Евразии — и до западной части Южного полушария — Индиолатинской Америки), которая, можно сказать, «асимметрична» по сравнению с горизонтальными и вертикальными траекториями, соответственно Запад — Восток и Север — Юг, к которым нас приучила публицистика в периоды двуполярного и однополярного мироустройства. Асимметричная ось Северо-Восток — Юго-Запад, основанная на трех ядрах — Евразия, пик Южной Африки и Бразилия, в средне- и долгосрочной перспективе изменит стратегические позиции Западной системы во главе с США, которая всё ещё является гегемоном на уровне вооруженных сил.

Существование БРИКС (пока что только на дипломатическом и экономическом уровне) в силу своего военного потенциала и геостратегических позиций может явиться первым скоординированным ответом на «марш» США, которые, продвигаясь горизонтально вдоль атлантической-средиземной

направляющей, пытаются пробиться до стран Средней Азии. Хотелось бы заметить, что за последние двенадцать лет давление на европейско-африканско-азиатскую группу со стороны США приобрело чисто военную окраску. Милитаризация внешней политики США, начатая различными администрациями США, от Буша-старшего до Обамы, представляет собой основной элемент геополитических методов Западной системы, направленных на фрагментацию отдельных стратегических районов, таких как Ближний Восток и Северная Африка.

На дипломатическом, экономическом и военном уровнях группа стран БРИКС имеет определенный дисбаланс в сторону своей евразийской составляющей. Эта ситуация открывает, как минимум, две возможные перспективы развития. В первом случае, дисбаланс уже в среднесрочной перспективе может явиться фактором напряженности внутри политического правления этой новой группы, в результате чего «под крыло» США могут вернуться Бразилия и Южная Африка. Во втором случае, возможно, более реалистичном, настоящий дисбаланс может оказаться основанием для ускорения континентальной интеграции Южной Америки, центром которой будут являться Бразилия, Аргентина и Венесуэла. Такой сценарий желателен, так как это укрепило бы многополярность. Во втором случае самый слабый элемент группы стран БРИКС, то есть Южноафриканская Республика, в силу своего особого географического положения, в условиях нового миропорядка приняла бы на себя функцию геостратегического уравновешивания.

Новая модель многополярного сотрудничества

Относительно удельного веса стран БРИКС в правовом миропорядке мы согласны с точкой зрения профессора кафедры международного права Университета Сан-Пауло (Бразилия) Пауло Борба Казелла в том, что речь идёт о некоей инновационной, независимой и оригинальной модели сотрудничества. Как говорит профессор: «инновационный характер будущего БРИКС состоит непосредственно в том, что эти страны могут заниматься и своими собственными проблемами, и в то же время выстраивать новую модель международного сотрудничества. Вот такая перспектива. Необходимо будет воплотить её в жизнь». Группа стран БРИКС вводит метод сотрудничества, который, уважая культурную принадлежность своих участников, идёт вразрез с универсальными моделями работы международных организаций, таких как ООН, Всемирный банк, МВФ, которые основываются, как известно, на индивидуалистических и меркантильных критериях, свойственных западному мышлению.

Новая группа стран, объединившаяся в силу очевидных экономических интересов, развивается в направлении некоей более конкретной концепции межгосударственных отношений, основанной на сходном культурном субстрате, который можно определить как солидарный, относящийся с вниманием к «общественным проблемам» и к конкретным интересам разных этнокультурных сообществ, живущих в этих странах.

Новые перспективы, которые открывает модель сотрудничества БРИКС, столкнутся поневоле с так называемой «мировой регламентацией» (global

governance — понятие англо-американской школы), которая основывается на индивидуалистической концепции общества и единой — «демократической» — системе воззрения. Она отвергает культурные различия народов (за исключением инструментальной доктрины «столкновения цивилизаций»). На самом же деле, новая модель сотрудничества, которую продвигают страны БРИКС, свидетельствует о конце или переориентации ООН и об упадке или реструктуризации таких международных организаций, как МВФ, Всемирный банк и ВТО.

«Делийский саммит»: потенциал БРИКС в действии

Особый интерес в ускорении интеграции БРИКС вызывают итоговые данные, переданные гласности на недавнем (29 марта) саммите в Нью-Дели, о жизнеспособных проектах развития и мобилизации финансовых ресурсов для инфраструктур стратегических отраслей промышленности.

Важнейшим итогом саммита, конечно же, является предложение о создании Банка развития БРИКС, сосредоточенного на реальных потребностях пяти стран (Банка развития Юг-Юг во главе с БРИКС). Успешность этого предложения будет проанализирована на пятом ежегодном саммите, который состоится в следующем году в Южной Африке, ставшей новым членом Клуба БРИКС. Создание действующего нового глобального банка, скорее всего, содействует сдвигу центра финансового притяжения планеты, в настоящее время удерживаемому странами Запада.

Что касается потенциала Клуба БРИКС, то необходимо также принимать во внимание процессы модернизации их соответствующих систем обороны. Это очень важная тема для обсуждений, в частности, для Российской Федерации и Китая о разумности их роли в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН).

Владимир ДЕРГАЧЁВ (Украина)

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КИТАЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

В последнее время «буревестники демократии» из постсоветских государств отправляются в Пекин в основном за кредитами и предпочитают не распространяться об успехах коммунистического режима. И, вместе с тем, гордятся стратегическим партнерством с Китаем, подразумевая под этим симметричное равновеликое и взаимовыгодное сотрудничество на основе «братской дружбы народов». Но надо знать, что китайцы, наоборот, трактуют «стратегическое партнерство» как асимметричное понятие, подразумевающее неравенство между старшим и младшим братом. Исходя из самой сущности китайского государства-цивилизации (Срединного государства, взаимодействие Поднебесной и «варваров»). За десятилетия существования коммунистического Китая только при Сталине Советский Союз рассматривался как «старший брат». Поэтому в «стратегическом партнерстве», например, стран Восточной Европы с Пекином, можно рассчитывать лишь на роль сырьевого китайского протектората.

Поднебесная на фоне деградации экономики и общественной жизни в России и постсоветских государствах совершила феноменальный скачок в золотую эпоху цивилизации. Но ошибкой было бы бездумно копировать китайский опыт. Сформировалось молодое поколение, которое не желает возврата к советскому прошлому, но и не видит будущего в стране с коррумпированным режимом. Вряд ли молодые граждане России захотят связать свое будущее с коммунистическим Китаем, где нет тех свобод, например, в Интернете, к которым они привыкли. Где в партии сохраняются сторонники романтизации «культурной революции», искалечившей или унесшей жизни миллионов. Но надо знать, почему прошедшие два десятилетия называются «золотым веком» китайской цивилизации и реального социализма, а Россия и большинство постсоветских стран построили государства криминально-коррумпированной демократии. Поэтому и актуально обращение к Поднебесной в поисках утраченного здравого смысла. Различные аспекты этой проблемы в контексте особенностей китайской геополитики уже рассматривались автором¹ и изложены в труде «Падение и взлет китайского Дракона»².

¹ Дергачев В. Особенности китайской геополитики. — Вестник аналитики, 2008, № 2.

² Дергачев В. Падение и взлет китайского Дракона. — Интернет-портал «Институт геополитики». — URL: <http://www.dergachev.ru/anons/23.html>

Анатомия падения Поднебесной. Пятьсот лет назад Китай был мировой державой, лидирующей в торговле, по промышленным нововведениям, производительности сельскохозяйственного труда и уровню жизни. Еще в начале XIX века Китай обладал крупнейшей экономикой мира (примерно 1/3 мирового ВВП). По экономической мощи Поднебесная превосходила совокупный показатель Западной Европы (27%), Индии (16%) и США (всего лишь 2% от мирового ВВП). Но в дальнейшем произошла трагедия. Внутриполитическая обстановка в Поднебесной, поверившей в свою исключительность, приводит к свёртыванию внешней торговли. Китайская империя отгородилась от окружающего мира и была отброшена на задворки цивилизаций. Политика изоляционизма пагубно отразилась на развитии общества, привела к губительным для страны последствиям. И, наоборот, христианская традиция преобразования мира способствовала Великим географическим открытиям и созданию новых рынков. В отличие от Европы, где состоялся союз Ума и Капитала, в Поднебесной, согласно китайской традиции, люди умственного труда шли в бюрократию. И это, как считают историки, послужило длительному застою. В результате внешней экспансии «Срединная империя» стала испытывать унижение и оскорбление чувства собственного достоинства, особенно со стороны Великобритании, России, Японии и США.

Западные ангелы смерти. К внутренним ошибкам правящей китайской династии добавилась смертельная угроза. Против Китая Запад применил самое эффективное психологическое оружие — опиум.

В XVIII веке на Западе большим спросом пользовались товары из Поднебесной, особенно — шелк, чай и фарфор. За товары приходилось расплачиваться серебром. Самодостаточная Китайская империя не нуждалась в импорте товаров, а серебра, которое поставлялось в Европу после открытия Нового Света, становилось все меньше. Когда серебра стало не хватать, Британская Ост-Индская компания начала внедрять технологию торговли в обмен на опиум, выращиваемый на плантациях компании в Индии. В результате контрабанды наркотиков к 1833 году была достигнута заветная цель Британской империи — положительный торговый баланс с Китаем. Английские купцы стали требовать от Лондона военного вмешательства в целях заставить Китай отказаться от изоляционистской политики.

В результате Первой (1839–1842 гг.) и Второй (1856–1860 гг.) опиумных войн Поднебесная окончательно была открыта для внешней торговли. Победа владычицы морей была достигнута на море и за счет технического прогресса — парового военного корабля. Была легализована продажа наркотиков, а Китай оказался в значительной степени протекторатом Великобритании и Франции. Вместо риса и чая стали выращивать опиум. Началась массовая деградация коррумпированного китайского общества, посаженного на наркотическую иглу. Уже к 1830 году опиум стал неотъемлемой частью повседневной жизни китайцев. В результате произошла депопуляция китайского населения³, кото-

³ Дергачев В. Великий час Южных морей. — URL: <http://www.dergachev.ru/Landscapes-of-life/Indo-chinese/02.html>; Завадский М. Приход с профицитом. — URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/01/prihod_s_proficitom; Попов А. Чайно-опиумный узел // Вокруг света, 2011, № 6.

рое сократилось с 1851 по 1874 год на 73 млн человек (с 452 до 379 млн), из них 120 млн стали наркоманами. На покупку опиума китайцы тратили такое количество серебра, что оно почти исчезло из оборота. Платить налоги стало практически нечем, государственная казна опустела. Чиновники погрязли в коррупции.

Маньчжурский правящий двор попытался осуществить реформы, направленные на индустриализацию и модернизацию Китая. Однако в государстве с коррумпированными чиновниками и при отсутствии гражданского общества капиталистические отношения развивались медленно. На бывшей Великой державе был поставлен крест. Нация наркоманов, как считали европейцы, навсегда проиграла в борьбе за мировую гегемонию.

Когда в 1949 году к власти в Китае пришли коммунисты, маковые плантации занимали более миллиона гектаров. В короткие сроки они были уничтожены, 80 тыс. наркодельцов было арестовано, многие из них расстреляны. Битва с наркоманией стала массовым народным движением. Главным оружием борьбы стала вера в светлое будущее, которое придет на смену многовекового застоя деградации. И у китайцев со временем исчезла потребность уходить от реальности с помощью наркотиков.

Поиски путей благоденствия. Диктатура Красного Дракона. После трагедии, постигшей Поднебесную и превратившую империю в протекторат Запада, в начале XX столетия начались поиски выхода из трагического тупика, начиная с программы китайских либералов «Сто дней реформ»⁴, которые растянулись на столетие проб и ошибок.

После победы китайской революции и провозглашения в 1949 году Китайской Народной Республики, в 1950 году Мао и Сталин подписали договор «О дружбе, союзе и взаимной помощи». Но уже к середине 1950-х годов китайское руководство, осознав неприемлемость слепого копирования советского опыта, стало искать свой путь благоденствия. Собственно говоря, к этому времени к этим мыслям пришли в большинстве стран народной демократии. Хотя броненосец Старшего брата стоял на запасном пути, периодически он выходил на магистральный путь братских стран в качестве стального аргумента преодоления сомнений. Но до Великой Китайской стены бронепоезд не дошел. В Китае началась децентрализация административного социализма и делегирование власти на нижний уровень. При этом не удалось избежать крайностей.

Во время «Большого скачка» (1966–1976) в связи с ростом промышленности население городов увеличилось в два раза, но от 20 до 30 млн, преимущественно крестьян, погибло от голода. «Культурная революция» (1966–1976) привела не только к дальнейшему развалу экономики и массовым репрессиям в отношении интеллигенции. Необразованная молодёжь («хунвейбины») использовалась в борьбе за власть против элитарного процесса отбора лучших.

Конфуцианский социализм. Руководящей идеологией в Поднебесной является китаизированный марксизм, а в Советском Союзе, как убеждены

⁴ В России либерализация также началась с наивной программы «500 дней» (1990).

китайские руководители, был догматизированный марксизм. Однако если учитывать древнюю китайскую философию, то европейский марксизм предстанет плагиатом на идеи, высказанные китайскими мыслителями тысячи лет назад. Это в Европе бродил призрак коммунизма, а в Китае коммунистические идеи заложены в одном из течений древнекитайской философии. Коммунистическая партия Китая взяла курс на гармоничное постепенное развитие на основе китаизации марксизма на конфуцианском фундаменте. В 1979 году во время беседы с премьер-министром Японии Масиёси Охирой Дэн Сяопин подчеркнул отличие намечаемой китайской модернизации от японской. В противоположность японскому конфуцианскому капитализму Китай будет строить конфуцианский социализм, формально называемый «социализмом с китайской спецификой»⁵, предусматривающий постепенный переход от гармонии личности к гармонии семьи, общества и государства.

Дэн Сяопин (1904–1997) стал «Великим архитектором китайских реформ», основанных на постепенной конвергенции капитализма и социализма под руководством коммунистической партии. Он был действительно национальным лидером, не назначенным правящей партией, одним из немногих в мировом коммунистическом движении, доказавшим, что реальная власть обусловлена не занимаемым местом, а личностью. В начале реформ Дэн Сяопин обратился с просьбой к американскому президенту Рейгану направить в американские университеты сто тысяч молодых китайцев. К настоящему времени более миллиона китайцев получили образование в Америке. Многие из них вернулись на родину и стали эффективными рыночными менеджерами. По версии американского журнала «Time», Дэн Сяопин дважды назывался «человеком года» (1978, 1985).

Трижды закаленный силой духа Китай. Восхождение Китая к сверхдержаве нельзя объяснить только наличием сильной центральной власти. Китайской цивилизации путем падений и взлетов удалось выработать модель контактов на суперэтнических рубежах, основанную на сочетании открытости материальных коммуникаций с внешним миром и ограничений для заимствований в духовной сфере.

Стратегический геополитический ресурс Китая заложен в силе духа и стабильности исторической традиции, в имманентной ориентации на Великий порядок, основанный на социальной гармонии и справедливости. В этом отношении Китай является трижды «закаленным» государством — закаленным коммунистической идеологией, конфуцианством и буддизмом. Соединенные Штаты Америки с двухсотлетней историей не только не обладают таким богатством, но и выглядят наивными дилетантами в своем стремлении претендовать на мировое господство.

Коммунистическую идеологию исповедует крупнейшая в мире правящая политическая партия (80 млн членов). КПК сменила стратегию «мирного подъема» на стратегию «гармоничного мира». Руководство КПК уделяет пристальное внимание изучению обстоятельств гибели СССР, в том числе ошибкам в кадровой политике. Компартия постоянно обновляет руководящие

⁵ Лукьянов А., Переломов Л. Конфуцианский социализм // Мир Востока, 2003, № 1.

кадры. В 2002 году КПК опубликовала «Программу построения гражданской нравственности», обязательной для реализации центральными органами власти и на местах. В ней заложена реинтерпретация традиционного конфуцианского учения о первичности морали и невозможности реформировать государство без реформирования человека. Конфуцианство, основанное на принципах нравственного совершенства человека, становится фундаментом государственной идеологии Китая.

В отличие от демократической России, взявшей курс на создание потребительского общества по западному образцу, коммунистический Китай приступил к очередному этапу эпохальных реформ, в центре которых не только семья со «средним» уровнем «зажиточности», но и с определённым нравственным уровнем. По мнению российского философа академика В. С. Степина, китайские реформы возникли на почве, взрыхленной культурной революцией, а в России почва была утрамбована стабильной системой «развитого» социализма.

Конфуцианский социализм позволил Поднебесной, не отказываясь от своего прошлого, после проб и ошибок избежать заимствования чужой модели Запада, куда с тупым упорством и известным результатом рванули некоторые новые независимые государства, образованные на обломках СССР. В результате Китай успешно отражает информационно-психологические войны, используемые Западом против Пекина (атипичная пневмония, поддержка сепаратизма в Синьцзяне и Тибете, попытки подрыва доверия к национальной валюте и др.).

Китайская власть каждый раз доказывает эффективность государственного управления кризисными процессами, демонстрирует исключительно эффективные технологии новейшей геополитики, направленные на нейтрализацию внешних информационных атак.

Третьей составляющей Силы духа китайского общества является буддизм, получивший особое распространение в Южном Китае, где под патронажем компартии Китая только в последние два десятилетия воздвигнуты грандиозные культовые сооружения (бронзовая статуя Большой Будда в Гонконге, Трехликая статуя богини Гуаньинь, высотой в 108 м в провинции Хайнань и др.).

Золотой век китайского Дракона. Как показывает история, «золотой век» цивилизации бывает непродолжительным. «Золотой век» Древней Греции исчислялся несколькими десятилетиями. Совсем недавно авторитетные западные аналитики прогнозировали, что Япония станет первой сверхдержавой. Но смена поколений привела к замедлению экономического роста, а природная стихия (цунами) и техногенная катастрофа на атомной станции окончательно выбили страну Восходящего солнца из борьбы за мировое лидерство. В начале 1990-х годов многие аналитики прогнозировали вслед за Советским Союзом распад последней империи — Поднебесной. Но прогнозы не оправдались, а коммунистический Китай продемонстрировал фантастические темпы экономического роста и модернизации. Поэтому прогнозы о распаде Китая умолкли, но появились другие — рост благосостояния неизбежно приведет к требованию свобод. Если это будут свободы по-русски — с безбрежной сво-

бодой коррупции и безнаказанностью, то это представляет угрозу китайской государственности. Но пока Китаю это не грозит.

Китай, став сверхдержавой, не претендует на членство в «клубе» семи ведущих держав мира, где на дополнительной «табуретке» сидит экономически слабая и коррумпированная Россия. Традиционные представления о Поднебесной как центре мира не позволяют опускаться до уровня «варваров» из окружающего мира, а когда геополитическая мощь Китая станет неоспоримой, все само собой станет на свои места. Коммунистическое руководство постоянно подчеркивает, что Китай — развивающаяся страна, находящаяся на первой стадии строительства социализма. Являясь лидером третьего мира, Пекин успешно укрепил свои экономические позиции в Африке и Латинской Америке. Экономический рост требует энергетических и других ресурсов и усиливает китайскую экспансию, прежде всего в Азии.

Можно понять российские прокремлевские СМИ, скупое освещающие успехи Поднебесной. С начала 1980-х годов Китай демонстрирует темпы экономического роста от 8 до 15% в год. ВВП Китая увеличилось за тридцать лет более чем в двадцать раз, а в России за двадцать лет формально удалось восстановить уровень 1990 года. В 2007 году на XVII съезде КПК было намечено увеличить к 2020 году абсолютный показатель ВВП на душу населения в четыре раза по сравнению с 2000 годом. Была принята программа перехода к построению «среднезажиточного общества» на основе качественных показателей развития экономики и социальной справедливости. Для этого локомотивом роста должен стать внутренний потребительский спрос, а не зарубежные инвестиции и экспорт.

По промышленной мощи Китай стал сверхдержавой, производя половину мирового производства стали, больше автомобилей, чем Соединённые Штаты и Япония, вместе взятые, значительную долю продукции электроники. Успешно создается инфраструктура китайского капитализма. Чтобы «идти вонне», Китай сосредоточился на модернизации внутреннего коммуникационного каркаса державы. Поднебесная реализует самые масштабные в мире инфраструктурные проекты.

Растущие потребности в ресурсах стимулируют геополитику Пути, не забывая при этом проблемы внутренней продовольственной безопасности. Китай вышел в мировые лидеры по производству зерна и мяса, в результате обеспечивает население в основном отечественным продовольствием. Всего 8% орошаемых земель планеты кормит 20% ее населения. Вместе с тем, отмечается большая дифференциация в доходах городского и сельского населения, велика безработица, что вызывает социальную напряженность в обществе.

Став экономической сверхдержавой, Китай вышел на второе место в мире по военным расходам. 15 октября 2003 года в космос была запущена ракета с первым китайским тайконавтом (космонавтом). К 2020 году будет построена китайская орбитальная станция, и Китай может стать мировым лидером в освоении космоса. В Китае насчитывается 340 млн пользователей Интернета, и в Народно-освободительной армии созданы самые эффективные в мире киберподразделения.

Китай производит больше электроэнергии, чем Япония, и располагает самыми крупными запасами угля в мире, на его долю приходится свыше 80%

в топливно-энергетическом балансе страны. На великой китайской реке Янцзы построена крупнейшая в мире гидроэлектростанция «Три ущелья» с проектной мощностью 22,4 ГВт. Дефицит в электроэнергии Китай также стремится частично покрыть за счет нетрадиционных источников энергии. Поднебесная стала второй страной в мире после Германии по использованию энергии ветра, около 10 % горячей воды для жилых домов получается от солнца.

За счет исключительно низкой стоимости труда Китай, подобно гигантской воронке, засасывает в себя чужие ресурсы в виде капитала и рабочих мест, что угрожает мировой экономике убийственной дефляцией (уменьшением количества находящихся в обращении денег). Опровергается классическая теория свободной торговли, когда специализация каждого участника в международном разделении труда ведет к экономическому прогрессу всех остальных.

За последние десятилетия улучшилось качество жизни. Антикризисная программа Пекина была направлена на стимулирование внутреннего спроса путем кредитования населения, строительства дорог и модернизации предприятий. По объему государственной помощи по отношению к ВВП страны Китай является абсолютным мировым лидером. По индексу гуманитарного развития и продолжительности жизни страна находится на среднем мировом уровне, что является большим достижением, учитывая гигантскую численность населения. Трудно обеспечить качество жизни крупнейшего в мире демографического океана людей. Большинство китайцев живёт бедно, но, как они сами говорят, «с каждым годом все лучше».

Миф о безграничной открытости китайской экономики. Девиз стратегического курса открытой экономики Китая сформулирован Дэн Сяопином: «Посеешь закрытость — пожнешь бедность». Но чрезмерная открытость экономики, как и изоляционизм, чревата негативными последствиями для развития. Поэтому Пекин обеспечивает защищенность китайского рынка от западного «рынка без границ», проводит продуманную внешнеэкономическую политику под жестким контролем государственного регулирования, не допускает чрезмерного открытия внутреннего рынка для зарубежных инвестиций, чтобы не допустить зависимости от колебаний мировой финансовой конъюнктуры. Как это происходило в Мексике, Аргентине, Индонезии, России и других странах. В Поднебесную привлекается только продуктивный капитал. Во внешнеэкономической политике Пекин осторожно подходит к либерализации рынка финансовых и страховых услуг.

Полузакрытость китайской экономики наглядно демонстрирует финансовая политика Пекина⁶. Государство осуществляет контроль за валютным регулированием. Приветствуется неограниченный ввоз валюты в Китай и её конвертируемость в юань, а вывоз валюты за границу частными физическими и юридическими лицами затруднён многоступенчатой процедурой разрешений и строго контролируется государством. Большинство расчетов и плате-

⁶ Девятков А. Китайский путь для России. — URL: http://www.ideologiya.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=8513

жей осуществляется только в китайских юанях. В России все наоборот, национальной валютой стали американский доллар и евро. Социализм с китайской спецификой гарантировал сохранность вкладов населения и за годы реформ ни разу не обманул граждан Поднебесной.

Глобальный финансовый кризис позволил Китаю обрести второе дыхание для дальнейшего развития на фоне снижения мощи США, Японии и Европейского Союза. Китай совершил новый рывок не только в экономике, но и на мировом финансовом рынке, где доля расчетов в юанях превысила 20% за счет массового вывоза китайского капитала. Это приводит к возникновению нежелательного торгового дефицита для других участников мирового рынка. В результате китайской открытости только вовнутрь Пекин накопил более 3,2 трлн долл. золотовалютных резервов и продолжает скупать казначейские бумаги США, спасая стабильность доллара и мировой финансовой системы. Китай выкупил часть долговых обязательств Греции, Португалии и готов это сделать в отношении других стран еврозоны. Китай стал главным инвестором Африки, а местные страны в торговле с Поднебесной перешли на юани.

Вашингтону очень хочется наказать Китай за нежелание повышения курса юаня, позволяющее китайским товарам иметь ценовое преимущество на мировых рынках. Но Пекин располагает долговыми обязательствами американского казначейства почти на 900 млрд долл., и Поднебесная является крупнейшим в мире держателем внешнего долга Америки. А Евросоюз не желает из-за курса юаня ссориться с важнейшим торговым партнером. Китай, опередив Европейский Союз, стал крупнейшей мировой державой по объему внешней торговли, вышел на первое место в мире по объему экспорта.

В противовес мировому финансовому рынку во главе с Западом Китай выступает с идеей создания азиатского рынка с единой валютой. Основой такого образования должен стать валютный союз Большого Китая, включая материковый Китай, Сянган, Аомынь и Тайвань. Такой подход позволяет решить не только геополитическую задачу воссоединения Большого Китая, но и создать в перспективе единый азиатский рынок, защищенный от колебания мирового (западного) валютного рынка.

Убить Дракона китайской коррупции. Коммунистическое руководство успешно реализует одно из завещаний Дэн Сяопина — «Мягкой рукой с преступностью не повоюешь и социальные уродства не выведешь». Коррупция является неизменным спутником китайских реформ и усугубляется местной традицией доминирования неформальных связей в деловых отношениях. Когда шестнадцатилетняя тетка является близкой родственницей, становится понятной сила неформальных связей в семейном бизнесе. Власть время от времени проводит жесткие кампании по борьбе с коррупцией, высокопоставленные чиновники приговариваются к смертной казни. Но Пекин понимает, что нужно умело использовать подобные меры. В последние годы Пекин принял ряд законов для борьбы с коррупцией. В обнародованной Белой книге «Усилия Китая по борьбе с коррупцией и формированию неподкупного партийного и правительственного аппарата» подчеркивается, что «оптимальное решение проблемы требует как радикальных, так и паллиативных мер, соче-

тания мер наказания и профилактики с акцентом на профилактику». Эффективность борьбы с коррупцией в Китае связана, прежде всего, с тем, что она велась и ведётся в неразрывной связи с борьбой с организованной преступностью.

Высокие темпы экономического роста Китая привели к высокому уровню организованной преступности, слиянию бизнеса, криминала и власти. Особое место в международных отношениях занимают китайские триады — самая организованная мафия в мире, крупнейшая группировка мирового этнического бизнеса. Если за период коммунистического правления триады в Китае были практически полностью уничтожены, то во время реформ вместе с инвестиционными компаниями из Гонконга пришла и контролирующая их мафия. Пока криминальный капитал работал на китайские экономические реформы, власть закрывала глаза на его происхождение. Со временем триады внесли такой вклад в коррумпированность китайских чиновников, что стали представлять угрозу для социальной стабильности.

За период с 2000 по 2010 год в Китае было приговорено к смертной казни около 10 тыс. преступников, включая убийц, лидеров мафии, наркодельцов, чиновников и военных. Среди них коррупционеры не являются самой массовой категорией. Согласно уголовному кодексу КНР, при незаконных доходах чиновников свыше 100 тыс. юаней (14,3 тыс. долл.) предусматривается срок заключения 10 и более лет, вплоть до пожизненного. Но за взятки в особо крупных размерах выносятся смертный приговор с конфискацией всего имущества.

Обращает на себя внимание, что высшая мера принимается в отношении чиновников самого высокого ранга. Среди высокопоставленных чиновников, приговоренных за последние годы к высшей мере или пожизненному заключению, бывший заместитель председателя Высшего народного суда КНР; председатель Народного политического консультативного совета провинции Гуандун; вице-мэр Пекина, председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей; вице-спикер парламента КНР, несколько крупных партийных функционеров, руководителей министерств, мэров и вице-мэров крупных городов. Средний размер взяток составил 1,4 млн долл., что является смешной суммой по российским масштабам коррупции в высших эшелонах власти. В Поднебесной участились случаи крупномасштабной коррупции высокопоставленных чиновников из-за обилия «наложниц». Так как положение в китайском обществе традиционно определяется не только богатством, но и наличием любовниц, Компартия Китая приняла решение о регистрации дам сердца (вероятно, в разумных количествах).

В партийных школах, где проходят подготовку госслужащие, рекомендовано проводить специальные занятия, помогающие будущим чиновникам бороться с соблазном получить взятку. Во время антикоррупционных занятий совмещаются элементы медитации, восточных единоборств и силовых упражнений. Социологические опросы показывают удовлетворённость китайской общественности результатами такой борьбы с коррупцией.

Уроки китайского. Возрождение великой державы-цивилизации происходит на основе сочетания мировых достижений, мировоззрения и менталитета

китайской традиции. В отличие от России Китай не пошел по пути неолиберального фундаментализма, а отдает предпочтение сильному государству, контролирующему приоритет материально-технологического импорта над социокультурным.

Уроки китайского заключаются в богатых традициях социального долга, открывшего секреты силы, великого порядка и стабильности. Философское наследие творчески используется в модели конфуцианского социализма на основе постепенной конвергенции социализма и капитализма, преодоления идеологических догм и традиций уважения к интеллекту. В отличие от российской китайская бюрократия ориентирована на обеспечение достижений стратегических целей страны, а не удовлетворение своих «шкурных интересов». В Китае недопустимо, чтобы «патриоты» от власти использовали американских политтехнологов, чтобы обеспечить «мыльный» рейтинг и затем победить народ на выборах.

В коммунистическом Китае не занимаются переписыванием отечественной истории. В Поднебесной невозможно представить, чтобы представитель клана, обласканного Великим кормчим, тыкал лицом Мао в торт, как это талантливо сделал известный российский режиссер с «вождем советских народов». В надежде получить на Западе второго Оскара. Если бы Китай по российскому сценарию «мочил» на государственном телевидении свою непростую историю ради возвеличивания очередного правителя, Поднебесная давно бы перестала существовать.

Демократические институты на Западе частично законодательным порядком ограничивают деградацию политических элит. Коммунистический Китай, также с учетом печального опыта Советского Союза, строго следит за сменой поколения политического руководства, которое произойдет в очередной раз в этом году. Продуманная валютно-финансовая политика не позволила втянуть Китай в «черную дыру» долгового кризиса Запада. Стратегической ошибкой США и ЕС явилось убеждение, что Китай станет мировой фабрикой на условиях протектората Запада.

Мировой системный кризис показал пределы современного капитализма жить в долг и за счет использования материальных и финансовых ресурсов третьих стран, включая новые государства криминально-коррупцированной демократии. Но, в конце концов, Запад найдет пути стабилизации экономической обстановки. А больше всего пострадают страны, которые застряли между евроинтеграцией, желанием стать частью «богатого пуза» Запада и евразийством. Когда выбор ограничивается географией — перспективами стать сырьевыми протекторатами Запада или Китая.

«Золотой век» китайской экономики не может длиться бесконечно, особенно в условиях ухудшения мировой конъюнктуры. Завершается стадия подъема 40-летнего геополитического цикла Китая, что ведет к падению темпов роста. Нарращивание внутреннего производства даже при реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов не принесло ожидаемого долговременного эффекта. Госдолг увеличился до 2,8 трлн долл. Рост оплаты труда и благосостояния сопровождается утратой конкурентоспособности китайских товаров. Поэтому уже в настоящее время китайские бизнесмены стали создавать производственные мощности в странах Четвертого мира

(Бангладеш, Мьянма, Центральная Африка и деградирующие постсоветские государства). Китай пока не стал локомотивом мировой экономики.

Геополитическая мощь Китая включает, наряду с политической стабильностью, военной, экономической, технологической мощью, главную составляющую — силу духа и Великий порядок в душе. Внешняя и внутренняя политика Китая подчинена главной геополитической цели воссоединения в единых границах государства-цивилизации. Во внешней политике Пекин не вмешивается в чужие конфликты и с достоинством отражает попытки вмешательства Запада во внутренние дела. С точки зрения современных китайцев, три распавшиеся империи — Великобритания, Россия и Япония — уже наказаны за колониальную политику в отношении Поднебесной.

Если суммировать позитивные результаты китайской реформы, то успех объясняется, прежде всего, исключительно успешной капитализацией главного богатства — гигантского человеческого ресурса. Трудолюбивый народ, не утративший способности сосредоточиться на важном деле и на умении радоваться жизни, с оптимизмом смотрит в будущее. Как говорит китайская пословица, «чтобы собрать плоды — надо дать им созреть».

Ганс-Иоахим ШПАНГЕР (Германия)

ВОЗВРАТ ИСТОРИИ? ПУТИН, НАТО И УГРОЗА НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

После четырехлетнего перерыва Владимир Путин вернулся в Кремль. Для многих, особенно на Западе, это плохая новость в плане отношений с Россией. Путина так же, как и Джорджа Буша-младшего, тесно увязывают с быстрым ухудшением этих отношений. Так что отнюдь не случайно Обама как-то накануне своего первого визита в Москву в середине 2009 года обрисовал Путина (последовав дурному совету своего специального помощника, ставшего, кстати, недавно послом США в России) как человека прошлого, а его преемника Дмитрия Медведева как московский эквивалент вашингтонской «перезагрузки».

Для других, преимущественно в России, возвращение Путина на пост президента большого значения не имеет. С этой точки зрения, воздействие Медведева на внешнюю политику России оставалось несущественным на протяжении всего срока его президентства, а оставленный им след ограничивается весьма незначительным вкладом, вроде воздержания в 2011 году при голосовании по резолюции Совета Безопасности ООН относительно Ливии. Таким образом, по существу, при Медведеве путинская внешняя политика не изменилась, что называется, ни на йоту.

Вместе с тем, широко распространено суждение о том, что стили уходящего и приступающего к обязанностям президентов разнятся разительно. Более того, в отличие от своего предшественника Путин превратился в откровенного антиамериканиста: он едва ли упускает случай дать Штатам нахлобучку. Недооценивать этого нельзя, поскольку стиль имеет значение: он способен усиливать, и он способен ослаблять напряженность, — так называемая «кавказская война» 2008 года тому пример. Стиль, следовательно, способен создать благоприятную или пагубную атмосферу, однако едва ли стиль — коренная причина напряженности.

Вспомните избитую истину лорда Палмерстона, заметившего в 1848 году, что у государств нет ни извечных союзников, ни всегдашних врагов: у государств есть только одни постоянные интересы, — «и наш долг в том, чтобы следовать этим интересам». Это во многом соответствует основному подходу Путина, каким он сформировался за время его второго срока на посту российского президента и к какому он возвращается в предвыборном манифесте, говоря о своей будущей внешней политике. В нем он подчеркнул, что именно «интересы» будут последовательно направлять внешнюю политику России, а для этого требуется

быть сильными, самодостаточными и пребывать в состоянии постоянной готовности, сталкиваясь с внешним миром, расцениваемом главным образом как враждебный и стремящийся надавить на Россию и ослабить ее. Такова классическая доктрина «реализма», и именно на ее основе Россия считает для себя делом «чести» и долга вести «независимую» внешнюю политику¹.

Тут требуется пристальнее приглядеться скорее к интересам, нежели к стилям. Хорошая новость в том, что Запад, и США в том числе, тоже обратился к внешней политике «реализма», ставящей интересы выше ценностей. Более того, тут довольно-таки значительное совпадение с интересами России: взять хотя бы нераспространение, терроризм, пиратство. Однако пристальный взгляд на путинский манифест обнаруживает, что широкое совпадение взглядов отнюдь не означает глубокого сотрудничества. Говоря, к примеру, об Афганистане, Путин делает упор на «героиневой агрессии» и якобы существующем у США намерении создавать военные базы в этой стране и после вывода войск в 2014 году. А в случае с Ираном единственное, что удостоено им упоминания, — это «растущая угроза военного нападения».

Это вновь возвращает нас к плохим новостям, а именно, к наличию довольно существенных разногласий, тесно связанных с «реалистичным» взглядом России на мир. Позвольте сосредоточиться на двух из них, которые в настоящее время наиболее актуальны, когда речь заходит об отношениях России с НАТО: противоракетная оборона (ПРО) и ответственность по защите (ОпЗ)².

ПРО

По мнению Владимира Путина, изложенному в его предвыборном манифесте, международная безопасность зиждется на трех ключевых столпах: *неделимом характере безопасности для всех государств, недопустимости гипертрофированного применения силы и безусловном соблюдении основополагающих принципов международного права*³. Противоракетная оборона подрывает первый столп и то и дело становилась крупнейшим вызовом для отношений России с НАТО. Последовавшее за лиссабонским саммитом НАТО 2010 года очевидное «новое начало» в действительности не материализовалось. Вместо

¹ Путин В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 27 февраля 2012. — URL: <http://www.putin2012.ru/events/314>. (Здесь и далее примеч. автора. Иное оговаривается).

² «Ответственность по защите» — это инициатива и концепция, выдвинутая, как считается, ООН (2005); основана на постулате, что суверенитет есть не привилегия, а обязанность, и на трех «столпах»: 1) государство обязано защищать свое население от массовых злодеяний; 2) международное сообщество несет ответственность за помощь государству, если то не в состоянии само защитить свое население; 3) если государство не в состоянии защитить своих граждан от массовых злодеяний и мирные меры потерпели неудачу, международное сообщество обязано вмешаться через принудительные меры (экономические санкции и — как крайняя мера — военное вмешательство). В ходу английская аббревиатура R2P, звучание которой («атупи») на русском воспринимается довольно точно: надо основательно «отупить» общественное сознание, чтобы люди увидели в бомбежках, убийствах и операциях «коммандос» инструменты защиты граждан суверенного государства от злодеяний. В данной статье используется уже вошедший в обиход термин «Ответственность по защите» (ОпЗ), хотя более точный перевод — «Обязанность защищать». — Прим. переводчика.

³ Курсивом в статье отмечены фразы на русском языке, включенные автором.

того, чтобы стать основой для строительства новых отношений, как об этом возвестил НАТО, оно превратилось в камень преткновения.

На лиссабонском саммите НАТО решил превратить замысел США в совместное рискованное начинание и разработать общенатовские мощности противоракетной обороны. Таким образом, противоракетной обороне предстоит стать «неотъемлемой частью» всеобъемлющей оборонительной доктрины НАТО наряду с планом расширения нынешней натовской так называемой «Активной эшелонированной противоракетной обороны театра военных действий» для защиты населения и территорий европейских стран — участниц Альянса. Утверждается, что это достижимо при расходах из натовского бюджета в ближайшее десятилетие всего в 200 млн евро.

Такое стало возможным благодаря новому «поэтапному адаптивному подходу», используя который, администрация Обамы намеревалась создавать противоракетную оборону, скроенную по мере нагнетания иранской угрозы. Такая смена курса была встречена с осторожной заинтересованностью в Москве и с осторожным одобрением в Брюсселе, поскольку воспринята она была и как многостороннее, и как совместное начинание. Тем не менее, оба эти предложения были куда меньше обоснованы, нежели архитектура ПРО сама по себе.

Первый этап нового подхода начался еще в 2011 году размещением в Средиземном море американских кораблей системы боевого управления «Иджис» («Эгида»), оснащенных ракетными перехватчиками Standard SM-3. К 2015 году предусмотрено также размещение радара в Юго-Восточной Европе (предположительно в Турции) и наземных ракетных перехватчиков Standard SM-3 в Румынии, а к 2018 году — еще и в Польше. В 2020 году эти ракеты предстоит заменить на вновь разработанный вариант (SM-3 Block IIB), что к тому времени обеспечит системам возможность защиты от баллистических ракет и тем самым неизбежно нанесет ущерб ядерным стратегическим позициям России.

В отличие от размещения вооружений переговоры между Вашингтоном и Москвой оказались гораздо менее продуктивными. Ни США, ни НАТО не только не дали понять, что были бы готовы обусловить такое размещение согласием российской стороны, но и не выказали желания обусловить его техническим сотрудничеством с Россией в создании теоретически возможной интегрированной системы⁴. Более того, Вашингтон в особенности никогда не оставлял никаких сомнений в том, что всяческие ограничения любого рода (будь то технические характеристики, потолки или юридические обязательства) — исключаются⁵.

Россия же, напротив, настаивает на юридических гарантиях того, что перехватчики США/НАТО не будут нацелены на стратегический арсенал России. Простая политическая декларация, предлагаемая Западом, считает-

⁴ Соответственно Пентагон предостерегал: «Российские радары, например, могли бы поставлять полезные и желанные данные по слежению, хотя функционирование американской системы от этих данных не зависело». Министерство обороны США. Доклад по противоракетной обороне. Вашингтон, февраль 2010, с. 34.

⁵ «Администрация неоднократно доводила до сведения российского правительства на самом высоком уровне, что Соединенные Штаты не согласятся ни на какие ущемления или ограничения систем противоракетной обороны США (...)». Государственный департамент США, Бюро по конт-

ся недостаточной. Москва призывает к техническим, количественным или географическим ограничениям, благодаря которым система окажется неспособной перехватывать ракеты, запущенные из России. Она, к примеру, обратилась с просьбой к Вашингтону гарантировать, что корабли системы боевого управления «Иджис» никогда не будут размещаться в северных морях. Выдвинуто и еще одно предложение — обеспечить постоянное присутствие российских военнослужащих на европейских установках ПРО, которое США, похоже, готовы рассматривать, наряду с расширением обмена данными.

Администрация Обамы явно демонстрирует переговорную гибкость и заинтересованность в нахождении компромисса с российской стороной. Свобода ее маневра, однако, существенно ограничена, поскольку любое обязывающее соглашение, подлежащее ратификации, окажется похороненным в Сенате. Это указывает основное противоречие американо-российских отношений, проявившееся на фоне спора по ПРО: в Вашингтоне имеется широкое согласие относительно того, что США могут, если такое технически допустимо, выйти за рамки концепции взаимного гарантированного уничтожения, на котором держалась система международной (ядерной) безопасности все последние пятьдесят лет.

Для России стратегический паритет с США не только гарантия ее безопасности, но и яркий символ ее статуса великой державы, а тем самым и важнейший гарант путинской «независимой» внешней политики. Ведь в контексте существующей дилеммы безопасности именно США, развивая, на первый взгляд, оборонительные системы, и взялись раскручивать новую гонку вооружений.

В принципе столь противоречивые цели примирить трудно. Отсюда и жесткая реакция президента Медведева 23 ноября 2011 года, когда он пригрозил соответствующими контрмерами. И все же окно благоприятных возможностей по-прежнему открыто. Техническая осуществимость противоракетной обороны до сих пор довольно сомнительна, а нейтрализация такого ядерного потенциала, как у России, еще какое-то время будет просто фантазией. Вдобавок временные рамки для переговоров по ПРО легко достижимы до начала третьего этапа в 2020 году, а практика сотрудничества в области прозрачности, совместных учений или создания центров совокупных данных уже доказала, что она вызывает куда меньше споров. Эти области практического восстановления дружеских связей следует сводить воедино и расширять.

ОпЗ

В соответствии со «Стратегической концепцией» 2010 года НАТО будет задействовано там, «где есть возможность и когда необходимо предотвратить кризисы, стабилизировать обстановку после конфликтов и поддержать восстановления». Логика у этого решения двоякая: с одной стороны, оно отвечает нуждам «территориальной обороны», так как угрозы безопасности НАТО,

ролю за вооружениями, проверке и соблюдению сотрудничества с Российской Федерацией в области противоракетной обороны: Фактические данные, Вашингтон, 12.01.2010. — URL:<http://www.state.gov/t/avc/rls/152164.htm>

что называется, проистекают далеко из-за рубежей Альянса⁶. С другой стороны, оно преследует цель стабилизации во имя международной безопасности. В действительности операции НАТО последних лет по большей части проводились далеко за пределами привычного периметра — в бывшей Югославии, в Афганистане и совсем недавно — в Ливии. Похоже, на очереди Сирия.

В основном эта деятельность, как считает Владимир Путин, отражает ущербное уважение к международному праву. Наиболее очевидно это отнесется ко все более частым ссылкам НАТО на «обязанность» международного сообщества «защищать» оказавшиеся под угрозой народы отдельных государств, что, как отмечается в путинском манифесте, «*подрывает освященный веками принцип государственного суверенитета*». В свете «горького опыта», произошедшего в Ливии: незамедлительного превращения основанной на ОпЗ резолюции Совета Безопасности ООН в практику замены правящих режимов силами НАТО — он заявил категорически, что «*ливийский сценарий*» недопустим в Сирии. Таким образом, то, что Россия воздержалась при голосовании весной 2011 года, не означает отхода от основополагающих и долговременных принципов внешней политики, как не означает того и воздержание при голосовании Германии, хотя в Берлине время от времени его и оправдывают необходимостью «новых партнерских связей».

В то время как Путин обвиняет НАТО в пренебрежении к государственному суверенитету, которое подрывает международную безопасность, НАТО обвиняет Россию в пренебрежении к основным правам человека, которое подрывает международный мир. В случае с Сирией такой обмен обвинениями приобрел особенно горький и наглядный оттенок. Обе стороны воодушевлены основным на ценностях рецептом разрешения конфликта посредством, по мнению одних, смены правящего режима, чему противостоит достижение всеобщего согласия, отстаиваемое другими. Обе стороны руководствуются геостратегическими соображениями: избавиться от давнишнего противника (цель одних), чему противостоит намерение других отдать должное давнишнему союзнику. И обе обременены багажом непростых союзнических обязательств: со стороны НАТО — с Саудовской Аравией и «Аль-Каидой», со стороны России — с Ираном и «Хезболлой». Эти внутренние противоречия не вполне подходят для взаимных обвинений, зато, скорее, они требуют взаимного понимания.

Настойчивость России вынуждает НАТО и стран-участниц пересматривать свой непродуманный и односторонний подход к сирийскому кризису, изначально явно воинственный и даже при самых благоприятных обстоятельствах неспособный привести к урегулированию в русле ливийского сценария. Помимо этого, настойчивость России могла бы также способствовать и более сдержанному применению ОпЗ, которое в нынешней западной практике оставляет впечатление удобного оправдания для создания механизмов смены правящих режимов любыми средствами. Однако в самом общем смысле это демонстрирует пользу международного баланса сил — «величайшего достижения человечества», по определению Владимира Путина⁷.

⁶ Активное вовлечение, современная оборона. Стратегическая концепция обороны и безопасности для членов Организации Североатлантического Договора. — URL:http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en

⁷ Путин В. В. Интервью Арабскому спутниковому каналу «Аль-Джазира», 2.10.2007.

Владимир КАРЯКИН

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И КАТАР — ПРОВОЗВЕСТНИКИ НОВОГО АРАБСКОГО ХАЛИФАТА?

Как показывает исторический опыт последних десятилетий, приверженность аравийских монархий фундаментальным исламским ценностям не служит препятствием для их элит в деле тесного сотрудничества со странами Запада при совместном решении геополитических проблем. Ярким примером этому является Саудовская Аравия, хранительница мусульманских святынь, которая со дня своего образования всегда шла в фарватере внешней политики Запада на Ближнем Востоке. В 1980-х годах Королевство Саудовская Аравия (КСА) вместе с Соединёнными Штатами оказывало помощь моджахедам Афганистана в их борьбе против Советского Союза под лозунгом борьбы с коммунизмом.

В настоящее время в условиях инспирированных Западом «арабских революций» для свержения неугодных республиканских режимов Саудовская Аравия при поддержке эмирата Катар стала своеобразным «тараном» в руках США и их союзников при проведении ими политики неокOLONиализма. Примерами тому является поддержка вооруженной оппозиции в Ливии и Сирии в форме участия спецподразделений ОАЭ и Катара.

Саудовская Аравия — вдохновитель «арабской весны» и союзник Запада в политической трансформации региона

В «арабских революциях» 2011 года Вашингтон при поддержке аравийских монархий последовательно устранил с региональной политической арены светские (по меркам Ближнего Востока) и относительно предсказуемые режимы Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака в Египте и Муаммара Каддафи в Ливии. На очереди стоит Сирия, а затем, возможно, и Иран.

США и их союзники, используя стратегию «разделяй и властвуй», создают в государствах, подлежащих политической трансформации, при поддержке аравийских монархий две линии противостояния: внутреннюю, поощряя различные оппозиционные силы, и внешнюю, провоцируя конфликтные ситуации с соседними странами, принадлежащими, между прочим, к одной религиозной конфессии и имеющими общую культуру, мировоззрение и тысячелетние традиции. В данном случае обнаруживается совпадение геополитических интересов Запада и проамериканских монархических режимов на уста-

новление гегемонии на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Единственное, что пока не в силах сделать монархические элиты, так это вытеснение Турции и Ирана из числа ведущих региональных держав, которые обладают значительной военной и экономической мощью, а Турция, кроме того, ещё является членом НАТО и стратегическим союзником США в регионе.

В гипотетическом случае появления у Ирана своего атомного оружия, возможно, что американцы позволят Эр-Рияду стать ядерной державой, вокруг которой может произойти формирование мощного блока государств на основе ССАГПЗ, в который могут быть приняты некоторые страны Ближнего Востока и Северной Африки. О данной тенденции свидетельствует заявление короля Саудовской Аравии Абдаллы на конференции ССАГПЗ в Дохе в декабре 2011 г., когда он призвал страны Залива «объединиться, чтобы стать сильнее» [1]. Дополнительным подтверждением этому явилось сообщение о намерении принять в члены ССАГПЗ Египет, Иорданию и Марокко. В арабской прессе циркулируют слухи о том, что после прихода к власти в Сирии и Ливане суннитов, поддерживаемых саудовцами, эти страны также могут принять в возрождающийся Халифат.

Следует отметить, что призыв саудовского монарха отражает умонастроения в мире суннитского ислама. Об этом свидетельствует заявление пресс-секретаря сирийского отделения «Братьев-мусульман» Зуйхайра Салима в декабре 2011 г., в котором он обозначил позицию своей организации [12]. В интервью иракско-курдскому изданию *Kurdwatch* он заявил, что «Братья-мусульмане» заинтересованы в создании единой страны для всех мусульман Ближнего Востока. «К черту Сирию и сирийскую национальность! Как была создана Сирия? В результате договора Сайкса-Пико 1916 года, а мы этот договор не признаём! Сирия — это временный феномен, временное явление. Наша цель — это создание единого государства для всей исламской уммы!» — заявил Салим.

Неслучайно «Братья-мусульмане» вспомнили о соглашении Сайкса-Пико, согласно которому были разграничены сферы влияния на территории распадающейся Оттоманской империи. Если обратиться к содержанию данного договора, то сферы влияния европейских держав выглядели следующим образом: французская «голубая зона» включала Киликию, Ливан, сирийское побережье и часть Галилеи; в британскую «красную зону» входила Месопотамия и район Акко-Хайфы; зоны А и В — территории к востоку от реки Иордан; в Негеве и Синае предполагалось создать новое арабское государство; под международным контролем должна была находиться «коричневая зона», включающая районы Газы и Иерусалима (см. рис.). При этом Сайкс считал, что арабы должны объединиться в единую конфедерацию арабоязычных государств, что и было принято на вооружение «Братьями-мусульманами» и элитами монархических государств почти 100 лет спустя после событий «арабской весны» 2011 года. При этом Саудовская Аравия взяла на себя ведущую роль в политической трансформации Ближнего Востока с целью возрождения Нового Халифата, продвижения своих геополитических интересов с использованием движений радикального политического ислама. С падением режима Х. Мубарака саудиты приобрели сильное

влияние на «Братьев-мусульман» и особенно на их радикальное крыло «Союз салафитов».

В настоящее время основной узел противоречий сформировался вокруг Сирии. Совершенно очевидно, что, целясь в Б. Асада, Эр-Рияд и его союзники стремятся ограничить влияние Ирана, лишив его единственного регионального союзника путём приведения к власти суннитского антииранского правительства. И здесь главную роль должны сыграть «Братья-мусульмане», поскольку большинство сирийцев принадлежат к суннитской ветви ислама.

Вместе с тем следует отметить, что на фоне сближения саудитов с «Братьями-мусульманами», как локомотива продвижения геополитических интересов Эр-Рияда на Ближнем Востоке, саудовский режим вступил в стадию острой конфронтации с джихадистами движения «Аль-Каида на Аравийском полуострове». Поводом для такого противостояния является присутствие американских войск и их союзников на территории КСА, которое началось при подготовке к проведению операции США по освобождению Кувейта от оккупировавшего его Ирака в 1999 году.

С этого времени исламские радикалы развивают идею «неверности» саудовского режима, которую впервые высказал иорданский правовед А. аль-Максиди, а У. Бен-Ладен реализовал на практике. После этого на территории королевства начались теракты, которые переросли в террористическую войну, продлившуюся до 2007 года. Ответными мерами саудовским властям удалось разрушить организационную структуру радикалов и вытеснить их в Йемен [6], территория которого стала базой для дальнейшего проведения террористических операций против КСА.

Причинами успеха Эр-Рияда в борьбе с внутренней оппозицией, одного из идеологов джихада Х. аль-Бассаама, является то, что, во-первых, мощный аппарат спецслужб безопасности КСА жестко подавляет любое оппозиционное движение и, во-вторых, существует эффективный контроль информационного пространства со стороны властей, контролирующих положение дел в данной области.

Относительно вопроса о сотрудничестве аравийских монархий со странами Запада в деле свержения правящих республиканских режимов в Северной Африке и на Ближнем Востоке, исламские радикалы сходятся во мнении о том, что светские правители в мусульманских странах являются значительно большим злом, чем иностранные войска на территориях арабских стран. Очевидно, что тактические факторы преобладают над идеологическими и стратегическими в совместной борьбе с «вероотступниками», в ходе которой не только решаются задачи устранения нелегитимных режимов, но и пополняются арсеналы оружия и проходит обучение боевиков повстанческих армий.

**Информационно-сетевые и политические технологии
разрушения авторитарных светских режимов Ближнего Востока
и дестабилизации обстановки на Северном Кавказе**

Революционное цунами на Ближнем Востоке, спровоцированное информационными атаками из социальных сетей на арабские общества, показало, что

умелое сочетание информационных и политических технологий стало своего рода «запалом», взорвавшим социальную атмосферу арабского мира. Практически во всех странах, вовлечённых в водоворот событий арабского Востока, «революционный флэш-моб» толпы был организован посредством рассылки сообщений о намечающихся митингах и протестных акциях через социальные сети, электронную почту и мобильные телефоны. При этом если учесть, что управляющие серверы электронных сетей Facebook, Twitter, Hotmail, Yahoo и Gmail находятся в США и контролируются американскими спецслужбами, то нетрудно сделать вывод о том, кто является подлинным организатором данных «революционных акций».

Вышесказанное в полной мере имеет отношение к регионам Северного Кавказа и Поволжья, на территории которых в течение более двадцати лет Саудовская Аравия пытается распространять свою государственную идеологию — ваххабизм. По мнению российских политологов, Саудовская Аравия потратила на пропаганду идей ваххабизма по всему миру больше средств, чем СССР на поддержку международного коммунистического движения [10]. После крушения СССР арабские фундаменталисты стали открывать молодёжные лагеря на территории Татарстана и распространять литературу ваххабитского толка.

В России сегодня существует мощное саудовское лобби, стремящееся к внедрению в сознание российских последователей ислама ценностей мусульманского общества и формирующих антироссийские настроения среди российских мусульман. Через салафитские информационные ресурсы в Интернете внедряются в завуалированной форме в сознание российских мусульман устойчивые ваххабитские идеологемы типа: «Россия — кяферское государство», «Нефть — это дар Аллаха, и она должна принадлежать только мусульманам», «Русские — оккупанты», «Традиционный ислам — это язычество» [10].

Ещё более сложная обстановка наблюдается на Северном Кавказе. В настоящее время данный регион является основным центром радикализма и сепаратизма в России. Это объясняется важным геополитическим положением Северного Кавказа, который находится на стыке крупных цивилизационных геополитических плит: русской, тюркской, арабской и иранской. Если страны Южного Кавказа в целом уже определились со своей политической ориентацией после их отделения от РФ, то Северный Кавказ стал ареной борьбы ваххабитского подполья за отделение данного региона от России и создание там исламского государства радикальной ориентации.

Для достижения этой цели используются различные экстремистские группировки, которые появились и окрепли благодаря поддержке со стороны иностранных государств и их спецслужб, заинтересованных в ослаблении Российской Федерации. Официально выступая за соблюдение прав человека и гражданских свобод в Чечне, западные государства на деле поддерживают сепаратистов Северного Кавказа, способствуя тем самым распространению экстремизма и терроризма [3, 4]. Распад Советского Союза рассматривался аравийскими монархиями как исторический шанс для распространения своего влияния на этот регион и, следовательно, вытеснения из него России. Для этого был выбран самый простой способ — дестабилизация обстановки в

Чечне и Дагестане с дальнейшим её распространением на весь Северный Кавказ путём оказания идеологической и финансовой помощи структурам, продвигающим идеи ваххабизма в российской мусульманской среде [13].

С этой целью после демонтажа СССР в мусульманские регионы России устремились зарубежные проповедники, прошедшие обучение в исламских учебных заведениях Саудовской Аравии, Пакистана и Египта. С помощью зарубежных эмиссаров распространялась исламская литература, был создан ряд учебных заведений. В своей работе исламские проповедники ставили перед собой цель реализовать рассчитанные на длительную перспективу задачи распространения идей сепаратизма и религиозного экстремизма в мусульманских регионах России.

После 2000 года особенностью исламского движения на Северном Кавказе стало то, что участниками незаконных вооруженных формирований перестали быть исключительно местные жители. Теперь эти группы пополняют выходцы из соседних регионов, а также иностранные граждане [7].

Всё это говорит о том, что на современном этапе структура радикального ислама приобретает черты транснационального джихадистского движения и представляет собой переходную форму от иерархической военизированной структуры к скрытой, децентрализованной, разветвлённой сети, ячейки которой берут на вооружение идеологию и радикального ислама, используя их как руководство для своей работы, но напрямую организационно с ней не связанные и не подчиненные. Но пока же большинство подпольных структур носят смешанный характер, то есть представляют собой гибриды, состоящие из сетевых и иерархических элементов. Характерно, что взаимная эволюция этих структур происходит не столько в результате сознательной организационной политики, сколько в ходе естественного приспособления к конкретным условиям функционирования. Однако в отличие от некоторых современных обезличенных функционально-идеологических сетей (например, антиглобалистов или «зелёных») для джихадистского движения одних только идеологических установок недостаточно, чтобы обеспечить эффективную деятельность отдельных ячеек на местах «в одном направлении».

В условиях неформальных, латентных связей такая стратегическая координация с помощью личных или опосредованных (через Интернет, социальные сети) контактов и общих директив эффективна в тех случаях, когда сама идеология движения содержит в себе достаточно чёткие указания к определённым действиям, либо она позволяет сформулировать стратегические цели таким образом, что они могут быть достигнуты разными способами в зависимости от конкретной обстановки, но всё равно будут квалифицированы как действия в направлении единой цели [9].

Помимо общей идеологии, для эффективной координации действий отдельных ячеек подобной сетевой структуры необходим высокий уровень взаимных социальных обязательств и межличностного доверия, который иерархическая структура обеспечить не может. Исламских радикалов объединяет не только идеологическая близость, но и ощущение собственной принадлежности к одной сети в качестве её автономных ячеек. Члены низовой структуры, как правило, связаны между собой тесными личными отношениями, сложившимися ещё до их прихода в эту организацию. Приоритетными

являются кланово-родственные отношения, землячество, совместно приобретённый опыт в учёбе, работе, социальной активности. То есть речь идёт о группе близких друзей, об ассоциации единомышленников.

Таким образом, главный стратегический ресурс для участников сетевого радикального подполья — не используемое ими вооружение, которое является вполне доступным и недорогим, и не финансовая поддержка, поскольку даже крупные теракты не требуют больших затрат, а идеология в сочетании с гибкой структурной организацией. Такая организация позволяет осуществлять координацию не из единого центра, а путём постановки общих стратегических целей, обеспечения жесткой дисциплины и внутренней интеграции в социальные структуры общества.

Перспективы развития геополитической обстановки на Ближнем Востоке и Северном Кавказе, угрозы России и ориентиры для её внешней политики

Что касается перспектив развития геополитической обстановки на Ближнем Востоке, то, наряду с угрозой проведения военной операции против Ирана со стороны США и Израиля, формируется ещё один очаг конфронтации — это возможность вооружённого конфликта между шиитами и суннитами, который может стать кульминационным пунктом политического переформатирования исламского мира, начавшегося с «революционных» переворотов в ходе «арабской весны» 2011 года. После прозвучавших в Вашингтоне заявлений о причастности иранских спецслужб к подготовке покушения на саудовского посла в Соединённых Штатах Адель аль-Джубейра, перспектива войны между Ираном и Саудовской Аравией стала представляться вполне реальной.

Но это лишь инцидент, лежащий на поверхности международных отношений. Глубинная суть происходящего состоит в том, что революционные потрясения 2011 г. поставили на региональную повестку дня вопрос о дележе сфер влияния в Северной Африке и на Ближнем Востоке. К концу 2011 года стало очевидным соперничество между Турцией, Ираном и Саудовской Аравией в альянсе с Катаром за установление влияния в политическом, экономическом и конфессиональном пространствах данного региона. Борьба противостоящих сторон вошла в русло исторического противоречия исламского мира — конфронтации шиитов и суннитов. При этом исторический момент выбран Западом как наиболее подходящий для утилизации революционной энергии восставших масс в ходе событий «арабской весны».

Эта конфронтация предоставляет западным державам благоприятную возможность столкнуть две ветви ислама. Действуя за кулисами региональной политики, Запад сделает всё возможное для обострения сначала ирано-саудовского политического противостояния и перехода его в военное, которое будет логичным продолжением реализации технологии «управляемого хаоса», начатого в ходе «арабской весны» 2011 года. Это позволяет предположить, что на смену «арабской весне» придёт «ирано-саудовская осень» [5]. При этом наиболее вероятным плацдармом, с которого начнётся ирано-саудовское столкновение, может стать территория Йемена, где уже сформировалась линия противостояния между Тегераном и Эр-Риядом.

В случае реализации такого сценария Вашингтон постарается взять на себя роль ведущего арбитра и оператора данного конфликта. Для США внутрисламская война между суннитами и шиитами представляется самым лучшим вариантом пресечения амбиций Тегерана на региональное лидерство, а заодно и его намерения завершить свою ядерную программу.

По замыслу американцев, через управляемое Западом ирано-саудовское противоборство появится возможность перевести стихию революций «арабской весны» в обычную региональную войну, что позволит нейтрализовать радикализм обеих сторон. Тем самым в Вашингтоне рассчитывают решить программу-максимум — осуществить долгожданную «утилизацию» движения Талибан — многолетнюю проблему Соединённых Штатов, без решения которой они не могут сохранить Средний Восток и Центральную Азию в сфере своего влияния.

В настоящее время у суннитского ислама имеются четыре мощные силы: политические, представленные движением «Братья-мусульмане» и «Союзом салафитов», и вооруженные, включающие «Аль-Каиду» и движение «Талибан». Не случайно данные организации обозначены в иранской доктрине национальной безопасности как «враги номер один». В связи с американским военным присутствием в Афганистане, талибы оказались заперты на территории Афганистана и Пакистана. Но как это ни парадоксально звучит, американцы в Ираке и Афганистане обеспечили Ирану продвижение и защиту его интересов в данном регионе [16]. Можно полагать, что после ухода американцев из Афганистана у талибов будут развязаны руки, и они смогут обратить свои взоры на Центральную Азию и Иран. При этом следует учитывать, что Эр-Рияд имеет традиционно сильное влияние на «Талибан», оказывая ему финансовую поддержку. Саудовский канал финансирования афганских и пакистанских талибов имеет большое значение при оказании на них политического влияния.

Силовой сценарий ирано-саудовского противостояния даст Вашингтону уникальную возможность использовать силу одного врага — талибов, против другого своего врага — иранского режима, не принимая открытого участия в войне. В американском экспертном сообществе полагают, что после завершения ирано-саудовской войны «Талибан» может стать основой политической системы Афганистана, и эта интеграция во власть не будет угрожать интересам Запада, так как наиболее радикальные элементы движения в большинстве своём не вернутся с войны [9].

Ещё одним последствием ирано-саудовской войны, в случае победы Саудовской Аравии, может стать превращение ССАГПЗ в могущественную региональную структуру, которая по своему политическому влиянию может превзойти Лигу арабских государств [14].

Политические трансформации, происходящие на Ближнем и Среднем Востоке, имеют большое значение для национальной безопасности Российской Федерации. События «арабской весны» и образовавшиеся очаги и линии противостояния пока обходят Россию стороной, но при неблагоприятном для нашей страны направлении их развития они могут напрямую угрожать её национальной безопасности.

Дело в том, что доминирующие в настоящее время в арабском мире Саудовская Аравия и Катар используют революционный порыв мусульман-

ской уммы для расширения своего влияния в Центральной Азии, на Северном Кавказе, Северном Урале, в Поволжье и Западной Сибири.

В борьбе против Ирана Запад поддерживает арабские монархические режимы и использует их в качестве «тарана» для продвижения своих интересов [15]. При этом Россия, Китай и ряд ведущих государств Азии, Африки и Латинской Америки пока сохраняют нейтралитет. Но здесь следует напомнить, что сохранение нейтралитета имеет смысл, когда происходящие события не затрагивают напрямую интересы и безопасность страны и её союзников. Усиление суннитского блока в арабском мире, который является союзником Запада в его противостоянии Ирану, ведёт к проникновению радикально-ваххабитского ислама в Центральную Азию и в Россию.

Москве следует помнить, что монархии Персидского залива, вопреки декларируемому ими дружелюбию, по-прежнему воспринимают Россию как наследницу СССР, страну, потерпевшую поражение в Афганистане и борющуюся с поддерживаемым ими сепаратизмом на Северном Кавказе.

России необходимо помнить, что наработанные в советскую эпоху и сохранённые в настоящее время связи Москвы в арабском мире не могут быть использованы для предотвращения антироссийской активности радикального ислама и их спонсоров. Дело в том, что эти связи были установлены в большинстве своём с авторитарными светскими режимами, которые в настоящее время уходят с региональной политической арены. При этом, как отмечается в российском экспертном сообществе, поражение в борьбе за власть в ходе революционных событий «арабской весны» терпят не только пророссийско ориентированные режимы на Ближнем Востоке, но и либералы западного толка — агентура Запада [8].

Что касается внешней политики России в контексте событий, произошедших в Северной Африке и на Ближнем Востоке в течение 2011 г., то следует отметить то обстоятельство, что партнёрство с Западом в течение последних 25 лет не принесло России каких-либо существенных дивидендов. Как показало развитие событий в Ливии и Сирии, Москва по-прежнему не рассматривается Западом как равноправный партнёр. Военные интервенции США и их союзников в Ираке и Ливии показали, что российские корпорации понесли значительные потери в данных странах, несмотря на позитивно-нейтральную позицию РФ в Совбезе ООН при голосовании по соответствующим резолюциям.

Реалии современной международной жизни диктуют для России единственно правильный путь — это поддержка сирийско-иранского альянса для противодействия стремлению США и их союзников окружить её кольцом стран, которые находятся в состоянии «управляемого Западом хаоса». При этом первоочередной задачей для Москвы должно быть конструктивное решение вопроса о принятии Ирана в ШОС, что послужит делу укрепления региональной стабильности и безопасности и основой для установления отношений стратегического партнёрства.

Для России сдача Западу своих позиций не может быть оправдана никакими аргументами, в том числе и дивидендами от мифических «перезагрузок» в отношениях с Западом. При этом Москве следует учитывать, что решитель-

ная поддержка ирано-сирийского альянса позволит создать препятствия для проникновения радикального суннитского ислама на территорию нашей страны.

Использованная литература

1. Возрождение Арабского халифата. ИА REGNUM, 21.12.2011
2. *Бредли Дж.* Невидимая рука Саудовской Аравии в «арабской весне». — URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/136473/john-r-bradley/saudi-arabies-invisible-hand-in-the-arab-spring>
3. *Куликов А., Куликова А.* Экспорт исламской революции // Воздушно-Космическая оборона, № 2 (51), 2010.
4. *Кухар И.* Европа и терроризм. — URL: <http://www.voanews.com/ruian%20/search.cfm>, 12.09.2005.
5. *Лукьянов Ф.* Осень арабской весны. Монархии Персидского залива отделались лёгким испугом // Огонёк, № 43 (5220), 31.10.2011.
6. *Нечитайло Д.* «Аль-Каида» в Саудовской Аравии. Можно ли Саудовским принцам спать спокойно? // Институт Ближнего Востока. 7.01.2012.
7. *Нечитайло Д.* // Европа — колыбель и экспортёр терроризма // Институт Ближнего Востока, 29.01.2010.
8. *Сатановский Е.* Плюс-минус Асад // Институт Ближнего Востока. 13.02.2012. — URL: <http://www.km.ru>
9. *Степанова Е.* Исламский терроризм сегодняшнего дня: глобальный и локально-региональный уровни // Индекс Безопасности, № 1 (81). Т. 13.
10. *Сулейманов Р.* Влияние Саудовской Аравии на мусульманскую умму Татарстана. 21.12.2011. — URL: <http://www.apn.ru/publications/print25625.htm>
11. *Табаринов-Романов С.* Россию хотят лишить права вето в Совбезе ООН. 15.02.2012. Интервью А. Куртова порталу www.km.ru
12. *Тарасов С.* У США есть «План Б» для Афганистана, Ирака и Турции. 19.12.2011. ИА REGNUM — URL: <http://www.centrasia.runewsA.php?st=1324272420>
13. *Шмулевич А.* Кавказ: линии трансформации и линии разлома // Агентство Политических Новостей, 5.08.2009. — URL: <http://www.apn.ru>
14. *Helfont S., Helfont T.* Jordan: Between the Arab Spring and the Gulf Cooperation Council. — Orbis, Winter, 2012.
15. *Kamrava M.* The Arab Spring and the Saudi-Led Counterrevolution. — Orbis, Winter, 2012.
16. *Miller P. D.* Finish the Job. How the War in Afghanistan Can Be Won. ForeignAffairs. Vol. 90, No 1, January/February, 2011.

Сергей ДЕМИДЕНКО

СИРИЯ: НОВАЯ ГОРЯЧАЯ ТОЧКА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Не так давно исполнился ровно год с начала протестов в Сирийской арабской республике. Однако режим Башара Асада все еще не пал. Несмотря на усиливающуюся международную блокаду, несмотря на помощь, оказываемую оппозиционерам со стороны монархий Персидского залива, несмотря на тотальную информационную войну против баасистского правительства.

Сирия — государство с чрезвычайно пестрой этноконфессиональной картой. Практически с момента обретения окончательной независимости в 1946 году Сирию сотрясали внутренние неурядицы, вылившиеся в целую череду государственных переворотов (до 1970 года их произошло несколько десятков). Политическая неразбериха первых лет становления нового государства не напрямую зависела от специфики этноконфессиональной ситуации (свою руку к созданию этой «специфики» приложили французы, которые, будучи «мандатными» хозяевами Сирии, предпочитали селить местные религиозные общины по чересполосному принципу, чтобы, играя на противоречиях между ними, удерживать ситуацию здесь под своим контролем¹). За каждым новым переворотом стояла та или иная этническая или конфессиональная группировка.

Главная заслуга семейства Асадов перед сирийским государством заключается в том, что они принесли стране долгожданную стабильность. Именно после 1970 года, когда Хафез Асад во главе группы офицеров пришел к власти, свергнув фактического хозяина страны Салаха Джадида, для Сирии наступили относительно спокойные времена². Стабильность стала лозунгом всего правления Асада-старшего. Краеугольным камнем стабильности стал суннитско-алавитский альянс. На высших должностях государственной иерархии были представлены видные члены как одной, так и другой общины. Среди наиболее авторитетных и влиятельных суннитов следует выделить тогдашних вице-президента А. Х. Хаддама, министра обороны М. Тласа, начальника генерального штаба Х. Шехаби³.

При этом экономика САР хромала на обе ноги. Сирия — страна бедная, зависимая от поставок из-за рубежа, в том числе — продовольствия. Основу экономики Сирии составляют нефтедобыча (0,5% от общемировой)⁴, сельское хозяйство, легкая промышленность, в меньшей степени — туризм. И ни одна из этих отраслей не была развита настолько, чтобы обеспечить потребности государства хотя бы наполовину. Безработица в Сирии и в «лучшие годы» достигала уровня в 20% от общего числа экономически активного населения страны⁵, в 1990-е годы ситуация лишь усугубилась. К началу 2000-х годов за чертой бедности оказалась значительная часть населения, включавшая в себя в том числе и почти всех государственных служащих.

До конца 80-х — начала 90-х годов XX века Дамаск имел большой рынок сбыта своей продукции в лице СССР и стран Варшавского договора, однако с крушением социалистического блока для САР с ее непомерными военными расходами и тратами на геополитические проекты (например, поддержка ливанской «Хезболлы») настали тяжелые времена. На протяжении некоторого времени Сирии удавалось «латать дыры» путем освоения финансовой помощи, получаемой от арабских стран Персидского залива (в виде благодарности за участие в военной операции против оккупировавших Кувейт войск

¹ Тихонова Е. В. Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата. — М., 2007. С. 192.

² Партия «Баас» окончательно утвердилась у власти в Сирии в 1963 году, получив ее в результате государственного переворота («Революция 8 марта»).

³ Ахмедов В. Современная Сирия. — М., 2010. С. 48.

⁴ BP Statistical Review of World Energy June 2011. — URL: <http://www.bp.com/statisticalreview>

⁵ Ахмедов В. Указ. соч. С. 20.

Саддама Хусейна). Однако и этот источник скоро начал иссыхать. Вдобавок громоздкий государственный сектор, занимавший в 1980-х годах до 75% ВВП страны, пронизанный от кроны до корней коррупцией и кумовством, не отвечал требованиям изменяющегося сирийского общества и международной экономической конъюнктуры.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в Сирии всегда была весьма богатая социальная почва для возникновения протестного движения. Как и в большинстве арабских стран, общественный протест здесь был локализован рамками радикальной религиозной парадигмы.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов исламисты в Сирии окрепли настолько, что бросили вызов светской власти, выдвинув альтернативный проект развития государства (разумеется, шариатского). Противостояние националистов-баасистов и фундаменталистов, возглавляемых сирийским отделением организации «Братья-мусульмане», продолжалось несколько лет. Ситуация в Сирии той поры примерно напоминала сегодняшнюю — армия вела настоящие бои с повстанцами, беспорядками были охвачены все крупнейшие города страны — Дамаск, Алеппо, Латакия, Хомс, Хама⁶.

Закончилось все в 1982 году, когда верные режиму части под командованием младшего брата президента Рифаата Асада уничтожили последний оплот исламистов в городе Хама⁷.

Что касается либеральной парадигмы, то ее представители в Сирии никогда не были особенно сильны. Их «звездный час» настал сразу после смерти Асада-старшего. Тогда сирийской интеллигенции казалось, что с приходом на высший государственный пост молодого президента, получившего гражданское воспитание и западное образование (проходил ординатуру в Лондоне, где и познакомился со своей будущей женой Асмой), в САР начнется долгожданная политическая оттепель.

Справедливости ради необходимо сказать, что призрачные надежды на лучшее будущее «либералам» дал тогда сам Башар Асад (разрешил издавать независимые газеты, амнистировал несколько сотен политических заключенных). В этой связи сирийские интеллектуалы (Аль-Буни, А. Далили, М. Кило, Р. Сейф) выдвинули власти ряд требований по либерализации всей государственной системы («письмо девяноста девяти»). Требования эти включали в себя необходимость создания независимых судов, реформирование партийной системы, отмену чрезвычайного положения и т. д.⁸ Буйство «свободы» продолжалось в Сирии без малого год, и вскоре «ветер перемен» сменился новыми заморозками. «Дамасская весна» была окончательно раздавлена осенью 2001 года, а ее участники получили длительные сроки тюремного заключения⁹.

⁶ Поляков К. И., Хасянов А. Ж. Проблема стабильности Сирии в XXI веке // Ближний Восток и современность. Сборник статей (вып. 9). — М., 2000. — URL: <http://middleeast.org.ua/research/syria3.htm>.

⁷ Рифаат Асад — личность для Сирии весьма примечательная. Человек, замешанный в ряде попыток государственного переворота, несколько раз изгонялся за границу старшим братом и несколько раз возвращался им оттуда. Сегодня Р. Асад вновь заявляет о своих претензиях на сирийский «престол».

⁸ Ахмедов В. Указ. соч. С. 85.

⁹ Там же.

При этом арест лидеров «либеральной» оппозиции не вызвал волны народного возмущения. В целом «дамасскую весну» в Сирии особенно никто и не заметил, в широких слоях общественности, разумеется. Этот момент является весьма симптоматичным, особенно на фоне жесткого кровавого противостояния, которое разгорелось между официальной властью и исламистами в начале 1980-х годов. Даже исходя из этого факта видно, какие силы в сирийской оппозиции всегда занимали лидирующее положение.

Период с 2000 по 2003 год ознаменовался для САР проведением экономических и политических преобразований. Башар Асад инициировал создание в Сирии «свободных экономических зон», значительно упростил хождение иностранной валюты, разрешил создание частных банков, модернизировал налоговую систему, предпринял дополнительные усилия для привлечения инвестиций в туристический сектор. Особой любовью Б. Асада были компьютеры и IT-технологии. Молодой президент считал, что именно развитие этой отрасли сделает Сирию технологическим лидером всего арабского мира¹⁰.

Результатом серии преобразований стала стабилизация внутривластной ситуации и усиление позиций бизнес-сообщества. Именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что средний класс, значительное количество молодежи и бизнесмены сегодня, в условиях нарастающего гражданского конфликта, поддерживают именно центральную власть.

При этом не стоит идеализировать курс Б. Асада в целом. Будучи в некоторой степени заложником представителей «старой гвардии», новый сирийский лидер не мог инициировать проведение масштабных реформ (именно в угоду «гвардейцам» была раздавлена «дамасская весна»), вдобавок он унаследовал от отца политическую осторожность, прекрасно понимая, что небрежность в проведении модернизации может быть чревата катастрофическими последствиями для хрупкого этноконфессионального баланса страны.

В результате реформы Асада носили на первых порах половинчатый характер. Значительная часть населения Сирии, особенно на окраинах страны, продолжала владеть весьма жалкое существование, регулярно поставляя кадры в различного рода исламистские партии и организации, особо активизировавшиеся на территории страны в период американской кампании в Ираке.

В целом сирийскую оппозицию можно подразделить на несколько частей. Существует «легальное» крыло, то есть люди, которые, будучи недовольны курсом правительства, при этом считают возможным вести диалог с властями и готовы совместно выработать стратегию развития страны, и «непримиримые».

К легальной части относятся либеральное Светское демократическое социальное движение (глава — Набиль Фейсал), коммунистическая партия «Народная воля» (глава — экономист, профессор Дамасского университета Кадри Джамиль) и так называемые «координационные комитеты» (спонтанно возникшие органы власти, избранные жителями городских кварталов; «комитеты» организуют демонстрации с требованиями реформ и выступают в

¹⁰ Ахмедов В. Указ. соч. С. 104.

качестве органов самообороны, защищая свои кварталы от нападений исламистов)¹¹. Отдельно следует упомянуть, что доктор К. Джамиль активным образом сотрудничал с властями в комитете по подготовке новой конституции страны (принята на референдуме в февраля 2012 года)¹². То есть большинство представителей этого течения считают уступки, сделанные правительством за год, прошедший с начала «революции», достаточной базой для продолжения внутринационального диалога¹³.

Что касается «непримиримых», то они представляют собой весьма разобщенное движение, среди них имеются как исламисты, так и представители «либерального» направления.

Исламисты действуют, в основном, внутри Сирии, организуя диверсии и вылазки против правительственных войск, сотрудников специальных служб и государственных чиновников, осуществляют террор в отношении «иноверцев». Блокируются они вокруг так называемой Свободной сирийской армии — ССА (командующий — бывший полковник сирийской армии Рияд аль-Асаад). Именно исламистам в феврале 2012 года выразил поддержку лидер «Аль-Каиды» Аймаз аз-Завахири, призвавший к свержению «еретического» сирийского руководства¹⁴. После этого даже глава американского внешнеполитического ведомства Х. Клинтон официально усомнилась в истинности целей сирийских повстанцев, которых международные СМИ с подачи «Аль-Джазиры» представляли исключительно мирными демонстрантами, противостоящими безжалостному «дамасскому мяснику»¹⁵. После крупных терактов в Дамаске (17 марта 2012 года) и Алеппо (10 февраля 2012 года) относительно того, кто на самом деле представляет наиболее активную часть сирийских повстанцев, сомнений не осталось практически ни у кого в мире.

«Витриной» сирийских непримиримых является базирующийся в Турции Сирийский национальный совет (СНС) во главе с «профессиональным» оппозиционером Бурханом Гальюном. Именно эта организация сегодня выбрана Западом и арабскими странами в качестве единственного законного представителя Сирии на международной арене. При этом очень сомнительно, что между СНС и ССА существует устойчивая взаимосвязь, с учетом крайне низкого авторитета Б.Гальюна (по происхождению Б.Гальюн — сирийский француз, профессор Сорбонны) и его окружения (также состоит в основном из эмигрантов) в широких слоях сирийской общественности.

В сирийском случае действия «непримиримых» натолкнулись на жесткий отпор со стороны большинства населения, которое считает исламистский про-

¹¹ Долгов Б. Сирия сегодня. Оппозицию условно можно разделить на три главных направления... — URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1327139520>

¹² Там же.

¹³ После начала выступлений общественности Б. Асад отменил в стране чрезвычайное положение, разрешил издание независимых оппозиционных газет, создал условия для прохождения в парламент оппозиционных партий, а также утвердил новую конституцию, из текста которой был изъят пункт о руководящей роли партии «Баас». Подробнее см.: URL: <http://www.bfm.ru/articles/2012/02/26/sirija-golosuet-za-novuju-konstituciju.html>

¹⁴ РИА «Новости». 12 февраля 2012 года. — URL: http://ria.ru/arab_sy/20120212/563658379.html

¹⁵ URL: <http://rus.newsru.ua/world/01mar2012/klintonm.html>

ект развития страны неприемлемым. Вдобавок серьезным образом против непримиримых играет и выбранная ими тактика террора и запугивания. В результате экстремистских действий повстанцев растет число жертв среди мирного населения, соответственно — сокращается база поддержки радикалов. О возможности самостоятельного захвата ими власти речи уже не идет.

В этой связи особую актуальность приобретает воздействие на ситуацию в Сирии внешнего фактора.

После египетских и ливийских событий в «арабской весне» все четче прослеживается роль Саудовской Аравии и Катара. Воспользовавшись волной протестов, охватившей арабский мир с начала 2011 года, Эр-Рияд и Доха сумели «зачистить» регион от всех более или менее влиятельных светских режимов. И это стало одним из важнейших итогов новой «нахды».

На Сирию саудиды точили зуб достаточно давно. Дело в том, что два этих государства на протяжении нескольких десятков лет боролись за влияние в Восточном Средиземноморье. Ареной их противостояния был в первую очередь Ливан, где с начала 2000-х годов саудовцы поддерживали суннитскую общину во главе с семейством Харири, а Сирия в сотрудничестве с Ираном помогала местным шиитам во главе с «Хезболлой». Также интересы Дамаска и Эр-Рияда пересекались на палестино-израильском векторе. И САР, и КСА боролись за контроль над местными исламистскими организациями с целью увеличения своего авторитета в арабском мире и усиления позиций в глазах Запада. Нельзя также сбрасывать со счетов и религиозного фактора — консервативный саудовский режим не мог допустить расширения в регионе позиций еретиков (шиитов-персов и алавитов-сирийцев), а также укрепления ирано-сирийского блока.

Не отставал от Саудовской Аравии и Катар, правящее семейство которого, также исповедующее суннизм ваххабитского толка, в последние годы стало считать себя равной саудовскому королевскому дому по степени геополитического влияния¹⁶.

То есть перечень претензий монархий Персидского залива к Дамаску был весьма широк. В этой связи, когда в Сирии начались выступления оппозиции, саудовцы и катарцы не преминули этим обстоятельством воспользоваться, начав помогать повстанцам оружием и деньгами, оказывать содействие по дипломатической линии, а также задействуя свой главный козырь — «Аль-Джазиру» (этот канал начал привычно лепить из Башара Асада кровавого палача собственного народа, и это притом, что свидетельств массовых казней не обнаружили в Сирии ни западные журналисты, ни международные наблюдатели; исправно сведения о репрессиях поставляет лишь некий базирующийся в Лондоне Наблюдательный совет по правам человека¹⁷).

В отношении Сирии «заливники» попытались осуществить тот же сценарий, что и против Ливии. «Поднять волну» в рамках Лиги арабских государств — ЛАГ (эта международная организация уже достаточно давно нахо-

¹⁶ В ноябре 2011 года толпы странников Б. Асада разгромили в Дамаске посольства именно этих двух стран. См: URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/11/111113_saudi_embassy_raged.shtml

¹⁷ ИТАР-ТАСС. 30 декабря 2011 года.

дится под влиянием членов ССАГПЗ), а потом подключить к решению сирийского вопроса НАТО. Однако здесь их ждало жестокое разочарование. Против вооруженного вмешательства в сирийские дела выступила Россия, опасаясь усиления радикального ислама в глобальном масштабе. Запад также не проявил особого интереса к организации военной операции в Сирии.

Дело в том, что Запад, в общем-то, не против был бы расправиться с режимом Асада (тем более, что в этом случае здорово пострадали бы региональные позиции Ирана), однако себестоимость бездумного вмешательства в ситуацию в Сирии для США и ЕС крайне велика.

В Вашингтоне и Брюсселе все отчетливее понимают, что единственной силой, способной претендовать на власть и влияние в Сирии, являются исламисты. В случае их победы страна погрузится в пучину хаоса (религиозные радикалы начнут преследования алавитов, христиан и друзов, что породит ответные силовые действия со стороны религиозных меньшинств). Хаос этот моментально выплеснется за пределы САР, захватив Ливан, Центральный Ирак, Иорданию. Под угрозой окажутся и интересы Израиля — крушение режима Б. Асада приведёт к тому, что еврейское государство останется один на один с разгулом религиозного экстремизма у своих северных и северо-восточных рубежей.

Башар Асад в целом устраивает Израиль. Он не претендует активно на возвращение Голанских высот, более сдержан в отношении поддержки палестинских радикалов, сговорчив по ливанскому вопросу (в 2005 году Башар Асад вывел из Ливана сирийский контингент, безоговорочно подчинившись требованиям Совета Безопасности ООН). Не стоит также забывать о том, что именно в период правления Асада-младшего из устава Прогрессивного национального фронта (возглавляемая «Баас» коалиция лояльных правящей семье партий) исчезла фраза «нет миру, нет переговорам с Израилем, нет его признанию», которая была заменена удобоваримой формулой про приверженность Сирии принципам международной законности¹⁸.

Именно этими обстоятельствами и объясняется сдержанность Израиля в действиях и высказываниях относительно ситуации в Сирии. Израильский премьер Б. Нетаньяху, равно как и глава оборонного ведомства Э. Барак, в официальных выступлениях всячески обходят щекотливую сирийскую проблематику¹⁹.

Осознание значимости израильского фактора для ситуации на Ближнем Востоке останавливает Запад от вмешательства в ситуацию в Сирии. Таким образом, вопрос о проведении силовой акции против режима Башара Асада натовским контингентом пока открыт. Вероятнее всего, открытым он останется весьма продолжительное время (тем более, что перед глазами Европы и США сейчас разворачивается ливийская драма, явившаяся прямым следствием западного вмешательства). При этом не стоит думать, что Запад полностью откажется от давления на Сирию. Отнюдь. Разговор идет лишь о прямом военном вмешательстве, которое в настоящий момент Западу невыгодно, а для Израиля просто-таки опасно.

¹⁸ Ахмедов В. Указ. соч. С. 112.

¹⁹ URL: <http://www.pravda.ru/world/asia/middleeast/05-03-2012/1109718-isrsyria-0>

В этой связи особое внимание следует обратить на позицию России. Именно благодаря такой вот линии нашего руководства западные правительства имеют возможность в глазах собственной общественности примеривать «белый фрак», поясняя свое нежелание вступаться за сирийский народ, уничтожаемый тираном, позицией, занятой по этому вопросу Россией. Мол, хотели бы, да Россия не дает...

Сегодня ситуация вокруг Сирии в связи с направлением туда международной миссии наблюдателей несколько разрядилась. Однако не стоит думать, что затишье это будет продолжительным. Через месяц-два (а то и раньше) режим Башара Асада обвинят в нежелании выполнять план Кофи Аннана и все закрутится с удвоенной силой. Слишком уж велико желание Саудовской Аравии и Катара сделаться единоличными вожаками арабского мира.

Максим БРАТЕРСКИЙ

ИРАНСКИЙ КРИЗИС РАЗРЕШИТСЯ В СИРИИ?

Новости из Ирана и связанные с Ираном переговоры, объявления о санкциях, внешнеполитические заявления, рассуждения экспертов — уже многие годы занимают первые полосы газет и интернет-изданий. Двигается ли Иран к созданию ядерной бомбы? Откажется ли он от своих ядерных амбиций под давлением санкций? Будет ли нанесен удар против его ядерных объектов и чем кончится противостояние между Ираном и доброй половиной мира — вот вопросы, которыми все чаще задаются политики, эксперты и общественность многих стран.

Иран в нынешнем его виде, с проводимой им внешней политикой и внушающей обоснованные опасения программой обогащения урана, представляется многим не только неудобным, но и опасным. В чем именно состоит неудобство и опасность иранской политики, вызывающей столь широкое осуждение и противодействие, только ли в реальной или воображаемой перспективе получения Ираном ядерного оружия? Или, другими словами, какой Иран не будет вызывать отторжения, подозрительности и опасений? Как ни странно, формальный ответ «безъядерный» к этому вопросу не подходит. Более того, для разных стран ответ на этот вопрос будет тоже разным.

Какой Иран устроил бы Запад?

Анализируя иранскую внешнюю и внутреннюю политику с точки зрения интересов Запада, стоит обратить внимание на тот факт, что само по себе наличие ядерного оружия у той или иной страны не обязательно становится непреодолимым препятствием к налаживанию конструктивных отношений между этой страной и западным миром. Ядерное оружие есть у Израиля — и это не мешает западным странам чувствовать себя вполне комфортно во взаимоотношениях с этой страной. Ядерное оружие есть у Индии — и после короткого периода охлаждения связи Запада с этой страной были быстро восста-

новлены в полном объеме. Ядерное оружие есть у Пакистана — и хотя отношения между западными странами и Пакистаном в данный момент безоблачными не назовешь, в основе разногласий между ними лежат не пакистанские ядерные бомбы, а другие вещи. Можно предположить, что и в случае Ирана корни противостояния лежат не только в его ядерной программе, но и в чем-то другом.

Вспомним Иран, каким он был до революции 1979 года. Во главе государства стоял просвещенный монарх, который планомерно занимался экономической и социальной модернизацией (вестернизацией) страны. Иран не отказывался от своего суверенитета, но в своей внешней политике следовал неким сформулированным Соединенными Штатами и Западом правилам игры. Во времена «холодной войны» эти правила игры были довольно простыми, но, кроме противостояния Советскому Союзу, они также включали такие элементы, как поддержание региональной стабильности, невмешательство во внутренние дела своих соседей по региону, увеличение своей значимости и международного влияния эволюционным способом: развитием национальной экономики, участием в мировой торговле, постепенным строительством вооруженных сил. Тот Иран тоже имел свои внешнеполитические цели и амбиции, но они не выходили за приемлемые в то время рамки и не принимали такие формы, как войны с соседями, поддержка иностранных боевиков и усилия по срыву мирного процесса в регионе.

Самое главное, суверенитет (можно спорить о том, обладал ли им Иран в полной мере или нет) не интерпретировался Ираном как императив к изменению порядка вещей, устоявшегося в регионе. Иран спокойно сосуществовал с Израилем и активно с ним сотрудничал. Иран не вмешивался в арабо-израильский конфликт, по крайней мере, не пытался всеми способами ставить палки в колеса так называемому ближневосточному мирному процессу. Наконец, Иран в основном занимался своими внутренними делами и открыто не вмешивался в дела соседей путем поддержки военизированных группировок или шиитских общин. Иран понимал и принимал установленные правила игры и не пытался их нарушить. Именно в те годы Иран начал свою национальную ядерную программу, что произошло при прямой поддержке американцев — и Соединенные Штаты отнюдь не пугались возможной перспективы (хотя тогда она почти не просматривалась) ядерной эволюции рационального, соблюдающего правила игры Ирана.

Сегодняшнее отторжение Западом Ирана вызвано не столько его ядерной программой, сколько связкой этой программы с агрессивной неконструктивной внешней политикой этой страны, которая, в свою очередь, генерируется специфическим политическим режимом.

Иранский режим — это режим-революционер, режим, не признающий существующие правила, режим, вынужденный искать себе внешнего врага — поэтому новым врагом был назначен Израиль, но и старые враги — арабы — тоже никуда не исчезли. Это режим, который, с точки зрения западного человека, часто действует иррационально, который не разделяет европейские гуманитарные и политические ценности и ищет самоутверждения не на приемлемом для Запада поле, а в попытках силой расширить свое влияние. В такой оценке политики иранского режима, конечно, видно определенное

лицемерие — но поскольку правила игры мировой политики пока еще пишутся Западом, то Иран, очевидно, в них не вписывается.

Если представить себе Иран, разделяющий западные ценности и не стремящийся изменить сложившуюся политическую картину региона — то можно предположить, что и его ядерная программа воспринималась бы Соединенными Штатами и Европой с меньшими опасениями. Что стало бы индикатором подобной перестройки внешней политики Ирана? В первую очередь — отказ от конфронтации с Израилем, включая отказ от поддержки «Хезболлы» и «Хамас», во вторую — отказ от вмешательства во внутренние дела Ливана и Ирака, и только в третью — отказ от ядерной программы. Коренная проблема, с этой точки зрения, состоит в невозможности отказа от подобной политики Ираном без изменения характера своего политического режима. Запад устроил бы любой режим в Иране, от демократического до авторитарного, при условии, что этот режим не будет основан на идеях противостояния сложившемуся статус-кво. И наоборот, пока у власти в стране стоит мусульманское духовенство, президент-ультранационалист и спецслужбы, перспектива попадания ядерного оружия к ним в руки будет абсолютно неприемлема для гарантов стабильности современной международной системы.

С точки зрения Запада, Иран раскачивает лодку мировой и региональной политической системы. Если бы тот отказался от этого главного стержня своей политики, то на его местные региональные амбиции, за исключением вопроса с Израилем, конечно, можно было бы смотреть сквозь пальцы, а то и использовать для игры на противоречиях между странами региона.

Какой Иран устроил бы стран-соседей по региону?

Короткий ответ на этот вопрос — лучше никакой, но, поскольку это невозможно — слабый и замкнутый в своих границах. Конечно, такое обобщение будет большим упрощением: соседей у Ирана много, и у каждого из них интересы в отношении Ирана в чем-то различаются.

Суннитским государствам хотелось бы, чтобы Иран не имел возможностей и намерений воздействовать на их внутреннюю жизнь через шиитские общины. Саудовской Аравии хотелось бы, чтобы Иран отказался от борьбы за звание исламского лидера региона и региональной державы Персидского залива. Ираку хотелось бы получить спорные нефтеносные территории в устье реки Шатт-Эль Араб и, кроме того, вернуть себе место духовного центра мирового шиизма. Объединенным Арабским Эмиратам хотелось бы получить спорные острова в Персидском заливе, оккупируемые, по их мнению, Ираном. Исламистским режимам стремительно приходящим к власти во многих странах Арабского Востока хотелось бы, чтобы главными радетьелями за дело ислама считались они, а не Иран. Израилю хотелось бы, чтобы Иран прекратил свои нападки на эту страну и отозвал свою поддержку «арабским террористам», атакующим Израиль. Непосредственным соседям Ирана на юге хотелось бы окончательно переименовать Персидский залив в Арабский, и не видеть персидский флаг как можно дольше. Турции хотелось бы стать новым идеологом развития исламского мира, сочетающего исламские и светские ценности. Иран и этому мешает, так как для многих на «арабской улице»

является более ярким и привлекательным примером того, как исламскому миру следует выходить из состояния охватившего его застоя.

Общий знаменатель политики стран-соседей Ирана, за исключением асадовской алавитской Сирии — ослабить Иран. Для крупных региональных держав сдерживание Ирана — это вопрос борьбы за лидерство — в регионе, в арабском мире, в исламском мире. Для мелких стран региона сдерживание Ирана — это вопрос самосохранения и самообороны. Для Израиля сдерживание и разоружение нынешнего Ирана — это вопрос выживания.

До недавней поры, в условиях некоторого оцепенения, охватившего арабский мир в последние тридцать лет, мечты ослабить Иран в основном оставались мечтами. Тысячелетний конфликт между персами и арабами находился в патовой ситуации, глобальные игроки, прежде всего Соединенные Штаты, напрямую в конфликт не вмешивались. Они не очень хотят вмешиваться и сейчас, но ситуация в регионе стала стремительно меняться. Во-первых, иранский режим сохранился неизменным и при этом стал энергично двигаться к ситуации технической готовности к производству ядерного оружия. Никто не знает, планирует ли Иран непосредственное создание бомбы, но, во-первых, это не исключено, а во-вторых — в тот момент, когда Иран окажется «без пяти минут от бомбы», он станет практически неуязвимым для силового давления. США в такой ситуации все яснее понимают, что время для принятия решения уходит, и если что-то в отношении Ирана и делать, то сейчас — иначе будет поздно. Израиль находится в другой ситуации — он вообще не может позволить себе риска превращения Ирана в ядерную державу, так как на кону стоит само существование Израиля.

Другим фактором, обострившим иранский узел, стала цепь революций в арабском мире, которая докатилась до единственного союзника Ирана — Сирии.

Битва за Иран идет в Сирии

Вмешательство региональных и внешних игроков во внутренний конфликт в Сирии можно рассматривать с разных точек зрения, но ясно одно: атака идет не только на правящий режим одной из основных арабских держав, но и на Иран. Задачи внешнего вмешательства в этот конфликт не ограничиваются изменением роли Сирии в регионе. Падение режима Асада будет также означать резкое снижение возможностей иранской внешней политики по всем направлениям: Иран лишится инфраструктуры, необходимой для поддержки «Хамас» и «Хезболлы», а его флот и вооруженные силы останутся один на один с потенциальными противниками.

Сирия сама является важнейшим игроком в регионе, многонаселенной и мощной в военном отношении региональной державой, претендующей на лидерство и защищающей свое право на него, прежде всего, достаточно жесткой позицией в отношении арабо-израильского мирного процесса и неприятием американского вмешательства в дела региона.

Нынешняя Сирия на протяжении десятилетий мешала многим: мешала Израилю, мешала Соединенным Штатам, мешала Саудовской Аравии. В прошлом году волна переворотов и революций в арабском мире добралась и до

Сирии. Неудивительно, что в начавшемся в Сирии внутреннем противостоянии многие игроки в регионе увидели исторический шанс решить наболевшие проблемы своих взаимоотношений с этой «неудобной» страной.

В сирийском кризисе переплелись интересы многих держав, как местных, так и внешних. Исход борьбы за Сирию способен кардинально изменить политический расклад на Ближнем Востоке, но очевидно, что итог этой борьбы во многом определит и ситуацию с Ираном. Либо Сирия останется единственным идеологическим и военным союзником Ирана, дающим ему географический выход к арабо-израильскому конфликту, либо Сирия станет другой, а Иран останется в изоляции. Нынешняя поддержка Сирией политики и амбиций Ирана носит во многом политико-идеологический характер и не основывается на серьезной культурной, экономической или религиозной общности (лидер иранской революции в свое время признал правящих сегодня в Сирии алавитов шиитами, но такое определение далеко не бесспорно).

При смене в Сирии правящего режима изменятся и внешнеполитические приоритеты страны, а с приходом к власти суннитского большинства с большей степенью вероятности исчезнет и религиозная основа сирийско-иранской дружбы. Конечно, страны-участницы сирийского противостояния фокусируют свое внимание, прежде всего, на собственно сирийской ситуации, однако очевидно, что иранская перспектива развития событий также никем не упускается из виду. В сирийском конфликте наиболее активное участие принимают США и их союзники Франция и Великобритания, а также Турция, Саудовская Аравия и Катар. Существенные интересы в этой стране имеют также Россия, КНР и Индия.

Интересы США и союзников в отношении будущего Сирии отличаются от их интересов в Ливии, где важным фактором при принятии решений была ливийская нефть. Непосредственных экономических интересов у западных держав в Сирии нет, их интерес состоит в устранении деструктивного, с их точки зрения, сирийского режима, который мешает арабо-израильскому урегулированию, поддерживает Иран и противостоит любым начинаниям США и Запада в целом в регионе. Интерес Запада состоит в устранении несистемных «бунтарей» из региональной политической системы и замене их на акторов, которые будут играть «по правилам». Интерес этот силен, но трезвомыслящие западные политики также понимают и опасность возможной радикализации будущей Сирии за счет прихода к власти исламистских сил, поэтому непосредственную роль в попытках формирования будущего страны они «уступили» местным игрокам: Турции и Саудовской Аравии.

Турция, возглавляемая умеренно исламским правительством Эрдогана, в последние годы всерьез заявила о своих региональных амбициях. Турция демонстративно порвала с Израилем, заняла независимую от Запада и НАТО позицию по многим вопросам (например, отказалась присоединиться к нефтяным санкциям против Ирана, отказалась предоставлять свои аэродромы для израильских самолетов в случае нанесения удара по Ирану) и активно включилась в попытки урегулирования многих конфликтов в средиземноморье и на Кавказе. Турции есть что предъявить арабским народам: современная экономика, растущее богатство и военная сила, уникальная для исламской цивилизации модель динамичного социального и экономического

развития. Асадовская Сирия оставалась для Турции главным политическим конкурентом (да и территориальные претензии к этой стране есть), и сегодня Турция энергично работает на дело изменения сирийского режима и прихода к власти суннитов. Любопытно отметить, что антииранской кампании при этом Турция не ведет, пытаясь, видимо, получить в партнеры ослабленный, но дружественный Иран. Видимо, в Стамбуле думают о воссоздании на новой основе некоей Великой Порты, но ограничивают свои интересы средиземноморьем, не пытаясь вмешиваться в дела Персидского залива.

Невиданную прежде внешнеполитическую активность, начиная с событий в Ливии, проявляют Саудовская Аравия и Катар. Они финансируют и вооружают оппозицию режиму Асада, а Саудовская Аравия перед этим провела, по сути, вооруженную интервенцию в Бахрейн и предотвратила падение султанского режима в этой стране. Саудовская Аравия пытается воспользоваться случаем и избавиться от сирийского светского режима, препятствующего расширению саудовского влияния в арабском мире. Решая первую задачу, она также продвигает к власти в Сирии исламские фундаменталистские силы, которые должны будут с большим вниманием прислушиваться к интересам Эр-Рияда.

И, наконец, картина участников сирийского конфликта будет неполной без упоминания роли России, КНР и Индии. Все три страны не заинтересованы в смене режима в Сирии и в ее переходе под влияние Турции, или Саудовской Аравии, или США. Данные государства заинтересованы в сохранении самостоятельной Сирии и пытаются ограничить иностранное вмешательство в этот конфликт.

Резоны такой политики у трех стран БРИКС и схожие, и немного разные. Для России падение режима Асада, возможно, будет означать начало ее окончательного ухода с Ближнего Востока и завершение процесса сжатия статуса России с глобального до уровня региональной державы. КНР видит в Сирии некие перспективные возможности для проведения своей будущей политики, а также противодействует ослаблению Ирана — одного из основных объектов китайских инвестиций в энергетику и важного поставщика энергии для КНР. Индия не приветствует возможную перспективу укрепления единства в исламском мире, будь это при ведущей роли Саудовской Аравии или Турции, так как косвенно такое развитие событий может отразиться на ее сложных взаимоотношениях с Пакистаном. Кроме того, в меру своих сил она поддерживает самостоятельность Ирана — важного нынешнего и будущего источника импорта нефти и газа.

Наиболее явным образом свою линию проводят Россия и КНР, которые неоднократно блокировали резолюции Совбеза ООН, односторонне направленные против нынешнего сирийского режима, и поддержали более сбалансированную повестку спецпредставителя ООН К. Аннана. Вместе с тем, серьезных ресурсов на этот конфликт ни Россия, ни КНР не выделяют: Россия к этому уже не готова, а КНР еще не готова. В итоге, Россия и КНР смогли на какое-то время предотвратить перспективу прямого иностранного вмешательства по образцу Ливии и сформировать шанс для поиска компромисса между правящим режимом и оппозицией, но итоговое разрешение сирийского конфликта они не предопределили. Турция и Саудовская Аравия бросают

на разрешение конфликта в Сирии нужным для себя образом гораздо больше сил и средств, а Соединенные Штаты со своими союзниками по НАТО достаточно эффективно действуют как дипломатически, так и в сфере формирования международного общественного мнения, чего у России и КНР не получается. Шанс на то, что самостоятельный политический режим Сирии трансформируется, но в какой-то форме сохранится, тоже пока остается: государственная конструкция Сирии оказалась намного крепче, чем хотелось бы сирийским революционерам и «друзьям Сирии».

Наряду с развитием событий в Сирии, на расширенном Ближнем Востоке развертываются и другие процессы, связанные с Ираном. Пресса достаточно подробно освещает разнообразные утечки информации из израильских и американских источников, связанные с планированием ударов израильских ВВС по иранским ядерным объектам, поиском Израилем пунктов дозаправки для своих самолетов на Кавказе, проигрыванием на компьютерах сценариев военных действий против Ирана. Стоит обратить внимание еще на один момент: американская стратегия выхода из Афганистана, объявленная президентом Обамой, предусматривает сохранение за Соединенными Штатами в Афганистане нескольких крупных военных баз и значительного военного персонала. Понятно, что эти базы могут быть задействованы в разных проектах, но иранский среди них выглядит наиболее очевидным.

Видно, что давление на Иран нарастает со всех направлений.

Ни Израиль, ни Соединенные Штаты, судя по всему, пока не приняли окончательного решения по поводу своих дальнейших шагов в отношении Ирана. На сегодняшний день против Ирана задействован практически весь невоенный арсенал внешней политики США: против нее действуют нефтяные и финансовые санкции, а на его единственного союзника идет скоординированная атака. Позиции президента Ахмадинежада внутри страны также выглядят менее уверенными, чем раньше.

Существует высокая вероятность того, что иранский кризис разрешится уже сейчас, без прямого вмешательства израильтян и американцев. Итог сирийских событий, вероятно, даст нам понять, как события будут развиваться дальше.

Валерий ПАУЛЬМАН (Эстония)

ЛОГИКА КРИЗИСА (КОНТУРЫ ПЯТОГО ЭТАПА)

Нынешний, шестнадцатый по счету, мировой экономический кризис в своем развитии уже прошел четыре этапа.

На начальном этапе, который характеризовался значительным превышением денежного предложения по отношению к ВВП, благодаря спекуляциям и мошенническим операциям, кризисный процесс не мог не трансформироваться в различного рода многочисленные «пузыри» на мировых рынках.

В финансовом секторе возникали все новые и новые разновидности производных финансовых активов (обеспеченные ипотечным кредитом ценные бумаги, страхование невыплат по кредиту и другие деривативы). Спекулятивные сделки с деривативами, портфельными инвестициями, валютой, нефтью, металлами, продовольствием приобрели фантастические масштабы.

Параллельно росла задолженность потребительского, корпоративного и государственного секторов по отношению к уровню национального дохода. Доступность дешевых кредитов поощряла население приобретать собственные дома. Однако далеко не все домохозяйства оказались в состоянии оплачивать ипотеку, что и стало непосредственной причиной финансового кризиса, разразившегося в 2007 году в США. Многие американские и европейские банки стали избавляться от рискованных бумаг. Повсеместно спрос на них упал настолько резко, что деньги банков и хэдж-фондов, вложенные в такие активы, быстро улетучились, что вызвало череду банкротств в финансовом секторе. Многие крупнейшие американские и европейские банки уже по итогам 2007 года заявили о колоссальных убытках.

Второй этап кризиса начался в 2008 году. Избыток свободных средств в финансовой сфере сменился их острой нехваткой. Общий объем списаний и убытков, которые понесли во всем мире финансовые компании, превысил один трлн. долл. Многие сектора кредитного рынка были, по существу, парализованы. Резко снизился потребительский спрос, упал оборот торговли, фаза поражения перекинулась в промышленность, строительство и на транспорт, обусловив волну банкротств и быстрый рост безработицы. В результате сокращения объемов производства упал спрос на углеводородное топливо, сырье и материалы, снизились цены на них. Например, цены на сырую нефть за короткий промежуток времени в 2008 году сократились в 4 раза (со 150 долл. за баррель до 40 и ниже).

Волна глобального кризиса накрыла и Россию, экономика которой базируется в основном на экспорте углеводородного топлива, сырья и материалов. Частному бизнесу потребовалась экстренная помощь государства.

Третий этап кризиса, в силу вышесказанных причин, характеризовался активным вмешательством в экономику государств, которые, спасая частный финансовый и реальный сектора, стали вливать в них огромные ресурсы, тем самым наращивая объем своих суверенных долгов. Центробанки приступили к снижению процентных ставок. В рамках одного года столь часто и низко ставки еще никогда не снижали: ЕЦБ до — 2%, ФРС — почти до 0%. Пойти на этот шаг решились также Япония и Великобритания, однако реанимировать национальные экономики не удалось. Рухнул банк Lehman Brothers, почти полностью лишился капитала UBS. Банки Morgan Stanley, Mizuho Financia Group, Washington Mutual понесли убытки на треть капитала. Значительную часть своих активов потерял Bank of America.

С сентября 2008 года по май 2009 года объем рыночной капитализации активов американских и европейских банков сократился на 60%, или на 2 трлн долл.

Эта политика тушения пожара за счет средств налогоплательщиков не могла не привести к глубокому кризису суверенных долгов.

Начался **четвертый этап** глобального кризиса, который сегодня особенно ощутим в Евросоюзе. Консолидированный государственный долг всех 27 стран ЕС к началу 2011 года составил баснословную сумму — почти 10 трлн евро, или свыше 80% от ВВП, а в США он уже перевалил за 100%.

Здесь необходимо сделать одну важную оговорку. Хотя речь идет о глобальном экономическом кризисе, он проявлялся неодинаково в различных регионах и странах мира. В таких крупнейших странах, как Китай, Индия, Бразилия и в ряде других, не произошло падения темпов роста ВВП в 2007–2011 годах, даже наоборот, они росли. Но это совсем не означает, что глобальный кризис их не затронул. Ведь объем покупательского спроса на рынках высокоразвитых стран для экспорта их товаров сократился. Пришлось принимать срочные меры для увеличения внутринационального спроса. Так, правительство Китая расширило меры по стимулированию потребления домашних хозяйств, совместив цели сокращения актива в торговле товарами и услугами с перестройкой структуры экономики в сторону большей опоры на внутренний спрос. Кстати, в названных странах под угрозой оказались те компоненты валютных резервов, которые были деноминированы в государственных ценных бумагах США, стран Евросоюза и в их валюте.

В настоящее время стали вырисовываться контуры следующего, **пятого этапа** глобального экономического кризиса.

Перечислим основные факторы, или, как сейчас модно говорить, риски, которые могут стать определяющими в дальнейшем развитии кризисного процесса. При этом непременно следует иметь в виду, что проблемы, обуславливающие развитие мировой экономики, многочисленны и взаимосвязаны, образуя эффект мультипликации.

1. Ухудшение перспектив экономического развития, особенно в развитых странах, в существенной мере связано с продолжающимся кризисом в сфере занятости. В то время как безработица остается высокой (9–10%), а доходы не

растут, экономика буксует из-за отсутствия роста совокупного спроса. По мере того как все больше и больше работников, особенно молодых, остается без работы в течение длительного периода, перспективы роста становятся все более и более призрачными из-за разрушительного воздействия хронической безработицы на трудовую квалификацию и навыки.

По мнению же специалистов, реальная ситуация с безработицей значительно хуже, чем свидетельствуют данные официальной статистики. В США, например, доля экономически активного населения устойчиво снижается с начала кризиса. Все большее число работников, оставшихся без работы в течение длительного времени, перестают ее искать и больше не рассматривается как часть рабочей силы. Около 29% безработных в США оставались без работы более одного года, что почти в 3 раза больше, чем в 2007 году.

Многие органы статистики не принимают во внимание также огромный контингент женщин, имеющих высшее или специальное среднее образование, стремящихся вырваться из тесного мирка домашнего хозяйства, но из-за отсутствия рабочих мест вынужденных выполнять только функцию домохозяйек.

Уровень безработицы среди молодежи (лиц в возрасте от 15 до 24 лет), как правило, выше, чем в других возрастных категориях в обычное время в большинстве стран, но во время мирового экономического кризиса этот разрыв непропорционально увеличился. Уровень безработицы среди молодежи, вырос примерно с 13% в 2007 году до примерно 18% в 1-м квартале 2011 года. В Испании 40% молодых работников не имеют работы! Четвертая часть или более молодежи в Западной Азии и Северной Африке, а также одна пятая часть в странах с переходной экономикой являются безработными. В других развивающихся странах безработица среди молодежи также увеличивалась быстрее, чем в других возрастных группах (URL: <http://www.un.org/esa/policy/wess/wesp.html>).

2. Кризис суверенного долга в ряде европейских стран усугубляют проблемы в банковском секторе. Даже шаги правительств стран еврозоны для достижения упорядоченного урегулирования суверенного долга Греции сопровождались продолжающимися потрясениями на финансовых рынках и ростом беспокойства по поводу возможного дефолта в некоторых крупных странах, в частности, в Италии. Принятые ответные меры жесткой экономии еще больше подрывают перспективы роста и занятости, что делает бюджетную корректировку и улучшение платежеспособности финансового сектора все более сложными. В IV квартале 2011 года ВВП еврозоны снизился на 0,3%, а в Греции — даже на 7,5%. Еврокомиссия пересмотрела прогноз динамики развития ВВП еврозоны в 2012 году: вместо роста на 0,5% ожидается сокращение ВВП на 0,3%. Самая серьезная рецессия ожидает Грецию, считают в Еврокомиссии, — падение ВВП на 4,4%. Показатель Италии — 1,3%, Португалии — 3,3%, Нидерландов — 0,9%, Венгрии, Испании и Бельгии — 0,1%.

Неустойчивое равновесие царит также и в экономике Соединенных Штатов.

Многие страны не располагают налогово-бюджетными и денежными ресурсами для спасения своих банковских систем или стимулирования спроса в таком же объеме, как в 2008–2009 годах. Так, Евросоюз уже не может

жить без вливания свеженапечатанных денег. Standard&Poors считает, что после недавней раздачи ЕЦБ трехлетних кредитов в сумме более 1 трлн евро под 1% годовых банкам Европы станет лучше, но сомневается, что они смогут вернуть кредиты. «Есть большая разница между остановкой разрушения и стимулированием восстановления, — отмечает аналитик StandardBankPlc в Лондоне Стив Бэрроу. — Кредиты ЕЦБ способны сделать первое, но не смогут сделать второе».

В 2011 году доходы европейских банков снизились: выручка только шести крупнейших банков сократилась на 20%. В этом году падение продолжится. Это связано со снижением деловой активности в Европе и замедляющимся экономическим ростом. Хрупкость и нестабильность финансового сектора отрицательно сказывается на кредитовании предприятий и потребителей.

Быстрый переход к жесткой экономии бюджетных средств не принесет снижения уровня безработицы, в то время как относительный государственный долг будет продолжать увеличиваться из-за недостаточного роста производства. Поскольку бюджетные дефициты резко увеличились, государственный долг развитых стран, даже при консервативных предположениях и, несмотря на «Договор о стабильности, координации и управлении в экономическом и валютном союзе», подписанный 25 главами Евросоюза в начале марта этого года, будет продолжать расти и в ближайшие несколько лет может превысить в среднем 100% ВВП.

В соответствии с новым пакетом реформ по капиталу и ликвидности финансовых учреждений (Базель III) банки должны держать большие объемы капитала и резервов для обеспечения непогашенных кредитов в целях повышения устойчивости банков в более турбулентных условиях на финансовых рынках. Однако эти новые стандарты капитала и ликвидности не касаются инвестиционных банков, хедж-фондов, рынков производных финансовых инструментов и так далее, которые и были главным фактором в формировании глобального кризиса в 2007–2008 годах. Это означает, что сохраняются условия для проведения масштабных спекулятивных финансовых операций.

3. Финансовые потрясения и спад производства в Европе начали распространяться на развивающиеся страны. Данное разрастание кризисных явлений привело к повышению стоимости заимствований во многих регионах мира и привело к падению индексов на фондовых рынках, при этом приток капитала в развивающиеся страны резко сократился. В целом, совокупный приток капитала в развивающиеся страны во втором полугодии 2011 года сократился до 170 млрд долл. США, что составляет всего 55% от 309 млрд долл. США, полученных за аналогичный период 2010 года.

Как отмечают эксперты Всемирного банка (URL: http://www.Executive-Summary_GEPJan2012_Russian.pdf?rid=794242235335717853915013185122834393221&file), «повышенная волатильность на рынках с августа 2011 года качественно отличалась от предыдущих случаев тем, что на этот раз спрэды по кредитным дефолтным свопам (КДС) увеличились в среднем на 117 базисных пунктов (б. п.) за период с конца июля 2011 года до начала января 2012 года, причем это увеличение в равной мере коснулось почти всех стран еврозоны, включая Францию и Германию, и стран, не входящих в еврозону, например, Великобританию. Распространение этой волатильности на разви-

вающиеся страны имело широкие масштабы. Кроме увеличения спрэдов по облигациям и ставок по кредитно-дефолтным свопам, фондовые рынки развивающихся стран потеряли с конца июля 8,5%. В сочетании с падением на 4,2% фондовых индексов стран с высоким уровнем доходов это привело к потерям богатства в размере 6,5 трлн. долл. США (9,5% мирового ВВП)».

4. Происходит сокращение объемов мировой торговли. Так, в течение трех месяцев до конца октября 2011 года они снизились в годовом исчислении на 8%, что было обусловлено в основном сокращением европейского импорта на 17%. Экспорт из развивающихся стран в третьем квартале 2011 года снизился на 1,3% в годовом выражении и продолжал сокращаться в течение ноября 2011 года; при этом наибольшие сокращения были зафиксированы в Южной Азии.

5. Большие сохраняющиеся дисбалансы в мировой экономике, возникшие в минувшее десятилетие, продолжают отрицательно воздействовать на воспроизводственный процесс. Особенное беспокойство вызывает то, что США остаются экономикой с крупнейшим дефицитом балансов. Активы по торговым балансам и балансам текущих операций в Китае, Германии, Японии и группе стран-экспортеров топлива являются оборотной стороной дефицита торгового и текущего счета платежных балансов США.

6. Нельзя пройти мимо проблемы динамики курсов основных мировых валют, в первую очередь доллара. Растущие внешние обязательства Соединенных Штатов, в значительной мере связанные с ростом бюджетного дефицита, на самом деле были главной причиной давления на доллар США в сторону понижения по отношению к другим основным валютам начиная с 2002 года, хотя происходили и большие колебания курса. Доверие к доллару, таким образом, подвержено колебаниям, так как представления о способности Соединенных Штатов бесперебойно обслуживать свою задолженность могут легко меняться с изменением цен на акции на мировых рынках и доверия к бюджетной политике США.

Расширение денежной массы и дальнейшее снижение курса доллара может быть использовано США для снижения своих значительных международных обязательств через инфляцию и экспорт, но это, скорее всего, создаст опасность нарушения мировой торговли и финансовых рынков.

7. Многие страны Восточной Европы и Центральной Азии, которые зависят от привлечения заемных средств у банков европейских стран с высоким уровнем доходов, являются особенно уязвимыми перед резким сокращением оптового фондирования и снижения активности национальных банков. Сокращение доли внешних заемных средств банками стран с высоким уровнем доходов может привести к вынужденной продаже иностранных дочерних банков и негативно сказаться на оценке активов банков с участием иностранного и отечественного капитала в странах со значительным присутствием иностранных банков.

8. Высокий уровень безработицы, рост налогов, политика жесткой экономии бюджетных средств путем урезания социальных программ вызывала волну протеста широких кругов населения. Повсеместно наблюдаются массовые манифестации, даже в странах с высоким уровнем жизни. В центре глобального капитализма — в США — прошли акции протеста под лозунгом

«Захвати Уолл-стрит». И это неудивительно, ибо терпение безработной молодежи и лиц, чей прожиточный минимум находится за гранью абсолютной нищеты, уже исчерпано. По данным Международной организации труда (МОТ), за годы кризиса число безработных в мире выросло на 27 млн, достигнув отметки в 200 млн человек, и будет расти дальше. Кроме того, эксперты МОТ приводят такие цифры: сейчас в мире 900 миллионов человек хотя и имеют работу, но живут меньше, чем на два доллара в день, а половина из них тратят ниже 1,25 долл. в день. Генеральный директор МОТ Хуан Сомавия сообщил, что на земном шаре один из трех работоспособных человек лишен работы или живет в нищете.

Впервые за многие десятилетия у людей потеряна вера в то, что уровень жизни для следующего поколения будет выше, чем сегодня. «Эта новая проблема особенно остро стоит в промышленно развитых странах, которые исторически являлись источником уверенности и смелых идей», — заявил управляющий директор Всемирного экономического форума Ли Хауэлл.

Как показывает история, в кризисные периоды обостряется политическая борьба, которая нередко заканчивалась войнами. Сегодня особую опасность представляет противостояние Ирана, США, Евросоюза и Израиля.

Существует опасность того, что растущая политическая напряженность в регионе Ближнего Востока и Северной Африки может привести к перебоям в поставках нефти.

9. Существует опасность, что проблемы Соединенных Штатов и Европы станут усугубляться. Традиционная конкурентная борьба между ними проявляется не только в противостоянии доллара и евро, но и в нередко вспыхивающих конфликтах по поводу налогообложения финансовых транзакций, правил ведения краткосрочных торговых операций с ценными бумагами (т.н. «правило Волкера»), методов борьбы с кризисными явлениями и т.д. Недавно министр финансов ФРГ Вольфганг Шойбле заявил, что властям США следует прекратить вмешиваться в экономическую политику, проводимую властями Европейского Союза. Вместо этого американцам следует сосредоточиться на решении собственных экономических проблем. Министр финансов Германии отметил, что экономические проблемы Европы никак не связаны с трудностями, с которыми столкнулись США.

Итак, настоящий экономический кризис в своем развитии прошел ряд этапов, причинно-следственная связь между которыми состояла в том, что каждая последующая стадия логично вытекала из предыдущей.

Предстоящая, пятая, стадия подготовлена всем предыдущим развитием кризиса, она вызревала в течение 2007–2011 годов. Можно с уверенностью сказать, что мировая экономика вступает в опасную фазу. Суть ее в том, что на новом этапе сплаваются воедино многие факторы: высокий уровень хронической безработицы; кризис суверенных долгов, резко сокративший возможности поддержки частного сектора; неустойчивость и хрупкость банковского сектора, которая отрицательно сказывается на кредитовании предприятий и потребителей; спекулятивные операции на всевозможных рынках; жесточайшая конкуренция товаропроизводителей всех уровней; снижение платежеспособного спроса многих субъектов мировой экономики; дисбалансы в мировой экономике и т. д. Причем ни на одном из предыдущих четырех

этапов нынешнего глобального экономического кризиса подобного явления не наблюдалось.

К вышесказанному следует добавить, что действующие институты управления всех уровней (всемирные, региональные и национальные) не в состоянии эффективно влиять на происходящие стихийные процессы, присущие глобальной рыночной экономике. Принимаемые ими меры носят половинчатый, а не радикальный и всеобъемлющий характер. Однако следует заметить, что они и не могут быть иными.

Такого же мнения придерживаются и эксперты Экономического и Социального Совета ООН, которые в своем докладе «Мировое экономическое положение и перспективы в 2012 году» (URL: <http://www.un.org/esa/policy/wess/wesp.html>) писали: «Развитые страны могут быть увлечены вниз по нисходящей спирали четырьмя болезнями, которые взаимно усиливают друг друга: проблемный суверенный долг, неустойчивый банковский сектор, слабый совокупный спрос (связанный с высоким уровнем безработицы) и паралич политики, вызванный политическим тупиком и институциональными слабостями. Эти болезни уже запущены, но дальнейшее ухудшение одной из них может столкнуть экономику в порочный круг, ведущий к острому финансовому кризису и экономическому спаду. Это также серьезно повлияет на страны с формирующимися рынками и на другие развивающиеся страны через торговые и финансовые каналы».

Мировой экономический кризис выявил системные пороки в функционировании рынков и серьезные недостатки в основополагающих процессах выработки экономической политики.

Капиталистическая глобализация оказалась на перепутье.

Быстрое распространение последствий финансового краха в Соединенных Штатах Америки практически на весь мир, выразившееся в сокращении числа рабочих мест и сокращении источников средств к существованию, стало наглядным свидетельством тесных взаимосвязей в мировой экономике, порождающих не только «эффект домино», но и «эффект бумеранга», а также необузданной мощи стихии рынков, приобретающих все более спекулятивный характер.

Валерий БОНДАРЕНКО (Беларусь)

СТИХИЙНОЕ КЕЙНСИАНСТВО В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОПЫТ БЕЛАРУСИ

Актуальность идей «государственного вмешательства» в экономику. Глобальный экономический кризис вызывает новые ощущения и вечные вопросы типа «Кто виноват?» и «Что делать?». На сегодняшний день либерально-экономические идеи, и ранее не очень популярные на постсоветском пространстве (да и в социал-демократической среде Евросоюза), подвергаются критике с новой силой и в различных формах: от движения «OccupyWallStreet» в Америке до известной «мантры» типа «Во всем виноват Чубайс». Вместо эгоцентричного либертарианства выкрикиваются или выдвигаются различные идеи, нацеленные на усиление роли государства в экономике и в социальной сфере.

В обобщенном виде эти идеи известны под терминами «дирижизм», «патернализм» и, в наиболее систематизированном виде, «кейнсианство». Интерес к более сильной роли государства в экономике также объясняется и подпитывается интеграционными процессами в форматах Таможенного союза (ТС), ЕЭП, ЕврАзЭС и Евразийского союза. Этого требуют также различные общественно-политические силы в России и ближайшие соседи по СНГ и ЕЭП. Нередко и противники, и сторонники «дирижизма» приводят опыт Беларуси.

В этом контексте белорусская социально-экономическая модель — «социально ориентированная рыночная экономика»¹ — представляет особый интерес для анализа, поскольку вышеупомянутые идеи сильного государственного вмешательства здесь настойчиво и последовательно реализуются уже около двух десятков лет. После драматичного 2011 года белорусскую модель трудно считать образцом для подражания. Но, тем не менее, для не ангажированных специалистов она по-прежнему является довольно интересным «кейсом», особенно в социальной сфере и в реальном секторе.

Теоретическая база неосоциализма: от марксизма-сталинизма и «развитого социализма» — к стихийному кейнсианству. Анализ постсоциалистиче-

¹ Строго говоря, авторство самого Д.М.Кейнса в ряде случаев весьма сомнительно. Напр., немецкий банкир и экономист Альберт Хан (AlbertHahn) в своей статье «Континентальное европейское докейнсианство» привел свыше 30 случаев копирования Кейнсом одной из его работ, написанной в 1920 году, т. е. за 16 лет до известнейшего труда английского лорда; кстати, А. Хан позднее отказался от своих же идей, так как не смог найти эмпирических доказательств. Но чистота теории и ее авторство в данном случае — не наша проблема.

ских национальных экономических моделей приводит к выводу, что они прошли именно такую эволюцию (марксизм-сталинизм — «развитой социализм» — кейнсианство) и до сих пор сочетают признаки этих доктрин.

Теоретической основой белорусской модели ранее, в самом начале ее становления, называли кейнсианство, ссылаясь при этом на опыт Ф. Д. Рузвельта и на его «новый курс» по выведению США из Великой депрессии. Позднее президент А. Лукашенко, характеризуя свой экономический курс, стал говорить о том, что «мы шли от жизни» и, конечно, «от интересов народа».

В 1994 году президентская команда в Беларуси, как и в других странах СНГ, стремилась всеми доступными и известными средствами стимулировать экономический рост. Хорошее знание курса марксизма-ленинизма и истории КПСС, полученное в партшколах, армейская дисциплина советского социализма и планирования — вот подлинный теоретический багаж создателей суверенных национальных экономик в СНГ, включая «белорусское экономическое чудо». Неолиберальные теории не подходили по политическим причинам, да их в те годы практически никто не знал: лучшие кадры традиционно учились и оседали в Москве. А известны и доступны были только понятные административно-командные методы, директивное планирование, а также печатный станок, эмиссионные кредиты Нацбанка, инфляция.

Позже оказалось, что нечто подобное, действительно, предлагал Дж. М. Кейнс и на практике осуществил президент Ф. Д. Рузвельт в США в годы Великой депрессии. Так на смену «развитому социализму» пришло «стихийное кейнсианство».

Напомним основные наиболее популярные положения кейнсианства. Лорд Д. Кейнс в целом был настроен против системы рыночной саморегуляции, выступал за усиление государственного управления.

Денежная и кредитная эмиссия, дефицитный бюджет, инфляция для «разогрева» кризисной экономики. Р. Кейнс считал возможным печатать деньги без товарного или золотого покрытия.

Обеспечение полной занятости на основе общественных работ, высоких налогов (почти конфискационных — до 95% в Англии тех лет) и уже упоминавшейся денежной эмиссии, инфляции.

Национализация. Очень большое значение в белорусской модели имеют идеи Кейнса о желательности национализации промышленности и о связанной с этим «концентрации» и «канализации» инвестиций через решения госорганов. Государство должно взять на себя функции руководства и организации инвестиционными процессами.

Очень популярными в Беларуси, в отличие от других постсоветских стран, оказалось негативное отношение Кейнса к предпринимателям, спекулянтам, посредникам, финансистам. Лорду не нравилось, что они, оказываясь, больше думают о своей прибыли, о наживе, а не о благе общества, не о поддержке обездоленных. Они столь «плохи и испорчены», что предпочитают вкладывать свои деньги в казино, а не в долгосрочные проекты.

Лорд предлагал упорядочить кредитно-денежную политику, подчинить ее государственному управлению с целью полной занятости и социальной справедливости.

Лорду очень симпатична докласическая трудовая теория стоимости, суть которой в том, что «все производится лишь трудом», а не капиталом. Кейнс считал, что «нет социального оправдания проценту», т. е. стоимости денег, а потому почти с марксистской ненавистью относился к капиталу, к банкирам, финансистам, фондовым биржам и спекулянтам.

Конечно, далеко не все оригинальные идеи и изящные высказывания Д. Кейнса воплощены в белорусской модели или в других постсоветских странах с аналогичными постсоветскими подходами к решению социально-экономических проблем. Например, не прижилось его позитивное отношение к независимым — от правительства — профсоюзам. (Правда, других профсоюзов — «зависимых» — тогда на Западе не было, это уже советское изобретение.)

Напомним, что в Англии и в США в 1930-е годы последовали меры правительства по серьезному расширению прав профсоюзов, дабы снять социальное напряжение и просоциалистические симпатии, а также содействовать повышению зарплаты рабочих и улучшению условий их труда путем давления на предпринимателей-капиталистов. Это также расширяло совокупный спрос вполне по-кейнсиански. Но в Белоруссии права профсоюзов не только не расширялись, но даже во второй половине 1990-х годов постоянно и существенно сокращались. В результате сложились напряженные отношения между Международной организацией труда (МОТ) и руководством Беларуси. (Так, включение Беларуси в так называемый специальный параграф ежегодного форума МОТ означает, что ситуация с правами профсоюзов в стране является «одним из тех серьезных случаев, которому МОТ должна уделять пристальное внимание», — комментарий исполнительного директора МОТ².)

Может возникнуть вопрос: «А причем же здесь кейнсианство?» Похожие идеи и методы мы встречали задолго до известных интеллектуальных трудов английского лорда: марксизм, ленинизм-сталинизм и т. п. Да, некое сходство есть... Но заявлять сегодня о своей приверженности идеям марксизма-ленинизма как-то «не комильфо» — другое дело «кейнсианство»! Если же серьезно, то здесь весьма уместна мудрая китайская поговорка: «Не важно, какого цвета кошка, важно, чтобы она умела ловить мышей».

Централизация. Практически все важнейшие решения принимает президент, и он же очень доходчиво разъясняет свои решения населению в прямом телеэфире, что вызывает симпатии у одних («батька») и раздражение — у других («диктатор»).

Президентская «вертикаль власти», как таковая, известна во многих странах, в том числе в России. Но в Беларуси эта конструкция включает не только местные органы власти, но также руководителей крупнейших предприятий и организаций: ректоры вузов, директора предприятий, руководители банков, главные редакторы государственных СМИ и др. являются номенклатурой президента, губернаторов или председателей райисполкомов. При этом приставка «ОАО» или «ООО» перед названием предприятия (учреждения) не должна вызывать иллюзий.

² URL: <http://www.news.tut.by/economics/89442.html>

Столь высокую степень централизации и концентрации экономической власти в руках одного лица трудно объяснить только лишь экономическими соображениями. Оппозиция объясняет это особенностями авторитарного политического режима, особенностями характера личности президента и его стремлением обеспечить лично себе абсолютную власть во всех сферах. Президент открыто признает, что он часто занимается вопросами, которые должны решаться на более низком уровне, но он просто «вынужден» это делать по следующим соображениям:

— 15–17 лет назад было необходимо «сильной рукой» выводить страну из кризиса и концентрировать в руках государства все ресурсы, разваленные и почти разворованные «демократией»;

— опыт «либеральных реформ» и «шоковой терапии» в постсоветских странах (и в России) доказал свою ущербность, привел к взрывоопасной исключительно резкой социальной дифференциации общества, к формированию 10–20 олигархических кланов и к обнищанию половины населения;

— нельзя бросить белорусский народ в «стихию дикого рынка», надо о нем заботиться;

— необходимо обеспечить экономическую и политическую безопасность, обороноспособность и независимость республики.

В сфере экономической политики такая степень централизации означает, что руководители предприятий руководствуются (вольно или невольно) прежде всего «интересами государства», а не интересами своих предприятий. Например, в 2006 году в соответствии с решением правительства в виде «дополнительного платежа в бюджет» были изъяты накопленные белорусскими НПЗ финансовые ресурсы, которые могли быть использованы на финансирование инвестиционных программ. Так, ОАО «Нафтан» (Новополоцк) перечислил 448 585 млн руб., что на тот период составляло 208,6 млн долл. США, ОАО «Мозырский НПЗ» — 229 000 млн руб., или 106,5 млн долл. США³.

Позднее оказалось, что в результате очередной «углеводородной войны» с Россией этим когда-то богатейшим предприятиям и донорам бюджета... пришлось оказывать помощь из того же бюджета!

Но это уже другая история.

Государственная собственность как основа белорусской политико-экономической и социально-экономической модели. В Беларуси целенаправленно сохраняется очень высокая доля госсобственности. Госсектор представлен унитарными предприятиями, доминирующими в ключевых отраслях экономики (электроэнергетика, нефтепереработка, «оборонка», машиностроение, химическая промышленность), где доля государства превышает 80%. Кроме того, существуют смешанные акционерные общества с государственным контрольным пакетом акций. Лишь в торговле и в сфере бытового обслуживания доля приватизированных предприятий достигает 70%. Считается, что в соседних странах самые «лакомые куски» когда-то общенародной собствен-

³ Подробнее см.: URL: http://www.ej.by/news/economy/2011/07/11/pochemu_zagibaetsya_belorususkaya_neftepererabotka.html

ности достались олигархам, а простые люди и общество в целом от грабительской приватизации не только ничего не выиграли, но лишь стали беднее.

Отношение к приватизации у президента вполне логичное: «Зачем же я буду отдавать предприятие, которое эффективно работает? Пусть оно работает на народ, на бюджет»... В Беларуси формально существует институт «золотой акции», поэтому государство юридически сохраняет право решающего голоса даже в тех АО, где государству принадлежит 1–2% акций. Правда, список таких предприятий, составленный правительством, невелик и включает около 30–40 предприятий, а на практике конфликты такого рода крайне редки.

За последние годы опробованы такие методы деприватизации: передача акций государству в обмен на льготные кредиты; пересмотр «неправильной» процедуры приватизации в начале 1990-х годов; безвозмездная передача имущества акционированного предприятия государству и др. Оппозиционная пресса отмечает, что «власть демонстрирует завидную изобретательность по возвращению государству приватизированной собственности». Трудящиеся, получившие стабильный заработок на вновь государственном предприятии, довольны.

Целенаправленная «монополизация» как средство «наведение порядка», точнее — резкое ограничение числа конкурентов посредством лицензирования экспорта-импорта — превратилось в весьма существенный метод государственного управления. Цель — концентрация финансовых потоков у ограниченного числа субъектов хозяйствования, упразднение большого количества мелких негосударственных предприятий для «наведения порядка». Эта мера затрагивает самые прибыльные отрасли: экспорт-импорт нефти и нефтепродуктов, экспорт-импорт рыбы, сахара, алкоголя, табака и т. д. Распределяет экспортно-импортные квоты и лицензии администрация президента.

Государственное планирование считается важным средством проведения государственной экономической политики. Наиболее серьезное значение имеет ежегодный «Прогноз социально-экономического развития страны» и «Основные направления денежно-кредитной политики». Прогноз развития народного хозяйства страны включает 16 основных макроэкономических показателей — от роста ВВП до роста средней зарплаты.

Выполнение прогнозных показателей — не просто ориентир для правительства и отраслевых министерств, а плановое задание. Если какой-либо министр или директор не выполнит этот «прогноз», он может лишиться своего поста, что нередко происходило в 1990-х и в начале 2000-х годов при подведении итогов в прямом телеэфире к восторгу зрителей.

Что дает такая схема выполнения плановых заданий? Во-первых, продукция все-таки производится, план выполняется, ВВП растет. Статистика ВВП и сферы производства учитывает не проданную продукцию, а произведенную. Во-вторых, рабочие таких проблемных предприятий все-таки получают зарплату, а не пособие по безработице. Нередки случаи, когда предприятия даже берут кредит для выплаты зарплаты, не дожидаясь реализации продукции, поскольку президент требует не допускать задержки в выплате зарплаты, а план-прогноз требует ее регулярного повышения. Понятно, что такая ситуация нередко ведет к ухудшению финансового положения некоторых предприятий, к росту складских запасов нереализованной продукции. Так, в производстве машин и оборудования — 89% (к среднемесячному объему про-

изводства), в производстве транспортных средств и оборудования — 97,3%. Но самые большие запасы товаров отмечаются в текстильном и швейном производстве — 147,1% — и в производстве кожи, изделий из кожи, производстве обуви — 165,7% к среднемесячному производству⁴.

«Селективная» экономическая политика. Несколько десятков «валообразующих» предприятий формируют «хребет» белорусского народнохозяйственного комплекса, и им уделяется особое внимание. В белорусском реальном секторе четко выделяются и сосуществуют две неравные части. Первая — это небольшая группа привилегированных предприятий (государственных или с долей государства в уставном капитале), их насчитывается примерно 200–250, в том числе 90 крупнейших валообразующих предприятий в промышленности и 11 — в сельском хозяйстве. Эта сотня «флагманов индустрии» обеспечивает примерно 60–65% ВВП и получает примерно 70–80% всех дотаций, субсидий, льгот: льготные кредиты, бюджетные дотации, льготное налогообложение, отсрочки по платежам в бюджет и т. п. За счет особого статуса они имеют реальную налоговую нагрузку на 10–15% ниже «остальных».

Главный аргумент в пользу такого «селективного» подхода: успехи или неудачи крупнейших предприятий серьезно влияют на экономику малой страны. Крупнейшие предприятия обеспечивают занятость огромного количества рабочих и служащих, обеспечивают заказами большое число смежных предприятий. Крупнейшие предприятия дают основные поступления в бюджет, что позволяет финансировать социальную сферу. Кроме того, многие страны, например, «тигры» Юго-Восточной Азии, практиковали такой подход для подъема «новых» отраслей.

Аграрная политика: «не хлебом единым жив крестьянин». Основной задачей государственной аграрной политики в АПК является достижение и поддержание «продовольственной безопасности» страны. Внутреннее производство должно обеспечивать 85% потребления по 9 важнейшим группам продуктов — зерну, картофелю, овощам, фруктам, растительному маслу, сахару, молоку, мясу, яйцу. Если эта задача решена, то все остальное — например, экономическая эффективность — имеет второстепенное значение. Хорошо бы, конечно, получать еще и прибыль, но со времен коллективизации в аграрном секторе это, скорее, приятное исключение, чем правило.

В основе механизма функционирования АПК, как и в годы СССР, — различные субсидии, дотации, льготы и т. п. По оценкам специалистов, всего в АПК применяется примерно 30 прямых и косвенных субсидий⁵. Общий объем средств этой господдержки оценивается в размере 3–4% ВВП, или 10–12% консолидированного бюджета. Но в бюджете отражаются отнюдь не все средства и методы. Перечень лишь основных видов сельхозсубсидий включает:

⁴ URL: <http://www.gazeta.ru>

⁵ См. напр.: *Скуратович К.* Цена продбезопасности // *Белорусский рынок*, № 47, 2003. С. 12; URL: <http://www.belmarket.by>; Регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию в контексте достижения продовольственной безопасности / Немецкая экономическая группа в Беларуси. — URL: <http://www.research.by/pdf/pp2004r18.pdf>

прямые расходы из госбюджета (статья «расходы на сельское хозяйство»; средства республиканского и местных фондов стабилизации экономики производителей сельхозпродукции и продовольствия; кредиты по заниженным ставкам; списание долгов сельхозпредприятий; налоговые льготы; более низкие (льготированные) цены на горюче-смазочные материалы и др.; неденежные трансферты и спонсорская помощь.

Зачем же долгие годы сохранять такие убыточные хозяйства и схемы? Дело в том, что колхозы и совхозы в СССР всегда являлись не только производственными единицами, но и разновидностью местной администрации и даже в какой-то степени общины или израильского кибуца: ликвидация крупных хозяйств фактически приведет к разрушению социальной сферы.

В настоящее время в Беларуси происходит реформа аграрного сектора. Бывшие колхозы и совхозы объединены в агрохолдинги, в агропредприятия, но они по-прежнему выполняют также непрофильные, но необходимые населению социальные функции. Это — главная причина сохранения и очень медленного реформирования агросектора⁶.

На практике есть и такие схемы — на балансы крупнейших банков и госпредприятий РБ передаются убыточные сельскохозяйственные предприятия... Сельхозактивы на балансах банков появились в 2004 году: Президент издал указ о приобретении рядом банков убыточных предприятий⁷.

Сложившаяся система субсидий приносит участникам как прибыль, так и убытки. Нельзя сказать однозначно, кто и сколько получает или теряет. Аграрный сектор субсидируется во многих странах. Особенностью белорусской модели на сегодняшний день является то, что субсидии выделяются вне зависимости от результатов работы. Субсидии направлены не на повышение эффективности работы или качества продукции, а на поддержку села и сельского населения, на поддержку сельского хозяйства вообще. Фонд заработной платы ряда сельхозпредприятий превышает объем производимой ими товарной продукции. Но продовольственная безопасность обеспечена.

Социальная ориентация белорусской модели была довольно очевидна до 2011 года, т. е. до внушительной девальвации белорусского рубля. Наглядно это проявлялось в следующем: сравнительно высокие зарплаты и пенсии (конечно, по понятиям СНГ); низкий уровень зарегистрированной безработицы; низкие тарифы и цены на услуги ЖКХ (благодаря госсубсидиям), сравнительно высокие социальные стандарты.

Достигалось это следующими мерами.

Зарплата и пенсии являются предметом государственного планирования: соответствующие показатели ежегодно рассматриваются руководством и включаются в государственный прогноз (то есть план) социально-экономического развития страны.

Президент лично контролирует эти вопросы и весьма требовательно подходит к случаям несвоевременной выплаты зарплаты, особенно на селе. Так, многие руководители, включая одного из премьер-министров, лишились своих постов за невыполнение плановых показателей в этой сфере. После

⁶ См., напр.: URL: http://www.kapital.by/news/v_belarusi_poyavyatsya_agroholdingi.html

⁷ URL: <http://www.agroforum.su/viewtopic.php?f=153&t=54250>

отставки этого премьера его сменщик быстро «навел порядок» — правда, через 2–3 месяца долги по зарплате еще больше возросли.

Политика поддержания и постоянного повышения зарплат и пенсий имеет огромное социальное, политическое, экономическое значение. Социальный смысл понятен: люди живут лучше, причем положение белорусских пенсионеров традиционно считается (или считалось?) более обеспеченным по сравнению с соседними братскими странами. Общественно-политический смысл такой ситуации вообще очевиден: пенсионеры, особенно на селе, надежный электорат президента.

Но экономические последствия административного «накачивания» доходов населения довольно противоречивы. С одной стороны, высокие доходы вполне по-кейнсиански стимулируют совокупный спрос, что важно для реального сектора экономики. Внутренний спрос, в отличие от внешнего, гораздо меньше подвержен колебаниям конъюнктуры рынка, что убедительно показал пример Китая и др. стран в годы мирового кризиса. Но, с другой стороны, централизованное планирование повышения зарплаты, не увязанное с экономическими предпосылками, (производительность труда, конкурентоспособность продукции и др.), ложится серьезным — иногда непосильным — бременем на предприятия и на экономику в целом. Это крайне убедительно проявилось в валютно-финансовой сфере Беларуси в 2011 году. Рост зарплаты означает рост себестоимости продукции и снижение ее конкурентоспособности, причем очень часто — при прежнем качестве.

Социальная функция крупных государственных предприятий. Со времен СССР крупнейшие предприятия выполняют социальные и градообразующие функции: обязаны создавать и содержать детские сады и ясли, общежития, теплоцентрали, жилищно-коммунальное хозяйство. В России приватизированные предприятия, главным образом, отказались от этих непрофильных и неприбыльных функций: детские сады, ЖКХ и др. были переданы местным органам власти с их небогатыми бюджетами. Это во многих небольших городах привело практически к разрушению социальной сферы.

В Белоруссии многие предприятия по-прежнему выполняют непрофильные социальные функции, что ухудшает их финансово-экономические показатели, но сохраняет, в целом, приличный уровень социального обслуживания как работников предприятия, так и всех жителей данного города или района. Местные органы власти далеко не везде могут обеспечить содержание данных объектов на приемлемом уровне.

Устойчивое, сбалансированное развитие кейнсианской постсоветской модели (понимаемое как ее имманентная способность к бескризисному саморазвитию и саморегуляции) весьма проблематично. В Беларуси практически не развиты такие институциональные предпосылки и структуры, которые обеспечивают такое развитие и саморазвитие: фондовый рынок, институт банкротства и др.

Сегодня практически нет объективных рыночных индикаторов и механизмов «самонастройки» экономических процессов. Возможно, столь жестко управляемая из единого центра социально-экономическая модель является оптимальной для выхода из кризиса, как и «новый курс» Ф. Рузвельта... Идеи кейнсианства — точнее, практика «ручного управления» экономикой, основанная на этих

идеях, — препятствуют интеграции постсоветских стран в мировое хозяйство. Административное вмешательство правительства (протекционизм, ограничения свободы экономического поведения, ограничения на рынке ценных бумаг, льготы, субсидии) создает квазирыночные условия, весьма отличные от мировой экономики. Но это же обстоятельство — «уникальность, автономность, оригинальность» национальных моделей — несколько защищает национальную экономику от прямого воздействия мирового финансового кризиса. От косвенных же последствий этого кризиса местная самобытность защитить не может.

Полноценное, органичное участие данных моделей в современных интеграционных процессах весьма затруднено, что приходится учитывать в различных интеграционных конструкциях на постсоветском пространстве. Разумеется, внешняя торговля вполне возможна, но торговля — это еще не интеграция, что хорошо известно со времен финикийцев...

«Путин 2.0» и перспективы белорусской модели. Некоторые изменения в белорусской модели объективно неизбежны в настоящее время. И они происходят, прежде всего, по необходимости приспособления «пользователя» — т. е. белорусской элиты — к новой операционной системе «Putin 2.0 ExportEdition».

Во-первых, своего рода «интернет-браузерами» для связи с внешним миром в этой «опер-системе» является, прежде всего, наднациональный Таможенный комитет и, вероятно, другие наднациональные органы ЕЭП. Это — некие обезличенные механизмы, «операционные системы», с которыми просто приходится работать, вне зависимости от симпатий или антипатий.

«Ручное управление» уходит в прошлое — как и клинопись, как чистописание гусиным пером по бумаге.

Во-вторых, государство просто не имеет возможности продолжать практику «ручного управления», субсидий и льгот в прежних масштабах.

В-третьих, давно назрела необходимость серьезной либерализации частного бизнеса: сегодня он просто уходит «в тень» или за границу и вообще не платит налоги. Только малый бизнес может серьезно содействовать разрешению растущих проблем безработицы, особенно в регионах.

Следует ожидать некоторого снижения налоговой нагрузки, что связано с необходимостью повышения конкурентоспособности белорусских товаров, с интеграционными процессами в рамках ЕЭП. В РФ и Казахстане общий уровень налоговых изъятий составляет примерно треть ВВП, в Беларуси — чуть меньше половины, т. е. на 10–15 процентных пунктов выше.

Сегодня эта разница сглаживается во внешней торговле низким курсом белорусского рубля, но введение единой валюты упразднит валютный, курсовой фактор конкурентоспособности.

Данная модель почти идеально соответствует сложившейся политической системе, в высшей степени централизованной и персонифицированной. Экономическая модель служит основой данной политической системы — и наоборот. Она очень подходит для мобилизации и концентрации всех ресурсов в случае чрезвычайных ситуаций — например, мировой кризис или агрессия. Именно поэтому данную модель некоторые называют «мобилизационной экономикой».

Это — главные и вполне достаточные факторы очень длительного ее существования.

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ

В обсуждении участвуют доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета В. А. Луков, доктор философских наук, профессор, академик РАО Л. П. Буева.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П. С. Гуревич.

Гуревич П. Со школьных времен мы помним гражданскую войну в Англии, которая была помечена красивыми символами — Алой и Белой розы. Она стала поистине гражданской, хотя соперничали в ней Йоркшир и Ланкашир. Длилась эта бойня три десятилетия. В результате в ней погибло столько видных аристократов, что английскому королю Генриху VII потребовалось немало времени, чтобы восстановить этот социальный слой. В историческом описании этой бойни много красивого. Всадники, покрытые тяжелыми латными доспехами, тяжелая поступь коней. Стремительный полет стрелы, выпущенной из лука. И, разумеется, розы как символ любви и радости. Благородно, впечатляюще.

Но, оказывается, война вовсе не была гражданской. Историки рассказывают про несметное число жертв, разоренных земель. А ради чего? Обнаружено, что мы имеем дело не с историческими фактами, а с мифами, изготовленными после того, как сражения давно закончились. Теперь мы знаем, что война была династической. Но самое главное — все, что было в реальности, искажено, представлено совсем в другом свете. В XVI веке король Генрих Тюдор заставил историков переписать события войны так, чтобы они могли оставить в головах людей представление именно о династии Тюдоров, сокрушивших беспорядки и хаос, порожденные розами разных расцветок. Война на самом деле стала следствием борьбы за власть двух политических партий. Во время военных действий никто из воюющих сторон не убивал простых крестьян, поскольку рассчитывал завоевать поддержку простолюдинов. Жителей деревень не уничтожали, постройки не жгли. Кровавая суть войны, как выяснилось позже, не выглядела столь грандиозной. Ужасы, которые описывались историками, не являлись столь трагическими и романтичными. Картины смертельных противостояний, повлекших разграбление и опустошение, выдумали сторонники Тюдоров. Им было важно показать, что до их восшествия на престол в стране царил разруха и опустошение. А процветание началось тотчас же, как только на троне оказался Генрих VII. Да и тридцатилетней войну назвать невозможно. Вся эта кампания заняла всего 428

дней. Но вот что в какой-то степени можно назвать комичным. Названное противостояние двух групп феодалов никак не связано ни с Алой, ни с Белой розами. Красивое название сражений, судя по всему, обозначилось позже. Скорее всего, эти символы придумал Вальтер Скотт в XIX веке. А, может быть, и сам писатель стал заложником вымыслов, рожденных еще раньше. Не исключено, что мифологический вариант войны связан с В. Шекспиром. Ему принадлежит пьеса «Генрих VI». В ней есть сцена, когда соперничающие группы знати «кучкуются» в саду Темпля, где они собирают красные и белые розы.

Итак, неужели в истории царит вымысел, а в политике — мифология? Не исключено, что юмористическая фраза И. Ильфа, занесенная в записную книжку: «Когда усилилось преподавание истории в школе, все узнали, кем была Мессалина, и Матрена, переименованная на Мессалину, оказалась в безвыходном положении», таит в себе глубокий подтекст. А может быть, это частный случай, а в истории главенствуют только подлинные факты?

В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

- 1. Когда и почему появилась политическая мифология?**
- 2. Какую роль в истории играет политическая мифология? В чем ее польза или вред?**
- 3. Какие политические мифы получили распространение в нашей стране сегодня?**
- 4. Возможна ли деполитизация мифов?**

Когда и почему возникла политическая мифология?

Луков В. У политической мифологии много измерений, но у той, с которой начали вы, Павел Семенович, самые заметные очертания. Это измерение можно назвать фальсификацией истории. Для нашей страны сегодня это исключительно важный аспект проблемы, о чем мы, наверное, немало сегодня скажем. В этой своей фальсификационной функции, думаю, политическая мифология и политика неразделимы, так сказать, от рождения. Пример с Тюдором, на который вы сослались, разумеется, имел более ранние исторические прецеденты. Таков древний политический миф о божественности власти, которой располагал египетский фараон. Идея прямой связи правителя с миром богов в условиях религиозно-мифологического мышления всего общества — необходимый ресурс государственного управления, включая необсуждаемое право лишать жизни тысяч людей. Но и на фараона есть управа мифотворцев — фальсификаторов истории. Три с половиной тысячи лет назад фараон Аменхотеп IV отменил древнюю религию, впервые в человеческой истории ввел монотеизм — поклонение единому богу Атону, солнечному диску. Фараон взял новое имя Эхнатон, перенес столицу из Фив в совершенно необжитое место в 350 км пути по Нилу и по пустыне (это половина расстояния от Москвы до Петербурга), выстроил там город с храмами и дворцами и умер в 35-летнем возрасте (возможно, был убит). Его сын и преемник Тутанхатон умер в 18 лет, успев отменить религию отца, сменить имя на Тутанхамон. За 70 дней, ушедших на бальзамирование, ему в Долине царей под Фивами подготовили захоронение, как теперь выясняется, в усыпальни-

це отца, затерев имя Эхнатона. Летописцы вычеркнули и этих двух, и еще двух следующих фараонов из всех своих записей, до XX века никто не подозревал об этом грандиозном политическом и социокультурном изменении.

Буева Л. Это фигуры умолчания, хорошо нам известные по собственной истории, когда фамилии политических деятелей, объявленных «врагами народа», вычеркивались, буквально вымарывались в книгах. На одной фотографии рядом с вождем стоит, допустим, Троцкий, а позже на этом же снимке Троцкого нет. Фотография и та перестала быть документом. А это и есть искажение истории.

Луков В. Другая линия фальсификаций — воспевание добродетелей тех, кто волей судьбы или интриг, часто кровавых, оказывался у власти. Греческие и римские тираны изошренно умели делать это, задолго до нашего века освоив искусство пиара. Римский император Октавиан Август прославился тем, что запрещал своим подданным воспевать его. Но те в свою очередь не остались в долгу перед тираном и подробно рассказали о том, носителем каких добродетелей является их повелитель. Отмечались не только его личные гражданские качества, подчеркивалась и его репутация замечательного семьянина.

Буева Л. А уж когда другой тиран, Цезарь, проезжал в своей колеснице, впереди него мчался глашатай с совсем другими прославлениями. Он оповещал простых людей о том, что человек, которого они видят, имеет громадные заслуги. Использовались также и психологические приемчики. Шут, который бежал за колесницей, вопил: «Римляне, прячьте жен! Вот едет лысый развратник!» Народ только посмеивался: все знали, что Цезарь не скрывает своей увлеченности женщинами и каждая хотела бы попасть на глаза этому сладострастнику. Применялись также способы черного пиара. Об императоре Септимии Севере отзывались многозначительно: «Он же с Дуная...». А это уже политический стереотип: все знали, что возле этой реки живут дикие люди, они необразованны, да нередко бывают и тупыми.

Луков В. Так же поступали и монархи Европы.

Гуревич П. Нет, пожалуй. В эпоху Средневековья следовало соблюдать уважение к власти. К этому как раз и обязывало представление о божественности власти. В исторических оповещениях есть и правда, и ложь. Иначе история действительно считалась бы опрокинутой политикой. И все же, если менялась династия, тут уж можно было не церемониться. Разрешалось использовать все средства дискредитации «плохих» политиков.

Буева Л. Властители понимали, что нельзя снимать позолоту с величия государства и ее держателей. Когда в Англии свергли законного короля из династии Плантагенетов, Ричарда II, тотчас же началась междоусобная война между Йорками и Ланкастерами. И все-таки один из политических мифов — рассказ о катастрофе, постигшей народ и спасение этого народа новым властителем.

Гуревич П. Виктор Пелевин в современном романе «S-N-U-F-F» иронизирует над этой мифологической традицией. Новый правитель Контекст, сообщает нам писатель, едва став властителем, вопит о национальной катастрофе, к которой привела Уркаину (условную страну будущего) прежняя клика, о бедственном демографическом положении, о том, что урка надо поставить в самый центр Уркаины, а не наоборот...

Луков В. Да, известный австрийский философ Эрнст Кассирер, обращаясь к технике политических мифов, пришел к убеждению, что они постоянно обновляются в истории. По сути дела, они не содержат ничего нового. Возьмем, к примеру, представление о герое-освободителе, спасителе. Не случайно у Юнга выделен соответствующий архетип. Иными словами, коллективное бессознательное опирается на эту модель интерпретации героев, когда речь идет о личностях, становящихся ориентирами для целых народов в связи с крупными историческими событиями или целыми эпохами, требующими от народов высокого уровня социальной солидарности. Не случайно и то, что для многих видных историков сама история и есть жизнь великих людей. Британского историка и философа Томаса Карлейля, например, более всего в истории вдохновлял романтический культ героев, и название одной из его книг «Герои, почитание героев и героическое в истории» очень точно передает пафос автора.

Буева Л. Казалось бы, что тут плохого? Разве история не знает героев? Героическое играет огромную роль в жизни человека. В известном смысле оно является центральным и уходит своими корнями в человеческую природу. Если тщательно разобраться в природе героики, то можно считать, что мы имеем дело с универсальной человеческой проблемой. Героика, несомненно, обладает космической значимостью. Герой стремится быть центром космоса, быть Богоподобным. Тема героизма неразрывно связана с напряжением жизни и преодолением смерти. Культура в целом может рассматриваться как система кодифицированного героя, обещающего бессмертие и отвергающего смерть.

Гуревич П. Юнг полагал, что тема героя является архетипной, иначе говоря, именно она постоянно возобновляется как в жизни отдельного человека, так и в истории человеческого общества. Несмотря на фиксированность героического содержания, герой разнолик, в той же мере разнообразна и его судьба. Можно говорить о некоей схеме, которой подчиняется жизнь героя. Он неэпизодичен в том смысле, что возникает однажды по конкретному поводу и затем исчезает. Герою, которому суждено состояться, нужна своеобразная жизненная летопись, каждая страница которой наполнена содержанием. Политику, у которого нет своеобразной политической истории, нечего делать в истории. Его ждет забвение.

Луков В. Так-то оно так. Но ведь судьба героя — это политический миф. И кстати, нередко не такой уж безобидный. Во-первых, у Карлейля прослеживается романтизация истории, прославление подчас мнимых героев, по крайней мере, не всегда достойных поклонения. Во-вторых, беззастенчивая апология разрушительной, точнее сказать, очистительной революции. Если в какую-то эпоху утрачивается героическое, тогда начинают обнаруживать себя массы, которые требуют вождя. И он является! Это может быть не обязательно Наполеон, но, скажем, и не Кромвель.

Буева Л. В то же время Карлейль писал памфлеты, в которых высмеивал возможную эмансипацию негров. Героика-то имела расовый подтекст.

Гуревич П. Но ведь идеализация прошлого — это стойкий политический миф. Известный современный историк Ханс Кёллнер пишет, что чем больше он изучает Французскую революцию, тем меньше ее понимает. Она никогда не была столь загадочна, как сейчас, несмотря не то, что объясняющий ее дискурс сегодня чрезвычайно богат и изощрен. Он даже приводит такую фразу:

«Мы — хозяева прошлого». Это означает, что у каждого историка или политика может быть свой взгляд на давние события. Возможно, это и есть всевластие политического мифа.

Луков В. А концепция французского писателя и социолога Жозефа-Артюра Гобино, о которой тоже упоминает Кассирер? Гобино последовательно отстаивал идею, что упадок и гибель цивилизаций — прямой результат смешения рас. Сначала такое смешение выступает как источник развития, но ненадолго, потом приходит черед вырождения цивилизаций. Белая раса «первоначально владела монополией на красоту, ум и силу», утверждал Гобино с печалью в голосе, поскольку к его временам «вырождение» уже шло стремительно, и впереди маячили тяжелые для человечества времена. Потому — пока не поздно — нужно прекратить все попытки установить в обществе равенство. А в культуре приблизиться к рыцарским образам в духе Рихарда Вагнера: только герои спасут мир.

Буева Л. Разумеется, идея Героя, Сверхчеловека наверняка существовала на всех этапах развития человечества (это иллюстрируют древние предания и мифы) и продолжает существовать как общая тенденция философской мысли, как один из главных вопросов социальной философии и философской антропологии. Однако именно в XIX веке появилась ницшеанская концепция сверхчеловека, а в следующем столетии сложились теории элитизма. Не кажется ли вам, коллеги, что политическая мифология со временем набирает обороты?

Гуревич П. Кассирер все же подчеркивает, что оживить миф в новых условиях не так-то просто. Нужны новые технические средства. Хорошо, миф имеет давние истоки. Но возьмем, к примеру, прошлый век. Новый миф, по мнению Кассирера, сложился после Первой мировой войны. Источником ее может служить надвигающаяся катастрофа. Общие условия, подготовившие появление мифа XX в. и обеспечившие ему победу, сложились после Первой мировой войны. Во времена инфляции и безработицы социальная и экономическая жизнь Германии оказалась под угрозой краха. Казалось, что все реальные средства исчерпаны. Это была как раз та питательная почва, откуда могли возникнуть и черпать свои силы политические мифы.

Луков В. «Миф достигает апогея, когда человек лицом к лицу сталкивается с неожиданной и опасной ситуацией». Это тоже из Кассирера, который сослался на польского этнографа и социолога Бронислава Малиновского, считавшего, что миф действует одинаково, но не всегда проявляется с предельной мощностью. Из жизни среди аборигенов он вынес убеждение, что магия и мифология — не рутинное занятие, если нет сверхординарной задачи, нет необходимости и в сверхординарных средствах. Тогда нет повода обращаться к сагам и вспоминать о мифах.

Буева Л. Однако мифы обретают непреложность, если ситуация полна опасностей.

Гуревич П. Вот мы говорим о всевластии мифа. Нет ли здесь преувеличения? Одно дело архаические культуры, где магия выступает вместо научной экспертизы, философского концепта. Но в наш просвещенный век, когда весь мир представлен в виртуальных сетях, в газетах и журналах печатаются экспертные заключения, политики призывают к здравому смыслу и рациональному суждению, откуда взяться политической мифологии?

Луков В. Миф в архаические времена вступает в силу, когда разум и попытка жесткой организации социальной жизни не приносят хороших результатов. Этнографы утверждают, что есть общества, которые не живут в состоянии хаоса и в силу этого не имеют развитой системы мифов и ориентированы на нормы жизни и традиции своего клана. В свое время, больше века назад, такие выводы сделали антропологи Уолтер Болдуин Спенсер (не английский социолог Г. Спенсер, это его однофамилец) и Фрэнсис Джеймс Гиллен. Их книга «Первобытные племена Центральной Австралии» в этом плане заслужила пристального внимания коллег.

Буева Л. Ну, вот видите. Даже в архаические времена миф не универсален в политике. А в современной ситуации, когда люди обращаются не к магии, а к философии, науке, средствам массовой информации, возможно, сфера мифологического сознания обуживается?

Гуревич П. Но, с другой стороны, можно ли говорить о свободе от мифа, даже в архаические времена? Ведь члены клана отказывались от определенной пищи, следовали конкретным ритуалам, которые воспроизводили трагические или драматические события их тотемных предков. Здесь, пожалуй, не столько мощь принудительной власти, сколько воздействие глубинных мифических представлений.

Луков В. Политика всегда чревата неожиданными катастрофами. Поэтому Кассирер и подчеркивает: Миф, всегда рядом с нами и лишь прячется во мраке, ожидая своего часа. Этот час наступает тогда, когда все другие силы, цементирующие социальную жизнь, по тем или иным причинам теряют свою мощь и больше не могут сдерживать демонические, мифологические стихии. Стало быть, миф не что иное, как персонификация коллективных чаяний.

Гуревич П. Французский ученый Дютте дал четкое определение лидерства и диктаторства. Наступает такой исторический миг, когда чаяния людей персонифицируются в конкретном лидере или предстают в индивидуальном облике. Тогда прежние законы, правосудие в целом утрачивают свою силу, и высшее право передается вождю. Но это демонстрирует не только торжество мифа, но и его непрочность. Кумиры толпы вступают на помост, но и нередко сбрасываются оттуда.

Буева Л. Допустим, мы установили, что политическая мифология имеет давние корни. Но ведь современный человек не так наивен, как человек племени. Он располагает информацией, старается думать, выбирать. Современный политик не может действовать, как маг или колдун. Он что, тоже попадает под влияние социальной магии? Если даже это так, то современному политику нужны не только заклинания, но и социальные поступки. Как это соединить?

Луков В. Но ведь Карлейль дал рационалистическое объяснение общественным тенденциям, которые представляются совершенно иррациональными. Он рассуждал просто: вера в героя неизбывна, она является неизменным элементом человеческой истории. Такую веру невозможно вытравить, пока на земле есть человек.

Буева Л. Вера в героя, конечно, важна, но неужели этого достаточно для фабрикация политических мифов? Ясно, что нужны и определенные условия, чтобы миф ожил, оказался к месту и вызвал бы массовое поклонение иллюзорным стереотипам.

Гуревич П. Мы должны обратить внимание на тот факт, что политические мифы не только рождаются в глубинах коллективного бессознательного. В наши дни мифы подлежат умышленному сотворению. Было бы, очевидно, странно, если бы техническая цивилизация, претендующая на универсальность, не предложила бы собственную технику мифа. Французские философы показывают, что современный миф не только подвергает переоценке этнические ценности. Деструкции подвергается семантика речи. Английский психоаналитик Уильфред Бион показывает, что такое повреждение языка связано с депрессивным состоянием. Уходят те смыслы, которые слово несет изначально. Возникают речения, обладающие значительной разрушительной силой: «Замочить в сортире», «У них слетит резьба» и т.д. Появляются слова, которые несут в себе дисфорические, т.е. злобно-тоскливые переживания — злобу, ненависть, бешенство, высокомерие, презрение и самонадеянность. Даже наиболее суровые деспотические режимы удовлетворялись лишь навязыванием человеку определенных правил действия. Они не интересовались чувствами и мыслями людей. Сегодня наши политики празднуют победу: эффективный политик вернулся в верховную власть. Но как оценить состояние общественного сознания? Разве оно не демонстрирует нам политическую апатию, параноидальную злобность, ощущение духовной пустоты?

Луков В. Несомненно. Социологи, по существу, не хотят погружаться в глубины массовой психологии, они предоставляют в наше распоряжение только «мнения». Но мы мало знаем о том, какие эмоциональные состояния вызревают в недрах социальной психологии. Между тем надо увидеть миф в его технологии. Миф сам по себе не выступает, подобно норме права, как разрешающий или запрещающий знак. Если правовое нарушение влечет за собой ясно сформулированные и принятые в виде соответствующих предписаний санкции, то миф лишь дает аналогию, из которой могут делаться те или иные выводы, например, в виде укоров совести или практик социального исключения. Сила мифов в том, что они освоены людьми, приняты с доверием и признанием. Часто это происходит в период первичной социализации, в семье, сопряжено в воспоминаниях с дорогими лицами, знакомыми запахами, вещами. Мифы, политические в том числе, сакральны не в том смысле, что повествуют о священном, а в том, что возбуждают сакральные чувства. Чужие мифы нас не возвышают, а разве что развлекают. От своих мифов не хочется отвернуться, даже если появились тома научных опровержений. Сопротивление вызывает не столько попытка навязать миф, сколько стремление отнять его. «Свой-чужой» здесь важнейшая разделительная полоса, и ничего не значат такие характеристики, как «истинный-ложный», «объективный-субъективный» и все в таком же роде.

**Какую роль в истории играет политическая мифология?
В чем ее польза или вред?**

Гуревич П. Попробуем все же подойти к проблеме рационально. Можно ли назвать такой отрезок истории, где политический миф в основном бы отсутствовал? Условно говоря, политика, если такое можно помыслить, абсолютно рациональна и прозрачна. Даже собственные корыстные помыслы политики

переводят на язык разумности и целесообразности. Разве Н. Макиавелли не обсуждает политические проблемы на языке трезвости и цинизма?

Буева В. Но зачем предлагать народу социальные фикции, поскольку реальная картина общественной жизни очевидна для каждого? Кроме того, граждане питают заведомо отрицательные чувства по отношению к любому вымыслу и попытке манипулировать сознанием масс.

Луков В. Полагаю, что такая историческая ситуация немислима. Даже в том случае, когда общественные события оказываются результатом выстраданной социальной мысли, когда расстановка политических сил ничем не замутнена, все равно есть место заблуждению, соблазну и добровольному самообману. Но и при таком уточнении все же картина не представляется сколько-нибудь полной. Я все время чувствую, что когда говорят «политическая мифология» (и даже в нашей беседе это есть), подразумевают сознательный обман масс народа, каких-то гнусных или беззащитных историков-идеологов, готовых «гениально все переписать» для злодеев-политиков, дающих тайный заказ на ложь подчас всемирного масштаба. Я думаю, что главное значение понятия «политическая мифология» базируется не на представлении о лжи, а на представлении о вере.

Гуревич П. Разве мы говорим только об обмане народов? Напротив, мы рассуждаем о мифе как неискоренимом антропологическом обнаружении. Стойким оказывается тот миф, который соответствует ожиданиям людей. Они сами готовы обманываться. Святая ложь нередко воспринимается как истина в последней инстанции. Но это вовсе не означает, что история — всего лишь мифология. Исторические факты можно извратить, но они все равно воскреснут в своей непреложности. В этом миссия историка, который разрушает мифы, но нередко их же и творит.

Луков В. Конечно, есть случаи сознательного переписывания истории: в 1990-е годы историки, получившие докторские степени в СССР, по грантам Сороса переписали отечественную историю XX века, в результате на смену красной идеологии советского периода пришла белая идеология, или лучше сказать — рябая. Пришлось создать при президенте РФ Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (очень выразительное название!). Все же и в этом случае сознательной фальсификации эффект веры имеет место, хотя бы как внутреннее обоснование для почти мгновенного превращения из красных в разноцветные — почти как в случае мгновенного обращения гонителя христиан Савла и превращения его в апостола Павла.

Гуревич П. Пример с Савлом вряд ли годится для иллюстрации козней Сороса. Смена жизненной ориентации может стать следствием жизненного катарсиса, а может оказаться результатом откровенной демагогии, приспособления и даже цинизма. Политик всегда располагает хорошо оснащенной механикой власти. Не потому ли многие философы пришли к выводу, что миф имеет безоговорочно конструктивный смысл. Вот что писал, к примеру, Фридрих Ницше: «Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер прирожденной силы; обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некое законченное целое». Миф, считает Ницше, обладает огромной скрепляющей силой. Если нет мифа, в обществе

начинается бесцельное блуждание. Выходит, властитель обязан честно сказать народу: «то, что я предлагаю, похоже на сказку, но так нужно...» Ницше, вообще говоря, это исключает. Он полагает, что образы-мифы можно уподобить незаметным вездесущим демонам, которые стоят на страже. Под охраной должны расти молодые социальные силы. У государства нет более могущественных неписаных законов, чем мифы.

Луков В. Не только Ницше, но и многие другие социальные мыслители, были убеждены в позитивной роли мифа в истории. Собственно, отношение к мифу как к продукту суеверия и обмана — идея французского Просвещения. В какой-то мере это шаг назад в понимании мифа на фоне, например, глубоких мыслей Дж. Вико в его трактате «Основания новой науки об общей природе наций» (1725). Вико увидел в мифе особый способ познания. В чем эта особенность? В органичной связи всех элементов бытия, в многозначности применений, двусмысленности ситуаций, оценок, иносказаний. У Вико миф — это божественная поэзия, которой свойственны детское восприятие мира, богатство воображения. Они полны чувственности, телесности, далеки от морализаторства. Существо здесь схватывается через эпизоды, оно проясняется через повествование. Это очень современный взгляд на миф, политический в том числе, с точки зрения его (мифа) применимости к каждой новой эпохе, какими бы революциями — на уровне новых паровых машин или новых айпадов — не определялось ее историческое лицо.

Гуревич П. Миф всегда полон глубокого смысла, необычайной поэтичности, сакральности. Он, разумеется, всегда предпочтительнее всякой политической доктринальности, статистических выкладок и морализаторских ухищрений.

Буева Л. Не потому ли, скажем, французский философ Жорж Сорель был первым, кто предложил новое прочтение мифа. В истории, по его мнению, царит социальный миф. Его можно сравнить с миражом, и, тем не менее, он оказывает немалое воздействие на экономическое развитие стран. При этом востребованными становятся самые неожиданные фантазии. Миф в этой системе рассуждения — двигатель изменений в истории, инструмент преобразований. Французский социолог оправдывает любое заблуждение, поскольку оно может оказаться фактом великой силы.

Гуревич П. Правда, надо заметить, что миф Сорель толкует не вполне четко. Нередко он называет мифом любой социальный идеал. Сорель считал, что миф особенно значим в стрессовых и конфликтных ситуациях. Причем миф, по его мнению, всегда ситуативен. Иначе говоря, если сегодня миф обладает нужной социальной энергией, то завтра он может ее утратить, поскольку изменится историческая ситуация. Люди заблуждаются: отдавая должное той или иной социальной иллюзии, они полагают, что действуют абсолютно продуманно и рационально.

Буева Л. Но если миф получает еще и идеологическое подкрепление, он становится стройным и впечатляющим. Сорель называет в качестве примера действия средневековой инквизиции или террор 30-х годов в Советском Союзе. Эти события воспринимались людьми, как вполне логичные и даже объективно необходимые акции с целью сохранения устоев общества. Хотя миф оперирует символами, он нередко оказывается

для отдельного человека не менее реальным, чем указания здравого смысла или научной истины.

Гуревич П. Можно полагать, что Сорель ошибается, когда относит миф лишь к обыденному сознанию. По его убеждению, миф не эксплицируется идеологией. Поэтому он пишет о мифах двух видов. В одном случае о явном или открытом мифе. Явные мифы — это сказки, эпос, легенды. Сорель не придает им должного значения, полагая, что они важны лишь для искусства.

Луков В. Думаю, он опять здесь ошибается. Некоторые отечественные авторы пишут о том, что, скажем, культурная архаика не имеет никакого отношения к национальному сознанию. Однако так ли это? Мы уже отмечали однажды, обсуждая другую тему, что в японских школах изучают не историю этого народа, а различные мифы, на основе которых складывается национальное сознание. Причем получается так, будто события, изложенные в мифе, происходили на самом деле и характеризуют японцев как бесстрашных, мудрых и нравственных людей. Можно себе представить, что, допустим, в российской школе вместо истории Древней Руси излагали бы сказания об Илье Муромце, Алеше Поповиче или Микуле Селяниновиче? Но такая подмена в Японии никого не смущает, напротив, она кристаллизует патриотизм, усиливает национальное сознание. Кроме того, надо учесть, что и летописная история — сплошной политический миф, нередко многократно переписанный на стертых страницах, чтобы соответствовать новой власти. В исследованиях, например, периода княжеских междоусобиц начала XI века излагаются версии, весьма далекие от того, что представлено в «Повести временных лет», и убийство Бориса и Глеба, возможно, не только должно быть разнесено по времени, но и связано с разными мотивами и совершено вовсе не Святополком Окаянным, а по приказу Ярослава Мудрого, который вел с Борисом борьбу за княжеский престол. Все это версии, и не место здесь обсуждать их обоснованность, но что в официальной истории остается многое из сконструированных политических мифов — несомненно. Да верно и то, что былинные богатыри должны быть поняты не как опоэтизированные герои своего времени, а как важнейшее средство единения, когда сказитель не сообщает слушателям новую информацию о прошлом, а возбуждает дух народного величия.

Гуревич П. Сорель, вероятно, не прав, относя миф лишь к обыденным представлениям. Жак Лакан отмечал, что к числу устойчивых, структурированных фантазмов, которые определяют наше время, можно отнести представление о потребительском рае. Но ведь это представление основано на серьезных идеологических аргументах, а не только на массовом убеждении, будто каждому нужно иметь много замечательных вещей. Известно, что этот миф фундаментализирован еще и экономической теорией.

Луков В. Мне хотелось бы также понять, справедлива ли мысль Сореля о том, что социальный миф порожден иррациональными движениями души, мистифицированными мечтаниями о справедливом обществе. Сегодня любой социальный миф подкрепляется политиками экономическими выкладками, ссылками на авторитеты, идеями политической целесообразности. Сорель писал о том, что извержение вулкана есть не что иное, как обнаружение сакральной активности, которая бушует в недрах земли. Миф, мол, тонкая пленка, которая прикрывает гигантскую социальную деятельность. Но точно ли,

будто миф — всего лишь видимый симптом? Вопрос гораздо сложнее. Ответы, возможно, надо искать в культурологических изысканиях нескольких веков, в школах изучения мифа и мифотворчества. Вспомним, как во второй половине XIX века боролись между собой две магистральные школы изучения мифа: школа, шедшая вслед за исследованиями Я. Гримма, и школа Э. Б. Тайлора. Первая сформировала лингвистическую концепцию возникновения мифа в результате болезни языка. Суть в том, что в метафоре постепенно утрачивается первоначальный смысл, и она отрывается от источника образа, становится основой мифа. Вторая школа — антропологическая или эволюционистская — видела источник мифа и религии в анимизме, в представлении о душе. Позже Дж. Фрезер скорректировал это видение и показал связь мифа с магией как древнейшей формой универсального мировоззрения. Так закрепилась ритуальная доктрина, и Кембриджская школа филологии утвердила постулат безусловного приоритета ритуала над мифом. Потом упоминавшийся уже Бронислав Малиновский дал функционалистскую трактовку мифа, где миф кодифицирует мысль, укрепляет мораль, предлагает определенные правила поведения и санкционирует обряды.

Буева Л. Есть повод, вспоминая Сореля, обратиться и к гораздо более ранним высказываниям Малиновского. Например, к такому: «...Миф может быть связан не только с магией, но и с любой формой социальной силы или социальных притязаний на власть. К мифу всегда прибегают для обоснования неких особых привилегий или обязанностей, вопиющих социальных неравенств, различных ранговых отличий высокого или низкого уровня». Но вернемся к Сорелю. Он явно симпатизирует мифу, который противостоит разумной и упорядоченной социальной жизни.

Гуревич П. Вот именно. Сорель считает справедливость фундаментальным принципом социальной жизни. Однако этот миф при всей своей праведности обладает огромной разрушительной энергией. Мы видим сегодня, что события в африканских странах, инспирированные утопией справедливости, имели серьезные негативные последствия для той или иной страны. Стоило одному человеку, которому не позволили торговать зеленью, прибегнуть к самосожжению, как фундаментальный принцип привел к неисчислимым жертвам.

Луков В. История не располагает прямым маршрутом. Ее события подчас кажутся лишены здравого смысла. Мы можем хотеть будущего, но можем ли мы его построить? История хранит множество примеров, когда разумные идеи, пробудившие массы, не получали воплощения. И наоборот, иррациональные призывы находили массу приверженцев и обретали реализацию. Прагматика власти легко уживается с мифами, с политизированной мистификацией. Карл Маркс писал о том, что размышление над формами социальной жизни, а следовательно, и его научный анализ, идет по пути, совершенно противоположному действительному движению.

Буева Л. Поэтизация мифа приводит к тому, что многим политикам мнится, будто революция, при всей своей катастрофичности, мобилизует волю и надежды людей. Следовательно, она целесообразна.

Гуревич П. Так рождается своеобразная феноменология политического мифа. Например, французский философ Жозеф де Местр видит в политиче-

ском мифе область исторического опыта и памяти народов. Разум, считал он, не может изменить человеческое поведение и доискаться до их причин. Все сильное, прочное и органичное находится вне разума. Его доводы противостоят иллюзиям повседневного опыта. Миф наделяется также нередко огромным нравственным потенциалом.

Буева Л. Фридрих Шеллинг рассматривал мифологию как изначальную человеческую историю. Он считал также, что миф всегда играл огромную роль в истории. Большое значение мифу придавал и Николай Бердяев. Он писал о том, что история и есть миф. По его убеждению, чем дальше эпоха удалена во времени от современности, тем больше о ней мифов. Исторические мифы имеют огромное значение, в мифе содержится передающийся в народной памяти рассказ не только об истории (событиях, фактах, датах), но и о роли человека в истории.

Луков В. В этом-то и суть. Посмотрите, как в характеристике основных черт мифа, наряду с чисто лингвистическими свойствами, М. Элиаде фиксирует такие, как: значение мифа является общим достоянием людей; миф принимается в качестве образца мышления. И далее еще более выразительно: миф является истинной историей; миф — священная история, в отличие от искусственных историй. Наконец: миф — образцовая история. К этому, думаю, надо будет позже вернуться в нашем разговоре.

Гуревич П. Бердяев считал, что историю нужно рассматривать в совокупности с человеком. Нельзя его выделить из истории. Равно как нельзя историю выделить из человека. Правильно понять историю можно, лишь осознав равенство между своей собственной исторической судьбой и судьбой человечества. Выходит, миф всецело позитивен. Его роль в истории огромна. Бердяев, правда, указывает, что не стоит критиковать миф с исторической точки зрения. Он лишь подчеркивает внутреннюю целостность мифа, подчеркивает, что в предании содержится символика судьбы народа. По сути дела, мы связываем социальную мифологию с архаическим обществом. Есть основания говорить о том, что убеждение Ницше, будто разум бессилен разрешить вопрос о смысле жизни, который решал миф, ошибочно. На это указывал в свое время Карл Ясперс. Он писал о том, что демифологизация не несет с собой утраты смысла человеческого существования, но при одном условии: если допустить существование бытия, трансцендентного мысли. Мы должны рассматривать миф как феномен современного массового сознания.

Буева Л. Так вот есть немало фактов, которые свидетельствуют о том, что политическая мифология не просто утрачивает свои позиции. Напротив, мы присутствуем при своеобразном ренессансе политической мифологии. Итак, сознание становится более онаученным, трезвым, а политика — мифологичной. Почему?

Гуревич П. Но ведь, прежде всего, мы знаем, что мир действительно становится все более и более политизированным. Разве мы не стали сегодня толковать все социальные проблемы через политику? Никогда в истории не фиксировалось такое обилие идеологических дебатов, мировоззренческих и логически выверенных аргументов. По сути дела, все проблемы в наши дни стали политическими. Допустим, сбор налогов в регионах, возвращение определенной части полученных государством доходов на места — можно ли считать

чисто экономической или управленческой проблемой? Стоит только затронуть эту тему, и вы сразу окажетесь в центре политических разборок. Неужели вопросы здравоохранения или образования носят сегодня чисто инструментальный характер? Они каждодневно подверстываются под политику. Вспомним, какие политические страсти разыгрались после того, как некий гражданин написал письмо про украденную рынду. Рында, в конце концов, нашлась, а политическая горечь осталась.

Буева Л. Попробуйте, к примеру, начать обсуждение вопросов о пенсиях вне политики. Разве такое допустимо? Политизация, как это очевидно, связана с растущей ролью государства. Средства государственного воздействия не только умножаются, но и совершенствуются. Мы присутствуем при неизбежной централизации и сталкиваемся с тотальной организацией общества силами государства. Идея о том, что государство стало самостоятельным феноменом, сегодня не вызывает сомнений ни у кого.

Луков В. У меня несколько иной взгляд по этому вопросу. Возможности государства, безусловно, так велики, что призрак тотальности его влияния на общество кажется уже бродящим по миру. Но надо видеть и то, что сетевое общество по мере развития новых информационных технологий обретает черты автономной от государства и самодостаточной системы социальных отношений. Сетевые отношения сопровождали, собственно, все этапы становления и развития государства, но их роль была подчиненной, частной, на государстве лежала объединительная функция народов. Сегодня в сетях отношения строятся без особого внимания к тому, что декларирует государство, здесь полно параллельных дискурсов. Это новая ситуация для мировой истории. Разумеется, государство пытается подчинить себе сети, находит изощренные средства манипуляции, подавления и т. д. Но это догоняющая стратегия, инициатива на стороне сетевых сообществ, которые выдвигают новые полумифические фигуры и на политическом поприще. Наберите в Яндексе слово «Навальный» — и вы получите 6 миллионов ответов о человеке, важнейшая характеристика которого до недавнего времени — автор одного из самых рейтинговых общественно-политических блогов в «Живом Журнале» (так написано о нем в Википедии). Столько же ответов дает, например, запрос в Яндексе о реальном видном политике в системе государственной власти В. И. Матвиенко.

Гуревич П. В самом деле, разве только государство инспирирует массовую политизацию? Разместите сегодня в виртуальных сетях любое категорическое суждение о жизни, и вы немедленно получите массу политических мнений на этот счет. А митинговая стихия, захватившая страну с южных гор до северных морей? Не стану вслед, допустим, за французским социологом Жаком Эллюлем называть факторы растущей политизации — благоприятная демографическая ситуация, средства ускоренной коммуникации. То, что раньше расценивалось как утопический взгляд на общество, где государство выполняло роль мозга, сегодня считается не только идеологически признанным, но основательно внедрилось в глубины нашего сознания. Мы, как полвека назад утверждал Эллюль, пришли к монистической идее власти. Мы безоговорочно признаем доминирующую роль политических отношений.

Буева Л. Да, мы считаем, что все без остатка должно быть подчинено власти государства. Но ведь такое убеждение мифологично. Государство вовсе не

обязательно должно быть великим распорядителем, великим организатором. И вот парадокс — мы сами это признаем, мы верим, что для сохранения порядка государство должно обладать всеми полномочиями. Соответственно история тоже мыслится нами в качестве политической истории и никак иначе.

Луков В. Хорошо, если бы только так, но история сама нередко оказывает функцию государства. Мы начали с примера, который показал, что Тюдоры, обладая властью, смогли переписать историю. Казалось бы, такой урок должен быть учтен. Однако политизация истории — грозный симптом нашего времени. Когда страны Африки сбрасывают диктаторские режимы, эксперты с умилением пишут о том, что эти народы, наконец-то, входят в историю. Но разве они находились на обочине исторического творчества? Для таких экспертов без политики нет никакой истории. Что же тогда можно сказать о сложном социальном устройстве банту или преобразовании африканского континента народом манху? Оказывается, народы только тогда входят в историю, когда они начинают приспособлять свое государственное устройство и политическую жизнь к стандартам западной цивилизации.

Гуревич П. Еще одно неопровержимое свидетельство растущей политизации жизни — диктат социального факта. Нас теперь интересует информация как таковая, без учета ценностного измерения этих фактов. На это расхождение факта и ценности указал еще Макс Вебер. Оценивая то или иное событие международной жизни, мы в наши дни обращаем внимание на непреложность самого факта, а его аксиологическая оценка буквально смывается.

Буева Л. Одним словом, мы в большей степени анализируем действия европейских государств, направленные на установление «демократии» в африканских странах, но умышленно отвлекаемся от нравственной оценки происходящего, от учета тех откровенно корыстных мотивов, которыми руководствуются европейские политики. Развитие событий воспринимается как «правильное», «должное», если оно сопряжено с солидарной поддержкой ряда стран. Если такая «сплотка» имеет место, то само решение получает индульгенцию. Прагматический расчет доминирует над нравственным, ценностным.

Луков В. Мне кажется, что такой подход к оценке общественной жизни выхолащивает исторические святыни, редуцирует их метафизический смысл. Что мы понимаем сегодня под справедливостью? По сути дела, речь идет лишь о распределении общественного богатства, о жизненных благах. Но разве справедливость сводится только к дележке? Мы вяло реагируем на такие факты, которые порождены наглостью, ощущением безнаказанности, вельможным поведением, несправедливостью судебных решений.

Буева Л. То же самое можно сказать о современной политизированной трактовке феномена свободы. Под ней подразумеваются, по сути дела, высокий жизненный уровень, продолжительные отпуска, возможность путешествий и разнообразие досуга. Однако при этом «опускаются», «выносятся за скобки» такие важные аспекты свободы, как чувство собственного достоинства, право на собственную индивидуальность и независимое мнение. Игнорируется также и свобода в оценке политических событий.

Гуревич П. Для полноты картины назову еще и такую ценность, как истина. Она, по сути дела, сведена к проблеме относительно точного изложения

фактов. Со времен Сократа известно, что можно с предельной точностью излагать разные мнения, но при этом несколько не приблизиться к истине. Свобода, как известно, всегда трагична, она требует ответственности. Не проще ли в данном случае разделить то мнение, которое вам навязывают, и не терзаться в собственных раздумьях? Нетрудно заметить, что многие люди думают в пол-ума, демонстрируют некое подобие аналитической мысли, которая на самом деле представляет собой воспроизведение прочитанной вчера газетной статьи авторитетного автора. В этих условиях человек вообще отказывается что-либо понимать. Он скорее реагирует на информацию, нежели самостоятельно размышляет над общественными событиями.

Буева Л. Кстати, политологи нередко сталкиваются с таким парадоксом. Избиратели недовольны властью, но все равно голосуют за нее. Так, скажем, примерно полвека назад опросы населения во Франции показали, что большинство французов отвергало социальную и экономическую политику де Голля, но голосовало за него.

Луков В. Похоже на реальность наших дней, не правда ли?

Буева Л. Пророчество стало неизбежным в современной системе социального управления.

Гуревич П. Да, политик — это самый стойкий предсказатель будущего. Даются самые невероятные и нереализуемые обещания. В эпоху бурного развития информационных технологий открывается много новых возможностей для создания политических мифов. В XX в. существенно возрос интерес общества как к древним, так и к футуристическим (предлагающим будущее) мифологиям, и не только в литературе и кино, но и в политике. В наши дни стало ясно, что древнейшие формы постижения мира не только не остаются у истоков истории, но продолжают жить. Представление о том, что какие-то формы человеческого духа могут быть окончательно изжиты, а ступени духовного восхождения попросту забыты, оказалось не более чем иллюзией. Обнаружилось, что человеческие достижения не утрачиваются, а сопровождают человеческий род непрерывно.

Луков В. Выяснилось, что миф далеко не простой феномен. Нет оснований оценивать миф как неправду, как некую мнимость и чистое заблуждение. Возникла догадка, что миф гораздо ближе к истокам человеческого существования, нежели, скажем, формы абстрактного умозрительного освоения реальности. Многие исследователи начали рассматривать миф как зашифрованные повествования о действительных событиях.

Буева Л. Другие ученые, скажем, К. Юнг или Э. Фромм, обращаясь к языку символов, который был столь понятен древним, стали прочитывать в мифе глубинный, неисчерпаемый и универсальный смысл.

Какие политические мифы получили распространение в нашей стране?

Луков В. Начнем, очевидно, с шокирующей мысли. Мы в нашей стране живем в пространстве явной политической мифологии. Можно сказать, что человечество всегда отдавало должное мифам. С величайшим почтением люди относились к верховным небожителям, к божественным песням Орфея

или к богу Ра, плывущему по небу. Казалось бы, несколько веков рационализма должны были охладить энтузиазм мифотворчества, но, напротив, оно и сегодня характеризуется колоссальными размерами. С одной стороны, мнится, будто в обществе идет обмен мнениями, есть средства массовой информации, которые честно награждают желающих полноценной информацией, в Интернете можно отыскать самые неожиданные и даже абсурдные мнения. И все-таки общественное сознание буквально нашпиговано мифами.

Буева Л. Путин, нет сомнения, выдающийся государственный деятель. Так уж распорядилась наша отечественная история. Однако очевидно, что он появился на политическом небосклоне в конкретное историческое время. И возможности его как политика не беспредельны. Но отчего не истощается поток дифирамбов в его честь: «он поднял Россию с колен», «он покончил с хаосом и беспорядком», «он предотвратил национальную катастрофу» и т. д.? Не так ли рождается и конкретная мифология? Ведь когда какого-нибудь тирана в античные времена изображали как спасителя, многие граждане и помыслить не могли, что это миф. Они были убеждены, что это реальные заслуги властителя. Эксперты в один голос жалуются: «Путин никого не слушает, все делает по-своему». Польский сатирик Ежи Лец писал: «Иногда стойкая позиция является следствием простого паралича». В стране, где мифы о вождях прочно закрепились в общественном сознании, любое преувеличение может восприниматься как чистая правда. Но в условиях, когда началась политическая борьба, вдруг оказалось, что народу, партиям есть что сказать и об упущениях избранного президента.

Луков В. Вот, к примеру, была поставлена задача — Путин должен выиграть в первом туре. Но почему именно «должен»? Если бы не огромные идеологические усилия штаба премьера, мы бы все равно, очевидно, получили результат в пользу Путина. Но, по крайней мере, мы бы знали, что вообще люди думают о политике и властителях. Тем не менее, вокруг премьера стала оживать политическая мифология. Кинорежиссер Станислав Говорухин четко провел идею о том, что Путин — единственный из кандидатов, который может спасти Россию. Но почему именно «спасти»? Последние двенадцать лет Путин был у власти. А теперь, оказывается, что страна стоит на грани катастрофы. Не миф ли? Вспомним, в частности, начало нашей беседы. Любой властитель начинает не с объективной оценки сложившейся ситуации, а с критики того, что он наследует.

Гуревич П. Мы воздаем должное Владимиру Путину как видному политическому деятелю нашей страны. Однако в прославлении безоговорочного лидера страны сегодня легко обнаружить давний миф о Спасителе, который противостоит деструктивным силам в нашей державе. Спаситель народа, воскресая, побеждает врагов и приносит людям триумф и изобилие. Когда жизнь народа совсем беспросветна, образ Спасителя принимает зачастую духовный характер. К. Юнг показал, что харизматический лидер всегда архетипен. Иначе говоря, нельзя оказаться властителем масс, не опираясь на жанровые особенности судьбы социального героя. Сравнивая разных политиков, обсуждая их роль в истории, мы отчетливо видим некую архетипную нить, которая ведет лидера. Порою складывается впечатление, что он оказался заложником предначертанного жребия. Нередко видны и причины непоправимых ошибок

вождей, которые пытались освободиться от оков названного архетипа. Юнг прав: социальный герой в кружении времен зачастую оказывается хорошо знакомым нам персонажем.

Луков В. Таким образом, социальная мифология имеет все шансы опираться на то богатство сюжетов, которые выявил Юнг в своих многочисленных работах, посвященных этой теме. Здесь уместно сослаться на замечание выдающегося французского историка, одного из лидеров «Новой истории», вышедшей из школы «Анналов», Ж. Ле Гоффа: место исторических фактов занимают образы, обусловленные «социальными навыками мышления». Именно так, факт уходит в тень или вовсе исчезает из поля зрения, если социальные навыки мышления народных масс его не воспринимают как что-то значимое. То же касается персоналий в сфере большой политики. Вот почему вопреки здравому смыслу и повседневному опыту наблюдения за окружающими людьми в политической мифологии постоянно присутствует образ харизматического героя, тайного помазанника небес, пострадавшего или как бы «погибшего за свой народ» от его врагов, но чудесно восстановившего великое государство (то или иное) и духовно воплощающегося в каждом своем преемнике на троне.

Гуревич П. Инициальные формулы героического мифа открываются схемами всеобщего спокойствия и благополучия. Техницистская и трайбалистская типология в одинаковой степени предполагает бесконфликтное состояние. В исходной позиции лидерство отсутствует как социальный и политический феномен. Существует традиция. В техницистском варианте это ритмичное и непрерывное функционирование безличного механизма. Механизм отчужден от коллективистских социальных ценностей. Ритмичность, удовлетворение абстрактным критериям рациональной целесообразности — самостоятельная и центральная ценность в техницистской типологии.

Луков В. Миф о стабильности вполне соответствует трайбалистскому варианту политической мифологии. Здесь обеспечено постоянное воспроизведение устойчивых стереотипов социального и политического поведения. Техницистская и трайбалистская типология может создавать устойчивое или неустойчивое равновесие. Однако серьезное нарушение равновесия всегда сопровождается стремлением найти персонально окрашенные мотивы, которые и определяют дальнейшую динамику героического мифа. Неустойчивое равновесие предполагает отработанную систему процедур, которые автоматически возвращают трайбалистскую или техницистскую модель к исходному состоянию. Неустойчивое равновесие не требует развернутой персонализации. Поэтому состояние равновесия хотя и предвещает героический миф, еще находится вне собственно формул героического мифа.

Буева Л. Несмотря на имперсональность и статичность, формулы равновесия занимают важное и особое положение в системе героического мифа, особенно в процедурах моделирования политического лидерства. Политический лидер активно заявляет о себе в период, когда равновесие уже утрачено. Основная масса аргументов политического лидера строится как обещание восстановить и достигнуть равновесия и стабильности. Равновесие и стабильность — центральная формула социально-политического проекта, который предполагается политическим лидером. Перед выборами В. В. Путин не ску-

пилился на обещания. Но теперь, когда пришло время реализовать эти посулы, оказалось, что такими возможностями власть не располагает. Как быть?

Луков В. Лидер не может восприниматься в качестве лидера, если он не обозначает образ врага. И в ходе выборов властитель четко назвал противниками тех, кто несет оппозиционные настроения. Равновесие нарушено. Пора действовать — враг назван и уже приступил к деструктивной работе. А в общем-то это постоянный сценарий в рамках политической мифологии, имеющий в нашей стране (впрочем, как и в мире) очень давние технологии. Как хлестко бил в своих посланиях Андрею Курбскому царь Иван Грозный этого раннего оппозиционера! При этом опирался на безусловное свое преимущество: помазанник божий не на равных состязается с политическими конкурентами, он и есть власть и правда, а они — посягатели на устои, предатели. Петр I патриарху, сопротивлявшемуся ставке в петровских делах на иноземцев, с «приличным гневом» говорил: «Замыслы наши, может быть, великие, — а ты их знаешь? Мы моря хотим воевать... Полагаем счастье нашей страны в успехах морской торговли. Сие — благословение господне... Мне без иноземцев в военном деле никак нельзя... А попробуй — тронь их кирки да костелы, — они все разбегутся... Это что же... (Он стал глядеть на бояр поочередно.) Крылья мне подшибаете?» (цитирую по роману А. Толстого). Когда наш лидер такой — с великими замыслами, с неистовой готовностью все преодолеть, — его нельзя не принять как «своего», как «нашего».

Буева Л. Вот миф и готов. Нет сомнений в том, что в современных условиях надо бдительно следить за действиями политиков других стран. В условиях глобализации властвуют экономические интересы. Но зловещий образ врага — это тоже политическая мифология. Правда ли, что другие страны зорко следят за нашими делами, чтобы немедленно напасть на нас? А может быть, порой мы сваливаем на врагов собственные промахи, серьезные ошибки? Миф о «враге» немедленно обрастает подробностями, легко произрастает на психологической почве.

Луков В. Более того, на фоне этого мифа некая правда и не нужна, и неправда она вовсе. Здесь, без сомнения, место рационального замещает коллективное бессознательное, которое преобразуется в политический выбор народа. То, что основания для выбора мифологизированы, — не только не недостаток, а, напротив, достоинство ситуации. В переходный период другого и быть не может. В этой связи хочу вернуться к вопросу о мифе как образцовой истории, о котором я раньше заявил. Мы уже все вместе показали, что история переписывается и переосмысливается на каждом новом витке ее развития. Говорят, у России не только непредсказуемое будущее, но и непредсказуемое прошлое. Это верно и для других народов и стран. Но если это так, то приходится признать вполне естественной сформировавшуюся не так давно концепцию альтернативной истории. Википедия пишет, что это — «жанр фантастики, посвященный изображению реальности, которая могла бы быть, если бы история, в один из своих переломных моментов (точек бифуркации, или точек развилки) пошла по другому пути».

Буева Л. Жанр ли это фантастики, если изображается реальность?

Луков В. В самом деле, это вопрос, поскольку объектом переписывания истории становятся не просто реальные события, а такие, которые имеют

высокое ценностное значение для огромных масс людей. Так стало со Второй мировой войной, ее движущими силами, ее победителями. В студенческой среде меня как-то спросили, а в самом ли деле Гитлера убили во Франции? Пока еще просто задается вопрос, потому что вроде есть какая-то другая информация, но откуда-то взялась и «парижская» версия. Откуда же? В 2009 году Квентин Тарантино снял фильм под названием *Inglourious Basterds* — специально с одной грамматической и двумя орфографическими ошибками в названии. Переведено на русский как «Бесславные ублюдки» («Коммерсантъ» предложил вариант «Безславные ублютки»).

События фильма таковы. Некий лейтенант Альдо Рейн (его играет знаменитый голливудский актер Брэд Питт) с группой собранных им американских солдат-евреев отправляется во Францию, находящуюся под гитлеровской оккупацией, чтобы мстить за холокост. Отряд получает прозвище «Ублюдки». У отряда свой фирменный стиль: с немцев, которых убивают, они снимают скальп, и Тарантино с садистским удовольствием это демонстрирует самым крупным планом. Группа Альдо узнает, что в Париж приезжают Гитлер, Геббельс и, собственно, вся верхушка Третьего рейха на премьеру пропагандистского фильма. У «ублюдков» не все сложилось, и план взорвать кинотеатр не сработал, но в это время, не сговариваясь с ними, некая Эммануэль, хозяйка кинотеатра, а в прологе — еврейская девочка Шопанна Дрейфус, которая единственная спаслась, когда эсэсовцы расстреливали ее семью, вместе с работником кинотеатра Марселем (почему-то негром) поджигает здание, а оставшиеся в живых «ублюдки» поливают свинцом из всех стволов гитлеровскую верхушку. И Гитлер, и Геббельс, и все остальные «не наши» гибнут.

Журнал «Тайм» по поводу придуманной Тарантино новой концовки Второй мировой войны написал: «Все же знают, чем закончится дело. Плохие парни проиграют. Гитлер погиб в своем бункере. Где тут интрига? Где неопределенность? Для большинства фильмов о войне исторические факты — нечто неприкасаемое». Совершенно в духе американского понимания мира, где реальность, пропущенная через технологии компьютерных игр, становится продуктом для людей, прошедших через «плавильный котел народов», когда уже национальной истории нет, если она не американская.

Буева Л. Но альтернативная история — не только американская идея, в политической мифологии многих народов история предстает в таком альтернативном виде.

Луков В. Очевидно, что и мы не оказались в стороне, даже когда речь идет о Великой Отечественной войне и других важнейших вехах нашей истории. В комментариях к тому же фильму Тарантино российский критик из «Ведомостей» Юрий Гладильщиков восклицает: «Давайте наконец видоизменять историю в кино, как нам нравится... потому что в браке между кино и историей главная не история, главное — кино». Вот так. К теме о распространении политических мифов в нашей стране это имеет прямое отношение. Сегодняшний молодой человек, зная, что Тарантино — выдающаяся фигура в кинематографе, посмотрев «Убить Билла» и что-нибудь в этом духе из его творчества, получит информацию о войне именно из «Бесславных ублюдков» и будет на эту информацию реагировать, стремиться ее доосмыслить. Она

представлена в формах, им хорошо освоенных с детства, это формы компьютерных игр, где побеждает не народ, не армия, а герой, у героя в запасе есть бонусы, две или больше «жизни», с ним можно вернуться на начальный уровень и снова идти на врага — хоть монстра-инопланетянина, хоть на Гитлера — какая разница!

Фактически такая «правда» об истории становится решающей для немалой части молодых людей в том, как видеть прошлое, настоящее и будущее. Надо добавить, что Тарантино не очень-то оригинален в альтернативной истории, в киноверсиях история фальсифицируется давно, это привычное дело. Вот, к примеру, американский фильм *The Dirty Dozen*, еще 1967 года. Он тоже о Второй мировой войне. Тут майор беседует в тюрьме с заключенными, формируя группу для высадки в тылу фашистов. На экране рука об руку белые и негры в американской военной форме совершают подвиги. Но этого не могло быть: расовое разделение в армии США было отменено только в 1948 году. Это как бы забыто: к чему буквоедство в таких случаях?

Гуревич П. Но еще одна область мифотворчества — идеализация истории. Сегодня печать и телевидение признают лишь такой вариант прошедшей войны, в котором Сталин выступает как великий полководец и организатор военных действий. Фильм «Жуков», прошедший недавно, получил немало критических отзывов, поскольку сам полководец в этих сериях решает собственные лирические проблемы, а Сталин показан коварным и жестоким человеком.

Буева Л. А вот и мифология войны в новом фильме по роману Бориса Акунина «Шпионский роман». Подлинной правды в нем нет. Но ведь и раньше историю дописывали, как хотели. Михаил Чиаурели в образе Сталина в фильме «Падение Берлина», весь в белом, прилетал в поверженную столицу Германии и сходил по трапу.

Луков В. Особенность мифологического сознания — его непрерывность. Сюжет не заморожен, возникают новые и новые сюжетные повороты.

Гуревич П. Еще один политический миф — постоянное реформирование. Разумеется, в любом социуме накапливаются проблемы, которые требуют аналитического внимания, устранения отживших форм управления и т. д. Однако в наши дни реформа стала отождествляться с «бегом на месте». Имитируются немислимые потуги, изображается невиданный энтузиазм. А в итоге ломке подлежат те социальные устои, которые давно доказали свою значимость. Когда реформа доказала свою бесполезность, что подсказывает мифологическое сознание? Нужно продлить реформу, подвергнуть изменению сухой остаток. Так происходит сегодня с реформированием полиции. Движение все, цель — ничто. Нет необходимости снова говорить о реформе образования. Здесь паранойя обретает фантастические формы. Министерство образования придумало новые правила, которые, по мнению чиновников, позволяют повысить качество научных исследований. Отныне защита объявляется недействительной, если члены совета не сидят на своих местах на протяжении всего ритуала. Во время обсуждения нельзя выйти. Логика идотская: пусть сидят и слушают... Но ведь можно сидеть и не слушать. Такие правила могут быть эффективны в условиях полицейского государства. Но качество научной работы здесь не просматривается. Или переименование

милиции в полицию. На реформу МВД было выделено 217 млрд рублей. И каков результат? Нулевой. Те же преступления полицейских чинов, та же коррупция. Реформы во всем и всегда — разве это не дань политической мифологии?

Буева Л. Известный американский политолог Роберт Даль считает, что за 120 лет со времени публикации «Манифеста Коммунистической партии» ни одна страна не развивалась в соответствии с марксистской моделью конфликта, а также не возникало ни одного режима, гегемонистского или конкурентного, который бы пал бы или претерпел существенные изменения из-за четко выраженной поляризации рабочего класса и буржуазии. Велико искушение довериться мифу. Ведь он нередко кажется таким домашним, обыденным. Вот Путин узнает о том, что избиратели его поддержали. Он тронут, он вознагражден. Глаза источают слезу. По-человечески это понятно. Но ведь мы знаем, что политтехнологи и власть немало потрудились над тем, чтобы зачистить политическое поле, принудительно мобилизовать массы любыми средствами — от угроз до материальной поддержки. И эта реальность начисто смывается слезой президента, которая тоже рождает миф.

Возможна ли деполитизация мифа?

Луков В. Миф чрезвычайно устойчив, раз возникнув, он передается из поколения в поколение и сохраняется с удивительным рвением. 13 июня 1886 года на берегу Штарнбергского озера близ Берга было найдено тело короля Людвига II Баварского. Его смерть и сегодня загадка, но еще больше загадочна его жизнь. В его роскошных замках туристские потоки не пресекаются. Но в свете нашей темы не это важно. П. И. Ковалевский в свое время написал замечательный «психиатрический эскиз по истории» о Людвиге, в котором после представления множества фактов, без сомнения свидетельствующих о сумасшествии короля, задается вопросом: каким образом при массе подобных примеров король не только мог оставаться королем, но и заслуживать любовь приближенных, расположение окрестных жителей, уважение всех граждан и почтение от иностранных правителей? И отвечает: король жил крайне уединенно и одиноко, и его жизнь была известна только приближенным, а в государственных делах Людвиг отличался замечательным знанием дела, ясностью понимания и необыкновенно пронизательностью. «Наконец, самые его болезненные увлечения искусством, музыкой и архитектурой могли в его подданных возбуждать только беспредельное уважение и восхищение». Вот источник мифа. И спустя не столь уж много времени, всего-то век с четвертью, безумства короля и разорение им государственной казны на свои причуды (что должно было бы возмущать расчетливых немецких бюргеров) уходят на задний план, а на переднем остается светлый образ «немецкого Гамлета». В Баварии и сегодня существуют общества почитателей Людвига с немалым числом активных членов, о нем сняты четыре фильма, написан мюзикл «Людвиг II — тоска по раю», сложены народные песни. И даже в сюжете одной из популярных компьютерных игр использованы события его реальной и легендарной жизни. Между тем, Людвиг — не герой из Средневековья, чтобы стереть действительные черты личности и заменить факты житием.

Думается, здесь миф выполняет свое назначение как скреп социальной солидарности. Действительность мифу не мешает в том смысле, что в сконструированном в сознании человека мире действуют принципы тезауруса, построенного по модели «свой-чужой». А значит, как говорил Гамлет (не немецкий), «скорее красота стащит порядочность в омут, чем порядочность исправит красоту. Прежде это считалось парадоксом, а теперь доказано». Вот и здесь: скорее миф стащит действительность в омут, чем действительность исправит миф.

Буева Л. Замечательно все-таки говорит Э. Кассирер в своей работе «Техника современных политических мифов»: «Философия бессильна разрушить политические мифы. Миф сам по себе неуязвим. Он нечувствителен к рациональным аргументам, его нельзя отрицать с помощью силлогизмов. Но философия может оказать нам другую важную услугу. Она может помочь нам понять противника. Чтобы победить врага, мы должны знать его. В этом заключается один из принципов правильной стратегии. Понять миф — означает понять не только его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу. Нам всем было свойственно недооценивать ее. Когда мы впервые услышали о политических мифах, то нашли их столь абсурдными и нелепыми, столь фантастическими и смехотворными, что не могли принять их всерьез. Теперь нам всем стало ясно, что это было величайшим заблуждением. Мы не имеем права повторять такую ошибку дважды. Необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов. Мы обязаны видеть лицо противника, чтобы знать, как победить его». Иначе говоря, мы вряд ли можем противостоять политическим мифам иначе, как освоить их пространство изнутри, подчинить их своим политическим целям.

Луков В. Вот почему мне представляется возможным переосмыслить поставленный вопрос, поставить его иначе: нужна не деполитизация мифа, а демифологизация политики. Насколько это возможно с учетом того, что только что прозвучало с отсылкой к Кассиреру? В сложившейся системе координат, скорее всего, невозможно. Политика, какой она сложилась за века, тысячелетия, не поддается демифологизации, первая соединена со второй неразрывно. А с учетом того, что не только политика, в смысле смены правящих элит «львов» и «лис», как это выглядит у Макиавелли и спустя века — у Вильфредо Парето, но и политика, ориентированная на социальную справедливость и процветание народов, в равной мере мифологизированы, всякие изменения только подорвут ее основы и приведут к смутным временам. Другое дело — демифологизация политики в условиях, когда в обществе ее роль меняется и в той или иной мере отходит на задний план. Информационное общество в зародыше содержит такое изменение. Уже сейчас видно, что культурный фактор оттесняет на второй план фактор экономический. Во всяком случае, делает его менее заметным в системе ценностей, которые отстаиваются на баррикадах. Может быть, настанут времена, когда можно будет воспользоваться рекомендацией Бронислава Малиновского не запрещать войны, а стараться их смягчать так, чтобы шаг за шагом они превратились в спортивные состязания. Впрочем, стычки футбольных фанатов и эту мечту делают не столь отличающейся от того, что происходит в большой политике.

Буева Л. Верно ли, что историческая истина относительна? Любое историческое решение немедленно обрастает мифами, которые закрепляют правомочность данного события. Жак Эллюль далек от романтизации нацистского режима. Он видит историческую справедливость в том, что нацизм был побежден. Однако это не мешает ему представить мир в таком ракурсе, который позволил бы Гитлеру одержать победу. Мы тогда ничего не услышали бы о гитлеровских концентрационных лагерях, о массовых убийствах и об экспериментах над людьми. Сталина вполне могли бы, как это ни кощунственно, признать политическим преступником. В случае победы Гитлера режим в Германии претерпел бы известные изменения. На первое место выдвинулась бы не классовая борьба, а борьба между расами. Нацистская доктрина была бы тогда углублена и развита, вклад в это сделали бы видные философы, такие, как Мартин Хайдеггер.

Луков В. Мне кажется, что примером демифологизации в известном смысле может служить феномен Михаила Прохорова. Его относительный успех на выборах во многом обусловлен стремлением Прохорова создать «внеидеологическую партию», чтобы была не правой и не левой. Деление на либералов и центристов, говорят сегодня политологи, не отражает политических реалий. Интересно, что на этом фоне были совершенно забыты Куршевельские каникулы кандидата в президенты, обошедшиеся ему, как сообщают СМИ, в 20 миллионов евро. В стране, где, по публикациям тех же СМИ, 21 миллион бедных. Занимательное соответствие этих двух чисел...

Гуревич П. Обсуждение привело нас к парадоксальному выводу: история мифологична, а миф — историчен. Огромные, сложные изменения, происходящие в стране, казалось бы, должны вернуть нам благоразумие, трезвость рассудка, идейную незаангажированность. Можно было бы ожидать, что распад моноидеологии приведет повсеместно к утверждению свободной мысли. Между тем, нет сейчас более расхожего слова, нежели «миф». Им обозначают прежнюю идеологичность сознания, но с мифом связывают и нынешнюю иллюзорность многих социальных проектов. Одним и тем же знаком метят сторонников рынка и тех, кто испытывает ностальгию по государственной опеке, западников и славянофилов, приверженцев русской идеи и поклонников глобализма, провозвестников личности и державников, демократов и монархистов.

Одни публицисты ранжируют мифы, демонстрируя тем самым свою независимость от стойких стереотипов. Но их оппоненты не остаются в долгу. Автономная, альтернативная позиция как противовес господствующей тоже, если к ней приглядеться, восходит к сокровищнице мифа. Неужели современное сознание мифологично во всех своих вариантах? Можно ли обеспечить аналитически достоверное постижение реальности или отныне диктат мифа неотвратим? Может ли сознание преодолеть собственные идола? Способен ли разум разорвать оболочку духовного трафарета или на интеллектуальный помост ступают одни фантомы? Наконец, нужна ли нам идеология в эпоху идеологизации и реидеологизации?

Разумеется, все эти вопросы возникают перед исследовательской мыслью не впервые. В минувшем столетии к мифу как феномену духа, сознания было приковано внимание крупнейших ученых — философов, культурологов,

социологов, историков. В обстановке идейных размежеваний родилось немало пронизательных интуиций о мифе. Возникли принципиально новые трактовки этого духовного феномена. Зафиксированы поразительные обнаружения мифа в современной культуре, выявились парадоксальные провозвестия о его судьбе.

И вместе с тем не сложилось единой точки зрения на этот древний и современный феномен. Показателен разброс суждений и оценок. Сциентистски ориентированное сознание по-прежнему противопоставляет мифу достоверности разума, идеи. Критическое, гуманитарное, антропологическое мышление, напротив, усматривает в мифе некое универсальное прозрение. Миф изобличается и возвеличивается.

Чрезмерное мифологическое пространство, скованное в свое время обручем идеократии, в наши дни распалось, раскололось. Но истаяли ли мифические сосульки? Увы, драматизм нынешней ситуации состоит в том, что на прежнем материке гнездится теперь множество мифов, давно или только что рожденных. Они не просто противостоят друг другу, но претендуют на некую универсальность, порождая иллюзию тотальной поврежденности аналитической мысли.

Миф мешает нам давать трезвую и социально ответственную оценку многим нынешним событиям. С этой точки зрения мифотворчество — опасно и пагубно. Но как быть, если миф выглядывает буквально из каждого окна? Что делать, если феноменологии мифа уверяют нас в неустранимости иллюзий и социальных грёз? Мне кажется, наше обсуждение показало, что мифы рождаются, живут и умирают. Всякая идеологизация неизбежно порождает стремление к высвобождению от ее оков. В той же мере идейная незаполненность порождает тоску по реидеологизации.

Да, мифы неистребимы, поскольку возобновляются труднонасыщаемой антропологической потребностью. Означает ли это, что можно смириться с тотальной мифологизацией? Понятное дело, нет, ибо она отражает подсознательное, а порой и преднамеренное стремление идеологизировать все стороны нашего бытия. Однако политическая мифология не должна парализовать общественную жизнь. Научная интеллигенция, возможно, повинная в утверждении определенных социальных мифов, способна развенчивать иллюзии и освобождать общественное сознание от социальных галлюцинаций, мешающих динамике общества. Свободная мысль освобождает сознание от духовных трафаретов.

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий БОЧАРОВ

ЗЕМЛЯ И НЕБО. И СНОВА — О ПРОБЛЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ

В авиации нет второстепенных и чужих составляющих. Все жизненно важны. Все взаимосвязаны.

Я уже не раз писал об этом и множестве других проблем и ситуаций, которые мешают цивилизованно и квалифицированно работать нашей гражданской авиации.

И каждый раз приходится называть все новые удручающие цифры и не менее удручающие факты, например, цифра 15. Что это? Это число авиационных катастроф, произошедших в России только в прошлом году. А это — увы, первое место в мире.

Количество сработанных в прошлом году отечественных самолётов удручает. Бразилия производит в год в тридцать раз больше пассажирских самолётов, чем Россия. 89% перевозок в нашей стране уже осуществляется самолётами западного производства. Наземная промышленность страны до сих пор выпускает оборудование, рассчитанное, как и десятилетия назад, на самолёты, не оснащённые современной авионикой. Если дело пойдёт так и дальше, понадобится не более 2–3 лет, чтобы броская и, по существу, верная фраза о том, что авиация способна вытащить из технологической и экономической отсталости страну, совершенно обесмыслится. Вытаскивать из беды придётся уже саму авиацию.

Есть ли этому объяснение? Есть. Их много. Наиболее верные дают сами пилоты — нежелание учиться, познавать и использовать мировой опыт. «Мир для нас не указ!» — если не говорят, то думают именно так.

Я бы мог много говорить о «вечной мерзлоте» сознания тех, кто обязан днём и ночью трудиться над разрешением проблем авиации. И прежде всего над её безопасностью.

Моё вступление к предмету основного разговора — всего лишь фон. Фон, на котором разворачиваются сомнительного свойства события. Кому-то потребовалось в самый разгар очевидного кризиса нашей гражданской авиации взяться за разрушение одного из важнейших звеньев авиационной научной системы, от которой, собственно, безопасность в огромной степени и зависит.

Речь идет о двух серьёзных организациях с международным авторитетом — ФГУП ГосНИИ «Гражданская авиация» и ФГУП ГосНИИ «Аэронавигация».

Каждая из них имеет свою специфику. Свою историю и заслуги. Сорок лет назад всё было иначе — одна организация — НИИ «Гражданская авиация». Объем её деятельности был чрезвычайно велик. Ибо был классифицирован.

Когда развитие авиации приобрело взрывной характер, приоритет научных исследований стал меняться. Аэронавигационная ветвь исследований сместилась на второй план. А число самолётов, между тем, как и авиапассажиров, неуклонно росло. Вопросы безопасности полётов резко обострились. Управление воздушным движением потребовало адекватных действий. Аэронавигационное обслуживание обрело первостепенное, жизненно важное значение. В рамках НИИ «Гражданская авиация» был создан научно-экспериментальный центр автоматизации управления воздушным движением. Последним доводом в пользу его срочного создания стала одна из самых ужасающих катастроф в Шереметьево.

Но уже в 1990 году новым постановлением правительство СССР преобразовало Центр в самостоятельный институт ГосНИИ «Аэронавигация». Таким образом, в стране оказалось два исследовательских института, каждый со своей не пересекающейся тематикой. Специалисты ГосНИИ «Аэронавигация» стали заниматься исключительно проблемами навигации.

Уместно отметить: за последние 10 лет нового столетия не было ни одного случая авиационных катастроф, причиной которых явились бы недоработки в области аэронавигации. В этом — прямая заслуга учёных и специалистов ГосНИИ «Аэронавигация». А также убедительное свидетельство того, что решение о его создании было и своевременным, и необходимым.

Учёные института впервые в стране создали системы и средства УВД — такие, как знаменитые «Стрела», «Старт» и другие. Успешно решили задачи развития бортового инженерно-навигационного и радиоэлектронного оборудования. Сегодня коллектив НИИ участвует в реализации целевых федеральных программ: «Модернизация Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации (2009–2015 годы); «Глобальная навигационная система»; «Развитие транспортной системы России 2010–2015 гг.» и других.

Аэронавигационная система входит в число самых сложных систем управления в мире. С появлением спутникового фактора, линий передачи цифровых данных они становятся ещё сложнее. Но и надёжней.

Объём и сложности задач, стоящих перед ГосНИИ «Аэронавигация», увеличиваются и углубляются постоянно. Даже самое фрагментарное их перечисление не позволяют размеры газетной статьи.

ГосНИИ «Гражданская авиация», из которого и вышла «Аэронавигация», продолжил и продолжает решать вопросы поддержания в эксплуатационном состоянии летательных аппаратов, доводки новых, отслеживать ресурс ВС, множество других сопутствующих дел. Это известное, успешное научное заведение, без функционирования которого невозможно представить себе существование современной российской авиации.

Я сотни раз взлетал и приземлялся на аэродромах Москвы. О хаосе в здешнем небе, вполне сопоставимом с хаосом на её дорогах, я знаю не понаслышке.

Исторически сложилось так, что воздушное движение в Московской зоне осуществлялось по секторальному принципу. Если это аэропорт Домодедово — самолёты летят на Восток или с Востока. Если Шереметьево — из Европы. Если это Внуково — значит Юг. Сегодня специалисты ГосНИИ «Аэронавигация» ведут работу по изменению схемы и процедуры полётов. Разработана система кругового движения. Самолёты с разных сторон подходят к Москве, а

затем, выполняя особые манёвры, следуют к своему аэродрому. Цель — ни одной точки пересечения. В действие вводится бесконфликтная система полётов. Шероховатости еще, конечно, есть. Но безопасность полётов возрастает, время задержки вылетов и посадок значительно сокращается. Экономия топлива — налицо.

С наибольшей эффективностью всё это начнёт работать к 2020 году. К этому времени число авиапассажиров в Московской воздушной зоне должно, по расчётам, достигнуть 100 млн.

Разработанные технологии навигации позволяют сегодня фантастические вещи. Пример: при полном отсутствии видимости самолёт способен совершить заход и посадку на дно горного ущелья. При выполнении, конечно, огромного объема работ по геодезической съёмке и созданию трёхмерных моделей местности.

Зачем? К чему эти «чкаловские фокусы»?

Подобного рода вопросы неизбежно возникают при проработке авиационного обслуживания приближающейся Сочинской Олимпиады. Сочи, с его «горным ожерельем», требует разработки самых невероятных технологий аэронавигации. Сегодня отрабатываются возможности захода на аэродром столицы Олимпиады со стороны гор по ущелью и взлётов в сторону гор даже в случае отказа одного из двигателей.

НИИ «Росаэронавигация» самым серьёзным образом сориентирована на разработку технологий систем зависимого наблюдения. Но главной, основной её целью, как и всё последнее время, является интеграция в глобальную аэронавигационную систему. Это — жизненная необходимость. И для авиации. И для страны. И для авиапассажиров.

В настоящее время оба коллектива — ФГУП «ГосНИИ ГА» и ФГУП ГосНИИ «Аэронавигация», каждый из которых внёс неопределимый вклад в поддержание состояния современной российской авиации, остро переживают очередные организационные новации — механические чиновничьи телодвижения. То есть возвращение к тому, что было 40 лет назад, — объединение обоих институтов. Тогда на принципиальный, разумный шаг руководство страны пошло под давлением объективных причин и уважения к мнению профессионалов.

Сегодня идея, витающая в воздухе, без осознания реального положения дел представляется бессмысленной. Более того — вредной и опасной. Неизбежно последует окончательное технологическое отставание от Запада; отток многих лучших специалистов остро специфических профессий из обоих институтов; ослабление отраслевой науки; сокращение работ над программой возвращения к жизни сотен региональных аэродромов России, за возрождение которых взялся ГосНИИ «Аэронавигация» и о которых никто — ни отрасль, ни государство, ни спонсоры — даже не вспомнят ещё много лет. Не говоря уже о многолетнем организационном бардаке, наступающем в нашей стране едва ли не при любом громоздком разделе или объединении.

И это только минимум того, что неизбежно произойдет. Ибо главное окажется в другом: в потере веры людей в то, что хотя бы что-то у нас можно довести до ума и с достоинством принять на себя часть глобальных забот, которыми живёт авиационный мир, стать его равнозначной и уважаемой частью.

Владимир РОЩУПКИН

«ОСОБАЯ МИССИЯ ДЖЕЙМСА ДУЛИТТЛА»

Как известно, Америка вступила во Вторую мировую войну после внезапного удара, нанесённого японцами, дальневосточными союзниками нацистской Германии, по военному оплоту США в Тихом океане — Перл-Харбору (Гавайи) 7 декабря 1941 года. На следующий день перед конгрессом выступил президент США Франклин Делано Рузвельт. Он дал свою оценку происшедшему в Перл-Харборе: «7 декабря 1941 года — дата, которая войдет в историю как символ позора. Соединенные Штаты были атакованы внезапно и преднамеренно военными кораблями и самолетами императорской Японии».

Однако у этой истории есть и продолжение. Ее следы привели в нашу страну, в частности, на Дальний Восток и Урал. Об этом — эксклюзивное документальное повествование, в котором многие факты оглашаются впервые.

В ходе начавшейся войны на Тихом океане президент и верховный главнокомандующий Ф. Д. Рузвельт, дабы как-то поднять престиж Америки и вселить уверенность в американскую нацию и ее вооруженные силы после трагедии Перл-Харбора, принял решение нанести ответный удар по Японии. Рузвельт исходил из того, что надо было показать Токио: агрессия не останется безнаказанной.

Руководствуясь указанием президента, военное командование США разработало чрезвычайно сложную с чисто военной точки зрения операцию. Суть ее: нанести воздушный удар по столице и другим крупным городам Страны восходящего солнца, показав тем самым, что Вашингтон не забыл и не простил японцам удара по Перл-Харбору.

Но риск воздушного удара по Токио был в то время огромен. Дело в том, что американская стратегическая авиация из-за массивированной военной экспансии Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе не имела своих баз на материковом, западном побережье Тихого океана и на островах. Тогда в Пентагоне решили нанести удар по японской столице сухопутными бомбардировщиками, разместив их на авианосце. Рузвельт был в курсе разрабатываемой операции и одобрил ее как верховный главнокомандующий.

Однако в этом дерзком плане были как свои плюсы, так и минусы. Плюсы в том, что у сухопутных бомбардировщиков дальность действия, бомбовая нагрузка были намного больше, чем у авианосных машин. А посему армей-

ские самолеты В-25 «Митчелл», выбранные для этой миссии, могли взлететь с борта авианосца за 500 миль от японского берега, дабы обеспечить скрытность полета. В самолетах оборудовали дополнительные баки для горючего, а каждая боевая машина приняла на борт около тонны бомбового груза.

Минусом же были слишком большой взлетный вес и габариты «Митчеллов» для взлетной палубы «Хорнета», избранного для этой миссии. Вернуться на авианосец после выполнения задания «двадцать пятые» уже не смогли бы: для посадки такого типа самолетов на палубе не было соответствующего оборудования. К тому же им просто не хватило бы горючего на обратный путь к авианосцу, который после старта «Митчеллов» должен был немедленно взять курс на восток. Но, так или иначе, на новейшем по тому времени авианосце «Хорнет» (командир Марк Митшер) умудрились разместить целую группу из 16 машин В-25. При этом взлет тщательно отработывался на суше, на ограниченном по площади участке, контуры которого соответствовали габаритам палубы «Хорнета».

Командиром авиагруппы был назначен подполковник Джеймс Дулиттл. В 1930-е годы американцы хорошо знали его как пилота скоростных гоночных самолетов. Стоит хотя бы кратко рассказать об этой незаурядной личности.

Подполковник (впоследствии генерал-лейтенант ВВС армии США) Джеймс Дулиттл родился на излете позапрошлого века — 14 декабря 1896 года. Учился в университете штата Калифорния. Службу в армии начал в октябре 1917 года как курсант-авиатор. Защитил степени магистра и доктора в 1924 и 1925 годах соответственно. В 1930 году ушел в запас, а в 1940 году вновь был призван в действующую армию. После бомбардировки Токио командовал 12-й, 15-й, 8-й воздушными армиями, стратегическим авиационным объединением в Северной Африке. Награжден высшими боевыми наградами. Всего три года не дожил до своего столетия — его не стало в 1993 году...

На гребне штормовых волн

Итак, миссия подполковника Дулиттла (во избежание утечки информации она готовилась в обстановке строгой секретности) началась 18 апреля 1942 года. Вот как описывает ее начало американский исследователь К. Рейнольдс, автор книги о Дж. Дулиттле:

«С полностью отклоненными закрылками, с ревущими на полном газу двигателями самолет ринулся вдоль палубы, прямо на гребни штормовых волн. Все замерли, следя за взлетом. Если не взлетит Дулиттл, не взлетит никто. Но самолет оторвался от палубы, почти касаясь колесами волн, круто взмыл вверх, словно убегая от гребней. Вздох облегчения вырвался у всех...».

После нанесения удара самолеты должны были приземлиться на аэродромах материкового Китая. Но, как говорится, гладко было на штабной бумаге. Уже на подходе к японским берегам японское патрульное судно засекло самолеты США и успело сообщить об этом, хотя и было тут же потоплено американцами. Чтобы упредить появление японских сил, ответственный за проведение операции адмирал Уильям Хелси (по прозвищу Бык) приказал Дулиттлу поднять самолеты с палубы «Хорнета» в воздух ранее намеченного срока.

Авианосец и корабли сопровождения, развернувшись, стали быстро уходить из района, где были обнаружены японским судном. А бомбардировщики успели на малой высоте незамеченными подойти к Токио, сбросить бомбы на столицу и соседние города. Но эффект воздушной атаки был больше психологический, нежели материальный: для японцев атака с воздуха была совершенно неожиданной и вызвала массовую панику. Престиж императорского флота и авиации уже не представлялся таким неколебимым, как после Перл-Харбора. Так что это была первая бомбардировка столицы Японии в ходе войны на Тихом океане. (Пик воздушных ударов пришелся на весну 1945 года, когда Токио был фактически сожжен американской авиацией.)

Однако из-за встречного ветра, вызвавшего перерасход горючего, перегруженности самолетов и дальности маршрута, превышавшей все мыслимые пределы, ни один из 16 бомбардировщиков до аэродромов на китайской территории не добрался. Впрочем, из-за экстремальных условий рейда пилоты на это и не рассчитывали.

А теперь, уважаемые читатели, перенесемся мысленно к нашему времени, к событию, которое произошло спустя полвека после налета на Токио с авианосца «Хорнет».

Мадам Бао едет в Америку, а Роберт Бессет пишет в Россию

В 1992 году в Соединенных Штатах с большой теплотой принимали группу пожилых китайцев. Факт несколько необычный, учитывая, что отношение к иностранцам за океаном традиционно сдержанное. А тут китайцы, да еще совсем старые — на восьмом десятке. Встречу с ними смотрела по телевидению вся страна. Седовласые джентльмены-янки старались предугадать каждый шаг, каждое желание пожилой гостьи — мадам Чжао Бао. Картина была очень трогательной...

Чем же было вызвано такое небывалое, на общенациональном уровне, внимание к гостям из Китая — страны, отношения с которой у США тогда были, мягко говоря, далеко не идеальными? Дело в том, что ровно за полвека до этого «исторического» визита китайцев именно они участвовали в спасении нескольких десятков американских военнослужащих, волею судеб оказавшихся на территории Китая, оккупированной японцами. А подобные благородные поступки, когда речь идет о спасении американских граждан, тем более военнослужащих, высоко ценят и администрация США, и Пентагон, и общественность.

Итак, большинству участников рейда на Токио повезло: приземлились на местности, не контролируемой противником, и ушли к партизанам, затем сражались в их рядах. Судьба же остальных пилотов сложилась драматически: часть самолетов упала в море или разбилась на суше, другие попали в районы, оккупированные японцами. Восемь пилотов были взяты в плен японцами, трое из них казнены, один умер.

И все же, несмотря на все превратности судьбы, из 80 членов экипажей 71 человек тогда остался жив, из них 40 дожили до 1990-х годов. Многие летчики, оказавшись в незнакомой стране, где шла война, выжили только потому, что им помогли простые китайцы. Некоторых из них и пригласили на торжества в США.

Среди приглашенных оказалась и мадам Чжао Бао. Она прятала американских летчиков одного из экипажей в своем доме, хотя и знала, чем это грозило ей и ее семье со стороны японцев. А другой гость, доктор Чен, оказывал раненым пилотам медицинскую помощь. Бывший фермер Лю Фан провел группу американцев через местность, занятую врагом, и помог избежать встречи с японским патрулем.

А как сложилась судьба командира авиагруппы подполковника Дулиттла? Он, как и еще 64 пилота, участвовал в боевых действиях против японцев в рядах китайских партизан, потом снова воевал в авиации, стал в последующем генерал-лейтенантом.

Однако эта история имеет и неожиданное продолжение, и нити ее ведут через границу в нашу страну. В том же году, когда в США проходили юбилейные мероприятия и чествование китайских гостей, один из американских ветеранов Второй мировой войны, майор ВВС Роберт Бессет (в отставке), прислал в редакцию газеты «Известия» письмо с просьбой выяснить судьбу бомбардировщика В-25В, приземлившегося после бомбардировки Токио на советском Дальнем Востоке. Командиром экипажа этой машины (бортовой номер 02242) был капитан Эдвард Йорк. По свидетельствам его подчиненных, через некоторое время после приземления самолета на аэродроме его уже не было. Куда он делся, ни американцам, ни местному советскому военному персоналу не объяснили.

Значит, если судить по письму майора, один из бомбардировщиков «Митчелл», бомбивший Токио, ушел не в Китай, а на север, на советскую территорию? Но почему же тогда в нашей стране широкая общественность об этом ничего не знает? Даже центральная газета «Известия», поместившая письмо американского ветерана, располагая, казалось бы, большими возможностями для журналистского расследования по упомянутому майором Бессетом факту, соответствующий материал готовить не стала. Не откликнулись на письмо из-за океана ни официальные власти, ни российские ветераны. Почему? Какие тут могут быть секреты? Или были иные причины для молчания?

Так куда все-таки делся «Митчелл», о котором шла речь? Пусть майор Роберт Бессет и другие американские ветераны Второй мировой войны не думают ничего плохого о таинственном исчезновении американского бомбардировщика на советской территории. По мнению многих военных историков и специалистов-авиаторов, самолет, скорее всего, был отправлен на фронт и использовался в боях с люфтваффе. Это мнение основано на том, что к лету 1942 года обстановка на Восточном фронте была очень сложная. Красная Армия оставила Харьков, а гитлеровские армады упорно рвались к Волге, к Сталинграду. А у нас в то время в строю было всего 6–8 «Митчеллов». Однако пока не будем считать вышеприведенное мнение о судьбе В-25В, пилотируемого капитаном Йорком, окончательным...

Первая партия «Митчеллов» поступила в СССР морским путем уже в конце 1941 года. Наши летчики высоко отзывались о качестве, надежности и боевой мощи «двадцать пятых». Первоначально машины использовались в дневное время для огневой поддержки сухопутных войск. Но позднее, с учетом боевых качеств «двадцать пятых» — в частях авиации дальнего действия.

Там они исправно несли службу и после окончания войны — до 1952 года, когда «американцев» заменили отечественными Ту-4.

«Митчеллы» получили свое наименование в честь американского генерала, много сделавшего для развития военной авиации своей страны в 30-е годы XX столетия. Собирались эти самолеты на заводах корпорации «НортАмерикэн». Причем собирались преимущественно женскими руками — большинство мужчин мобилизовали в армию.

В-25 «Митчелл» (их было несколько модификаций — с индексами А, В, С, D, H, J) — самый массовый двухмоторный бомбардировщик ВВС армии США. Но больше всего американская авиапромышленность выпустила машин с индексом J — 4390 единиц. Общее же количество произведенных В-25 составило 9889 самолетов, причем последний из них был передан в войска в октябре 1945 года. Этот замечательный во всех отношениях самолет оснащался двумя радиальными двигателями Райта мощностью 1700 лошадиных сил каждый. Экипаж — 5–6 человек, максимальная скорость — 483 км/ч, максимальный взлетный вес — 12,9 тонны, высота полета — 7 км, дальность действия — 2170 км с бомбовой нагрузкой 1,36 тонны. Размах крыльев — 30,66 м, длина — 16 м, высота — без малого 5 м.

Поражает (даже по нынешним меркам) боевая мощь «Митчелла». На машинах с индексами А, В устанавливался один 7,62-мм пулемет в носовой части, а в верхней и нижней башенных установках находились по два пулемета калибра 12,7-мм. Еще более мощное вооружение было у штурмового варианта машины (серии G, H и J): 75-мм танковая пушка и три башенные установки с пулеметами калибра 12,7-мм! Более 800 этих мощных и надежных машин разных модификаций поступили в ВВС Красной Армии по ленд-лизу.

И все-таки какова же судьба экипажа «Митчелла» да и самого самолета, который после нанесения удара по Токио в составе авиагруппы подполковника Дулиттла ушел на север, в СССР?

«Нарушители госграницы»

О том, что в годы войны на юге советского Дальнего Востока совершил посадку американский бомбардировщик, мы впервые услышали много лет назад, будучи в тех краях. Правда, в то время попытки разузнать что-либо подробнее у знающих людей наталкивались на глухую стену молчания или холодного отчуждения. Позже стало понятно, что действительно были причины не распространяться о советском этапе необыкновенной одиссеи экипажа В-25В под командованием капитана Э. Йорка. Хотя, по большому счету, военной тайны (по крайней мере, уже в то время) в этой истории не было. А виной всему — факторы международно-правового и военно-дипломатического характера, к которым мы еще вернемся.

Об обстоятельствах приземления «Митчелла» на военном аэродроме Унаши (юго-восточная часть Приморского края) нам стало известно от одного из офицеров, который в свое время служил в дислоцировавшейся там авиачасте. Да, американский самолет приземлился именно там, а не под Владивостоком, как поначалу полагали летчики.

Вести же поначалу поиск было затруднительно не только потому, что в далекий Приморский край из Москвы не налетаешься, но и в связи с тем, что аэродрома с таким экзотическим названием на картах нет. Бывшие Унаши сегодня — это крупный международный аэропорт для обработки и переброски грузов и пассажиров из Европы в страны Азиатско-Тихоокеанского региона и обратно. Аэропорт был задуман таким в начале 1990-х годов по конверсионной программе для российского Дальнего Востока. Сегодня объект носит романтическое название Золотая Долина.

Но тогда, в сорок втором, американскому экипажу было не до романтики. Отбомбившись, летчики, по их версии, решили уходить из района Токио на север в сторону Владивостока из-за неблагоприятных метеоусловий и критического перерасхода горючего — до Китая они просто не дотянули бы. Хотя, как позднее выяснилось, командир экипажа капитан Эдвард Йорк был предупрежден командиром авиагруппы подполковником Джеймсом Дулиттлом о нежелании (в то время) советской стороны принимать американские боевые самолеты в случае, если бы они попали в форс-мажорную ситуацию: авария, непогода и т. п.

Вечером 18 апреля 1942 года стрелки на часах Н-ского поста службы ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи) Тихоокеанского флота показывали начало шестого по местному времени, когда бойцы обнаружили заходящий со стороны моря неизвестный самолет. Но ни наблюдатели, ни другие службы ПВО и ВВС флота, а также погранвойск, особой тревоги не испытывали. Дело в том, что в условиях облачности силуэт «Митчелла» походил на очертания советского бомбардировщика Ил-4. Это сходство поначалу действовало успокаивающе на дежурные подразделения. Но самолет продолжал углубляться в нашу территорию, не реагируя на радиозпросы.

В 17 часов 22 минуты капитан Йорк, наконец, увидел подходящую взлетно-посадочную полосу. Это и был аэродром Унаши, на котором базировался 39-й отдельный полк авиации Тихоокеанского флота. На перехват «Митчелла» вылетел опытный летчик, командир звена старший лейтенант Александр Луговой. Его истребитель И-15 огня по нарушителю не открывал, пилот видел: неизвестный самолет, проскочив между двумя сопками в опасной близости от них, пошел на посадку. К тому же Луговой заметил американские опознавательные знаки: союзники! (События разворачивались в районе, где сейчас находится крупный портовый город Находка, построенный уже после войны). Можно представить удивление советских морских летчиков и наземного персонала, когда на полосе (буквально на последних каплях горючего!) приземлился американский бомбардировщик, а из люков появились усталые пилоты в коротких кожаных куртках с меховыми воротниками. Со времени взлета с палубы авианосца «Хорнет» до приземления на советской территории они провели в воздухе более девяти часов. Но из-за сильнейшего физического и нервного напряжения, постоянного ощущения опасности эти долгие девять часов показались экипажу «Митчелла» вечностью.

Американцев встретили очень тепло. С ними, как мог, переговорил и старший лейтенант Луговой. После официальных взаимных представлений их пригласили в летнюю столовую, где накрыли столы и отметили окончание воздушной одиссеи широким русским застольем. А после заздравных тостов

пошли вопросы: когда же, господа союзники, вы откроете второй фронт? Знали бы захмелевшие от русской водки и пережитого «господа союзники», что их одиссея в России только начинается...

Капитан Йорк через переводчика попросил офицеров штаба флотской авиации, прибывших в Унаши, помочь заправить самолет, чтобы уже утром он смог взять курс на Китай, где по расчетам (теоретически) могли совершить посадку другие бомбардировщики, участвовавшие в миссии подполковника Дулиттла. Такая помощь американцам была обещана.

Естественно, наших офицеров очень интересовал вопрос: откуда прилетели янки? У карты капитан Йорк неопределенно махнул рукой в сторону Аляски. Но даже людям, не очень искушенным в воздушной навигации, было ясно, что преодолеть такое огромное расстояние без дозаправки было бы невозможно. И когда один из штабных офицеров прямо спросил Йорка, не участвовал ли его экипаж в налете на Токио, американец отпираться не стал...

Было поздно, страшная усталость клонила гостей в сон, и они отправились отдыхать в полной уверенности, что утром улетят в Китай. Однако дальнейшие события стали развиваться совсем не так, как рассчитывали американцы, командование авиачасти в Унашах и представители штаба ВВС Тихоокеанского флота. Сутки уже были на исходе, когда на аэродром прибыл представитель пограничных войск (тогда они входили в состав НКВД — Народного комиссариата внутренних дел). Офицер потребовал выдать ему американцев для допроса как «иностранных нарушителей государственной границы».

По существу, пограничник был прав: налицо несанкционированное пересечение, то есть нарушение воздушной границы СССР, а с «нарушителями» чуть не братание устроили. Поразительная политическая близорукость и беспринципность! Однако летчики не согласились на выдачу своих американских гостей, сославшись на то, что это прерогатива вышестоящего командования. Да и как потом смотреть в глаза попавшим в беду коллегам? Людям, с которыми только что поднимали тосты за Сталина, Рузвельта, за будущий второй фронт против фашистской Германии.

Но пока шли препирательства между представителем погранвойск и авиаторами, сообщение о посадке американского самолета достигло Москвы. Оттуда поступила команда: отправить неожиданных иностранцев в Хабаровск, в штаб Дальневосточного фронта. Американцы же никак не могли уразуметь, что случилось: ведь им обещали помочь улететь, а тут все так резко изменилось. Но ничего не поделаешь... В Хабаровске пилотов допросили и потом объявили, что они интернированы и будут направлены вглубь России.

Письмо начальнику Генштаба и международно-правовая коллизия

Долгие годы в архиве Министерства обороны безмолвно хранился любопытный документ, который спустя полвека после окончания войны обнаружил военный историк Андрей Почтарев. Это письмо американского летчика начальнику Генерального штаба Красной Армии генерал-полковнику Александру Михайловичу Василевскому:

«Дорогой сэр! Мы с большим интересом следим за героической борьбой Красной Армии, — пишет американский офицер. — Каждый советский гражданин должен чувствовать большую гордость за ее успехи. Но чем дольше мы сидим здесь, бездейственно следя за борьбой, тем больше у каждого из нас, пяти интернированных здесь, растет ощущение собственной бесполезности в нашей общей борьбе... Теперь же, когда войска нашей страны все больше втягиваются в борьбу, я уверен, что мы могли бы принести большую пользу в Африке, например, чем здесь.

Я уверен, что квалифицированные экипажи бомбардировщиков все еще нужны. Не считаете ли Вы возможным, принимая во внимание эти обстоятельства, освободить нас для участия в активной борьбе где-либо? Если же это абсолютно невозможно, то мы хотели бы использовать этот опыт здесь, для подготовки экипажей имеющихся у вас (американских) бомбардировщиков, в частности для доставки ими войск. Я взываю к Вашему чувству реализма. Ведь не думаете же Вы, что при подобных обстоятельствах японцы за бомбардировку советской территории германским экипажем, приземлившимся в Японии, держали бы его под стражей? Не думаю, что в это можно поверить.

Искренние пожелания успехов в новом году».

Это письмо написал начальнику Генштаба майор Эдвард Йорк. Да-да, уже не капитан, а майор, командир того самого «Митчелла», который в апреле 1942 года участвовал в рейде на Токио и единственный из авиагруппы Дулиттла приземлился на советском аэродроме Унаши. За это время Йорк получил очередное звание, о чем и был официально уведомлен американским посольством в Москве.

В январе 1943 года письмо поступило в Генеральный штаб из самой что ни есть глуши — городка Оханск, что в Молотовской (ныне Пермская) области. Городок небольшой, но с богатой историей: основан в 1781 году уральскими купцами и был известен как торговый центр. Именно там, в Оханске, подальше от крупных промышленных центров, где могла действовать германская и японская агентура, и содержались американские летчики с самолета под номером 02242. Это были командир экипажа: первый пилот майор Эдвард Йорк, второй пилот лейтенант Роберт Эмменс, штурман-бомбардир лейтенант Норман Херндон, бортиженер штабной сержант Теодор Лабэн, воздушный стрелок сержант Дэвид Пол...

То, что произошло с сослуживцами Эдварда Йорка после пересечения воздушной границы СССР и приземления на нашей территории, — следствие непростой ситуации с международно-правовой точки зрения. Несмотря на то, что Япония совершала постоянные военные провокации против СССР, топила наши суда, Москва, тем не менее, стремилась строго соблюдать Пакт о нейтралитете, заключенный с Токио 13 апреля 1941 года. Статья вторая этого документа гласила: «В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта».

Неудивительно, что Токио, получив кое-какую информацию об экипаже Йорка, запрашивало об этом советскую сторону.

Но в то же время СССР и США являлись союзниками по антигитлеровской коалиции, и наша страна получала крупную материальную помощь по ленд-лизу, включая и поставки авиационной техники!

Подобная двойственность положения, в котором оказались летчики американского бомбардировщика, не могла не повлиять на почти полное отсутствие информации об их пребывании в нашей стране в годы Второй мировой войны. Хотя краткое сообщение о приземлении самолета, сбившегося с курса, на территории Приморского края появилось 25 апреля 1942 года в центральных советских газетах «Правда» и «Красная звезда».

Почему посол США благодарил Сталина

И. Сталин и Ф. Рузвельт, первые лица СССР и США, полностью были в курсе произошедшего с «Митчеллом». 23 апреля 1942 года советский руководитель в беседе с американским послом адмиралом Уильямом Стэндли официально сообщил об инциденте с самолетом. Сталин сказал, что мы были вынуждены интернировать экипаж. В настоящее время, подчеркнул Верховный Главнокомандующий, летчики находятся на свободе, в хороших условиях. В заключение беседы посол поблагодарил Сталина «за большую заботу об американских летчиках».

Но вернемся к периоду пребывания Йорка и его подчиненных на Урале.

С помощью жителей Перми — замечательной семейной пары Сергея и Татьяны Федотовых, а также местного краеведа и журналиста Григория Трясына — удалось узнать: в Оханске проживает Татьяна Курносова, которая хорошо помнит американцев. Сергей Павлович выделил свою машину с водителем, и вьюжным февральским утром мы отправились в неблизкий путь в Оханск. Долго кружили по старым улочкам, расспрашивали местных жителей. Наконец, вот он, нужный нам двухэтажный бревенчатый дом. Дверь нам открыл сын Татьяны Яковлевны, уже и сам почтенного возраста.

Американцы провели в городе семь месяцев, и Татьяна, вдова командира Красной Армии, поддерживала с ними дружеские отношения, помнит многие эпизоды тех далеких лет. С ней, симпатичной, судя по сохранившимся фотографиям, молодой женщиной, американцы познакомились в спецмагазине, где она работала продавцом. Покупали сигареты, консервы, шоколад — это помимо того, что им было положено по нормам снабжения офицеров Красной Армии.

Летчики жили в большом бревенчатом доме, где их обслуживали повар, официантка и домработница. Американцы свободно общались с местными жителями, даже научились немного говорить по-русски. Ходили без охраны. Но их «курировали» три наших офицера, присланные из Москвы. Вместе с Татьяной пилоты бывали на танцах, приходили к ней в гости на чай и пельмени. Очень любили смотреть наши фильмы «Волга-Волга», «Веселые ребята». Летчики, вспоминает Татьяна Яковлевна, были очень вежливы и обходительны, ходили в отутюженной, хотя уже не новой форме. Но сильно скучали по дому, по родине.

Учитывая жалобы «гостей» на суровый климат (сорокаградусные морозы зимой), экипаж майора Йорка в 1943 году перевели на юг — под Ташкент.

Там они некоторое время, как и хотели, обслуживали американские самолеты, поступавшие в СССР по ленд-лизу.

И только спустя 14 месяцев после начала одиссеи «Митчелла» экипажу «предоставили возможность» перейти границу в соседний Иран, где в ту пору, наряду с советскими частями, находились и военные контингенты США и Великобритании. «Освобождение интернированных военнослужащих США, участвовавших в войне с Японией, было серьезным делом для советского правительства и всех союзников, поскольку это могло стать серьезным поводом к преждевременному военному столкновению Японии с Советским Союзом, — писал впоследствии глава американской военной миссии в Москве генерал-майор Дж. Дин. — Так или иначе, маршал Сталин решил пойти на риск».

Из Ирана «бежавшие» летчики кружным путем через страны Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки вернулись на родину в США, обогнув, таким образом, почти весь земной шар. Их как национальных героев принимал в Белом доме президент и верховный главнокомандующий Рузвельт. Об этом рассказывают кадры документальной кинохроники. Спустя несколько месяцев из лагеря под Ташкентом был организован еще один «побег» американских летчиков через советско-иранскую границу в соседний Иран. В целом же счет военнослужащих ВВС США, кто по разным причинам, в первую очередь из-за аварийных посадок, за все годы войны шел на сотни. Только в Приморском крае с 1943 по 1945 год совершили посадку 37 американских самолетов с 291 членом экипажа. Последние полсотни американских пилотов были вывезены из-под Ташкента в августе сорок пятого — уже легально, через Европу. В то время СССР, верный своим союзническим обязательствам, уже вступил в войну с Японией.

В Советском Союзе вся эта история долгие послевоенные десятилетия была под завесой молчания. За океаном же из-за утечек в прессу американское военное командование тогда же, в августе сорок пятого, подготовило пресс-релиз, который начинался такими словами: «Теперь, когда СССР объявил войну Японии, стало возможным рассказать об одной из самых секретных историй войны».

Что же касается американского самолета с бортовым номером 02242, на котором экипаж Йорка участвовал в рейде на Токио, то его судьбу помог выяснить офицер штаба Тихоокеанского флота капитан 1 ранга Владимир Плотников. Он любезно пригласил меня к себе домой в гости, и мы весь вечер беседовали о «Митчелле». Целых 7 лет американский сухопутный бомбардировщик находился в составе авиации флота, использовался как учебный самолет. И только в 1950 году был разобран на переработку.

А из всего экипажа, по некоторым данным, до начала XXI века дожил только Дэвид Пол...

Р. С. Налет на Токио американских сухопутных бомбардировщиков, взлетевших с авианосца, показан в американском фильме «Перл-Харбор» (режиссер Майкл Бэй, автор сценария Рэндолл Уоллес, 2001 год). Однако зрители воспринимают эту сцену как вымышленную...

Елена КОМЛЕВА

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХРАНЕНИЯ И ЗАХОРОНЕНИЯ ЯДЕРНЫХ МАТЕРИАЛОВ. ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

После фукусимской катастрофы, приостановки эксплуатации ряда АЭС Японии и других стран обострились споры по главному вопросу ядерных технологий — хранения выведенных из оборота гражданских и военных ядерных материалов. В том числе в контексте ядерного терроризма¹. Также возможен возврат интереса к небольшим подземным АЭС или гибридам подземной АЭС и подземного хранилища.

Напомним, что в Японии внешних воздействий с катастрофическими последствиями не выдержали не только реакторы, но и приреакторные хранилища (бассейны выдержки) отработавшего ядерного топлива.

Заслуживает внимания мнение, что вскрытая проблема серьезной уязвимости хранимого топлива — главный урок Фукусимы.

Россия имеет национальное наземное долговременное хранилище плутония на площадке ПО «Маяк». Связанные, прежде всего, с высокой концентрацией «порождения бога царства мёртвых» на земной поверхности потенциальные опасности глобального уровня неоднократно обсуждались². В России реализована неоднозначная по результатам технология подземной изоляции жидких радиоактивных отходов в пластах-коллекторах (Северск, Железнодорожск, Димитровград).

Россия желает иметь у себя международные ядерные хранилища подземного типа для твердых высокоактивных материалов. Теперь — тем более, так как после Фукусимы ожидаемая зарубежная прибыль Росатома от строительства АЭС может устремиться к нулю, а от демонтажа АЭС с наработкой отходов — возрастать.

Нацеленность на международные хранилища в России формировалась задолго до Фукусимы. Проблему применительно к России более десяти лет совместно исследуют на уровне официальной комиссии академии наук РФ и США. Подготовлена законодательная база, в 2002 и 2005 годах в Москве под эгидой МАГАТЭ прошли международные конференции по этой теме. Создан системный интегратор по сервисному обслуживанию зарубежных АЭС — ЗАО

¹ URL: <http://www.belfercenter.ksg.harvard.edu/.../Joint-Threat-...>

² Напр.: URL: <http://www.nuclearno.ru/text.asp?15383>

«Русатом Сервис». Планируют подобные хранилища на Семипалатинском полигоне и в Чернобыльской зоне. В Западной Европе идею такой кооперации развивает The Association for Regional and International Underground Storage (ARIUS).

Ситуацию «подогревает» решение Б. Обамы через 22 года с начала строительства и после затрат в 9 млрд долл. (десятая часть общей сметной стоимости) прекратить реализацию проекта «путеводной звезды», прототипа многих подобного рода строек — национального хранилища высокоактивных материалов YuccaMountain. А также — появившиеся раньше в условиях глобализации мировой экономики идея и проекты интернационализации последней стадии обращения с ядерными отходами, их надежной изоляции от биосферы.

Возникают конкретные вопросы «как?» и «где?» Особенно после вступления в силу американо-российского Соглашения № 123 (2010 год), открывающего странам возможность «обмена» ядерными материалами. Директива ЕС по обращению с ядерными отходами (2011 год), которая в контексте реакции на японские события обязала страны-участницы к 2015 году разработать планы захоронения, ориентирует на подземную изоляцию и благосклонна к возможности экспорта отходов.

Одним из авторов работ, способствовавших отмене некачественного, с научной точки зрения, проекта подземного ядерного хранилища YuccaMountain, является геолог и спелеолог Ю. В. Дублянский (Juri Dublyansky, www.uibk.ac.at). Его общая эрудиция и знания в сфере инженерной геологии и гидрогеологии, низкотемпературных гидротермальных процессов, изотопных исследований, геологической истории и тенденций четвертичного периода значимо повлияли на формирование решения ведущей ядерной страны относительно места размещения природно-техногенного, с элементами самоорганизации объекта, безопасно функционировать который по нормативам должен не менее десяти тысяч лет. А косвенно возможно ожидать отложенное влияние на общечеловеческое будущее ядерной проблематики. Он, кроме того, неллицеприятно охарактеризовал стиль собственных геологических обоснований таких объектов российскими и американскими ядерными ведомствами и финансирования ими независимых оценок.

В Японии и странах Тихоокеанского бассейна отныне заново не раз подумают о принципиальной возможности долговременного хранения и захоронения ядерных материалов в регионах субдукционного взаимодействия литосферных плит, опасаясь перспективы периодических вбросов техногенной радиоактивности в океан. Калифорнийский желоб и Йеллоустонский мегавулкан могут мотивировать интерес США и Канады к более спокойным регионам планеты (например, к Северо-Востоку России).

Фукусимская катастрофа не прошла бесследно и для шведов. Известнейший проект шведского оператора по обращению с ядерными отходами SKB, предусматривающий строительство подземного национального ядерного хранилища вблизи АЭС Оскарсхамн и разрабатываемый три десятилетия, приостановлен в 2011 году. Надзорная инстанция уже объявила о созыве международной экспертной комиссии, которая проверит, как именно будут утилизировать отходы под землей.

Видимо, строительство подземного шведского хранилища может быть отложено на неопределенный срок. А проект SKB — мировой лидер в своей «нише», наряду с Yucca Mountain и финской разработкой, во многом сопряженной со шведской версией.

Необходимо учитывать явное стремление западных стран повысить контроль над легкодоступными углеводородами Ближнего Востока и Африки. Грядут также серьезные изменения на рынке, обусловленные сланцевым газом. Вследствие чего внимание Запада к российским нефтегазовым регионам с суровым климатом может временно уменьшиться. Как необходимо учитывать и «постфукусимское цунами» решений о закрытии европейских АЭС. Например, в Германии, где глобальной значимости решение было принято по результатам работы специально созданной после Фукусимы Комиссии по этике (!), состоящей из представителей не только инженерных и естественных наук, но и гуманитарно-духовной сферы.

Логическим продолжением этих решений следует считать меры по сверхплановому демонтажу станций с наработкой больших объемов дополнительных отходов. Кроме того, европейские ядерщики будут искать работу в Китае или России. Кстати, это соответствует общей стратегии, например, Германии в сфере международного разделения труда. Когда тяжелая промышленность и опасные виды производства переносятся в развивающиеся страны, а внутри Германии стимулируется современная наукоемкая промышленность, относительно малозатратная по ресурсам.

Наиболее продвинутые российские подземные варианты связаны с площадками вблизи Красноярска, Челябинска и Краснокаменска. Военно-промышленные объекты, к которым теперь «привязывают» хранилища, размещались давно и далеко не по геологическим и экономическим критериям. Безопасность же геологических (так их еще называют) хранилищ детерминирована, прежде всего, качеством породных массивов, а также условиями их длительного существования. Трагедия Фукусимы, начало которой положил геологический процесс, разом обнулила смысл разумных затрат при строительстве, которые были призваны обеспечить безопасность станции. Не пришло время объективно оценить «космические» затраты на ликвидацию последствий этой трагедии. По ряду причин применять в новое время и для новой задачи прежний подход — ошибка. Поэтому главные аргументы относительно места и технологии хранилищ, наряду с политическими и экономическими, должны быть за международной геологией.

После Фукусимы в МИФИ первоочередным считают при создании АЭС геоядерный симбиоз на международной основе, а С. В. Кириенко сообщил (Госсовет по модернизации), что нужен прогноз и мониторинг условий их существования до «зеленой лужайки» (более 100 лет). Будет справедливо, если аналогичный подход применят к более долговременным (тысячи лет) ядерным объектам хранения/захоронения. В таких делах без наук и практических знаний о Земле не обойтись. Справедливости ради отметим, что тезис о важной роли геологов при обеспечении безопасности ядерных объектов не связан только с Фукусимой³.

³ URL: http://www.roninfo.ru/publ/intervju/ehkologicheskaja_bezopasnost_obektov_rosatoma_v_rukakh_geologov/3-1-0-5

На Северо-Западе России проектировщики Росатома (Минатома) последовательно считали в качестве изолирующей геологической среды для ядерного хранилища (пока официально лишь регионального) многолетнемерзлые известняки полигона Новой Земли и залежи солей Республики Коми. Кстати, в Ухте работает известный в радиоэкологии геолог В. А. Копейкин, имеющий серьезные наработки применительно к геохимическим барьерам защиты от распространения радионуклидов, возглавлявший несколько самых тяжелых лет Рабочую группу Мингео СССР в Чернобыле. Видимо, и это обстоятельство в череде других обусловило «дрейф» интереса Росатома от Новой Земли к геологическим структурам Коми. Предложения Горного института Кольского научного центра РАН — Сайда-Губа и Дальние Зеленцы.

Примем во внимание, что в Сайда-Губе Германия уже построила временное наземное хранилище, а с 2011 года начато проектирование комплекса переработки радиоактивных отходов и накопительной площадки временного хранения контейнеров в Губе Андреева (финансирование Италии). Росатом и Германия планируют кооперацию в использовании редкоземельных металлов Мурманска (российско-германский Сырьевой форум, Мурманск, 2011 год), что породит новый источник радиоактивных отходов. Существуют и другие признаки, что на Северо-Западе России дело региональным хранилищем не ограничится.

Альтернативой-дополнением перечисленным площадкам, «спарринг-партнером» при дискуссиях, служит Печенгская геологическая структура и ее обрамление. Геологические условия Печенги (и Краснокаменска) сближают концепции хранилищ в гнейсах/гранитах (Швеция, Финляндия, Красноярск) и вулканитах (Yucca Mountain, Челябинск). При геологическом, экономическом и политическом приоритетах выбора Печенга оставляет возможность не с нуля развивать ядерную компоненту объекта. В пределах и вблизи Печенги действуют аналог ядерных подземных сооружений (рудник «Северный-Глубокий»), аналог Фукусимы относительно аварийного ядерного топлива (Губа Андреева). Уже существующий геоядерный кластер упростит и удешевит опережающие исследования (подземная лаборатория) и создание собственно хранилища. Поспособствует переориентации экономики региона. Он также в полной мере соответствует междисциплинарному и межотраслевому духу, некоторым конкретным позициям указа президента РФ (2011 год) о приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники.

Одним из аргументов против Печенги формально может быть нынешняя добыча никеля. Этот аргумент (как и против Краснокаменска, Стрельцовское месторождение урана) произведен от рекомендации МАГАТЭ: избегать изоляции ядерных материалов вблизи полезных ископаемых. Однако совместный, внимательный и объективный анализ этой рекомендации, горно-геологических и экономических условий работы «Норильского никеля» показывает, что более чем семидесятилетняя история изучения и освоения месторождений Печенги генерирует не осложняющий, а благоприятствующий фактор. Учитывая и перспективу на 50–100 лет. Это время отложенного ядерного хранения на поверхности. Реальный опыт США, Канады, Швеции, Финляндии и других стран: через 30–40 лет необходимых научно-технических и производственных работ подземных хранилищ нет. При таких запасах времени до

ядерного подземелья рассматриваемые месторождения будут гарантированно полностью отработаны. Хотя и сейчас доступны участки требуемых размеров и качества заведомо вне проявлений никеля.

Именно Печенга максимально обеспечит выполнение этой рекомендации: известные месторождения исчезнут, а новые практически невероятны при высочайшей геологической изученности территории уже сейчас. В РАН такой же подход к Краснокаменску считают «единственно верным»³.

Вполне реальна перспектива международного геоядерного альянса на базе Росатома и «Норильского никеля». У «Норильского никеля» есть шанс, рационально осваивая недра, с пользой продать горно-геологическую документацию и реальную инфраструктуру (в противовес бездарной потере Кольской сверхглубокой скважины), постепенно лишаясь руды. Или иначе соучаствовать с Rosatom&Co в новом освоении подземного пространства Печенгской/Стрельцовской структуры. При необходимости «Норильский никель» и на равноудаленном от западных и восточных поставщиков Таймыре найдет пригодные массив и/или готовые выработки для хранилища, дополнительно изолированные покровом многолетнемерзлых пород. Или на Северо-Востоке России. В свою очередь, атомный ледокол «Ямал», демонстрируя в июле 2011 года стремление Росатома закрепиться в высоких широтах, катал по Севморпути — приобщал к реальности участников международной конференции «Северным морским путем к стратегической стабильности и равноправному партнерству в Арктике».

Не получилось порознь у СССР и Японии (отчасти, и у США) обойтись без национальных ядерных катастроф. Велик риск террористического инициирования (средиземноморское «цунами») таких катастроф для ряда стран Западной Европы, учитывая их воинственную политику в южных, богатых углеводородами регионах. Подтверждение реальности этого и новых, изнутри, вызовов Европе — террористические акты 2011 года в Норвегии и менталитет норвежского террориста, вовсе не исключающего ядерные объекты из числа потенциальных целей для подобных ему идейных борцов.

Объединение усилий и повышение безопасности имеют наибольшие предпосылки при создании международных подземных ядерных хранилищ в подходящих породах, на стыке стран или в иначе труднодоступной для несанкционированных посещений местности (Печенга, Норильск/Билибино, Краснокаменск). Присоединиться к созданию таких хранилищ было бы, видимо, полезно США и Канаде, Германии, Финляндии, Швеции (и как владельцам технологий подземной изоляции), а также Японии, странам Восточной Европы, Армении и Казахстану. При «перезагрузке» на них финансирования от YuccaMountain, Новой Земли и других отвергнутых проектов.

Независимые оценки показывают отсутствие стабильной и позитивной тенденции относительно развития нефтегазового бизнеса на шельфе Арктики. Как и реалии неудач в 2011 году попыток России завершить многолетнюю подготов-

³ Лавров Н. П., 2011. — URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=bb9c25dd-630b-4f87-8d3e-6fad9a0ba9ca>; Лавров Н. П. В России есть идеальное место для хранилища ОЯТ // Барьер безопасности, 2005. № 3–4. — URL: <http://www.newmdb.iaea.org/GetLibraryFile.aspx?RRoomID=694>

ку контрактов на поставку газа в Китай, Роснефти найти партнеров для работы в Арктике и Газпрома, наконец-то, обнародовать план инвестиций в Штокман, приводят к выводу, что надежды на привлекательность освоения шельфа и для сухопутной экономики сопряженного региона не всегда сбываются. В отчетном докладе А. Миллера за 2010 год Штокман упомянут не как объект реального развития, а лишь как козырь для спокойствия акционеров в части стратегической обеспеченности Газпрома запасами на далекое будущее. Кроме того, Росстат часто (последний пример — данные за первое полугодие 2011 года) фиксирует хроническое неблагополучие (прирост производства, инвестиции в развитие, износ основных фондов) в базовых отраслях Мурмана (строительство, твердые полезные ископаемые, энергетика, рыба). Эти оценки не противоречат показателю «от народа»: жителей Мурманской области стало меньше.

Кооперация Росатома и «Норильского никеля» может компенсировать арктические углеводородные и другие затруднения, способствовать формированию самостоятельной высокотехнологичной отрасли и международного технопарка на Севере России, составной усиливающей части региональных и общероссийских программ создания технологической платформы «Инфраструктура Арктики».

На Мурмане нет месторождений урана. Молодой геолог Н. П. Лаверов искал их здесь и не нашел. Академик Н. П. Лаверов и представители его научно-практической (ИГЕМ, МГИМО) школы могли бы исправить кольское природно-политическое недоразумение, поспособствовав созданию печенгской техногенной залежи ядерных материалов. С другой стороны, «ружье на стене» — хранилище вблизи Красноярска или Челябинска, да и Краснокаменска, при его долгой жизни, обязательно «выстрелит» как повод для внешнего «принуждения к миру» в центре России. Это тоже надо учитывать, решая вопрос о месте размещения объекта.

Автор благодарит за поддержку исследований профессоров В. Falkenburg, N. Witoszek, D. Macer, V. Masloboev, O. Ivanov, а также научных сотрудников Института философии и политологии Дортмундского технического университета.

Вспомогательные источники информации

1. *Комлева Е. В.* Ядерные отходы, газовые месторождения и безопасность Севера Европы // ЭКО: Всероссийский экономический журнал, 2007, № 3. С. 104–111.

2. *Просвирнов А.* Джинн снова вышел из лампы — первые уроки Фукусимы-1. — URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2934> (дата обращения 23.05.2011).

3. Рядом со «шведской Фукусимой» планируют строить «вечное» хранилище ядерных отходов. — URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,14939212,00.html> (дата обращения 23.05.2011).

4. *Криворотов А. К.* Северный шельф перед лицом глобальной нестабильности // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения-2010. Апатиты, 2010. С. 40–45.

5. *Череповицын А. Е., Жуков А. М.* Стратегический анализ возможностей и угроз освоения углеводородных ресурсов Западной Арктики // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития. Лузинские чтения-2010. Апатиты, 2010. С. 61–69.

6. Штокман // Север промышленный. 2011, № 1. С. 4–5.
7. Кому нужен сибирский атом? URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=3013> (дата обращения 23.05.2011).
8. *Лаверов Н. П., Величкин В. И., Пэк А. А.* Радиогеоэкологические проблемы начального и завершающего этапов ядерного топливного цикла // Безопасность ядерных технологий и окружающей среды. 2010, № 4. С. 26–33.
9. *Андерсон Е. Б., Савоненков В. Г., Шабалев С. И.* Геологические формации, перспективные для изоляции РАО // Безопасность ядерных технологий и окружающей среды. 2011, № 1. С. 54–58.
10. *Колдобский А. Б.* Мирный атом после цунами. — URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mirnyi-atom-posle-tsunami-15187> (дата обращения 23.05.2011).
11. *Саркисов А. А.* Проблемы реализации интеграционного подхода к обращению с радиоактивными отходами в северо-западном регионе России и окончательной их изоляции. — URL: http://www.fcp-radbez.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=355&Itemid=386 (дата обращения 23.05.2011).
12. *Мельников Н. Н., Конухин В. П., Наумов В. А.* и др. Научные и инженерные аспекты безопасного хранения и захоронения радиационно опасных материалов на Европейском Севере России. — Апатиты, 2010. 305 с.
13. *Перовский В. А.* Где взять радиоактивные отходы для Сайды? — URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2838> (дата обращения 23.05.2011).
14. *Белоусов В. И., Рычагов С. Н., Комлев В. Н.* и др. Печенгская глубинная и другие гидротермальные системы: новый взгляд на изоляцию ядерных материалов от биосферы // Уральский геологический журнал. 2001, № 3. С. 131–153.
15. *Перовский В. А.* О возможности приповерхностного хранения реакторных отсеков АПЛ, ВНИПИЭТ, 1995 / Нилсен Т., Кудрик И., Никитин А. Доклад объединения «Беллуна» «Северный флот. Потенциальный риск радиоактивного загрязнения региона», 1996. С. 138.
16. *Комлев В. Н., Бичук Н. И., Зайцев В. Г., Мелихова Г. С.* О перспективности площадок северо-западной части Мурманской области для размещения радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива / Тез. докладов конференции «Радиационная безопасность: радиоактивные отходы и экология». — СПб., 1999. С. 24–25.
17. *Сергеев А. С., Богданов Р. В., Комлев В. Н.* Оценка геологических формаций северо-западного региона России как среды размещения подземного хранилища радиоактивных отходов / Тез. докладов конференции «Радиационная безопасность: радиоактивные отходы и экология». — СПб., 1999. С. 88–89.
18. Project-408 in the framework of the UNESCO International Geological Correlation Programme «Comparison of composition, structure and physical properties of rocks and minerals in the Kola Superdeep Borehole (SG-3) and their homologues on the surface» (edited by F. P. Mitrofanov and F.F. Gorbatsevich). — Apatity : Geological Institute of Kola Science Centre RAS, 2000. 153 p.
19. SKB&NEDRA Technical Report 92–39. 1992 // Swedish Nuclear Fuel and Waste Management Co. CMGruppenBromma, 1993. 116 p.

Аринуаа ЖАШИНБАШЫН (Монголия)

БАРЬЕРЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Глубокий срез культуры

В настоящее время процессы культурной глобализации заставляют задуматься над вопросом, действительно ли глобализация прокатывается как каток по национальным культурам или она оказывает ей посильное сопротивление.

Очевидно, что современная культура все явственнее обретает глобальные черты. Мировая глобализация не ограничивается тем, что живущие на разных территориях потребители покупают одинаковые автомобили, одежду единых брендов, используют стандартные предметы утвари и обихода. В различных регионах мира звучат песни одних и тех же эстрадных исполнителей (Madonna, Britney Spears, Lady Gaga), в национальных прокатах фигурируют названия одних и тех же фильмов, а подключенные к информационным сетям люди следят за общими политическими и спортивными событиями. Они погружены в подробности жизни общих мировых «звезд», а международные телевизионные каналы — новостные, спортивные, детские, познавательные (Animal Planet, National Geographic, Discovery, Viasat), музыкальные (MTV, VH1, Bridge TV, Music Box), каналы модной индустрии — конкурируют в борьбе за единую телеаудиторию¹.

Каждая культура имеет глубинные основания, которые весьма трудно поддаются растворению. В обосновании тех или иных культурных программ прослеживаются специфические, нередко противостоящие друг другу ценностные комплексы. Например, человек античного мира привык тратить заработанные деньги на собственные нужды. Сколько заработал — столько полагается и благ. Сама идея накопления, то есть оставления денег на «черный день», показалась бы ему странной. Тот же, кто откладывал сбережения, чувствовал себя не вполне уютно. Он невольно оказывался бы в невротической ситуации. Заимодавцы постоянно испытывали на себе диктат общих культурных традиций, порицающих «жизнь вперед».

Девушка, которая не стремится найти свое место в обществе, обрести социальный статус, была бы нормальной в культуре пуэбло. Однако в совре-

* Статьи представлены редакцией журнала «Философия и культура».

¹ Короткий Г. А. Российская культура в условиях глобализации // Журнал «Философия и культура», 2009, № 11.

менном мире юная особая оказалась бы в невротической ситуации именно потому, что она не состоялась, не нашла себя. Можно ли считать нормальным человека, который утверждает, будто чувствует приближение животного и может показать на своем теле знаки, благодаря которым об этом узнаёт? Однако в культуре бушменов это считается обычной нормой. Европейец, попавший в такую социальную среду, видимо, мог бы испытывать невротические состояния.

Для японца совершить в определенных обстоятельствах акт харакири — не что иное, как дело чести. Тот, кто не смог бы соответствовать долгу, стал бы презираем. Однако в православной культуре такой поступок рассматривался бы как погубление души. Брачные контракты стали традицией в западном мире, но в российской культуре они приживаются с трудом. Сама мысль о разделении имущества в момент венчания, когда брак заключается перед Богом, рассматривается как кощунственная.

Человек архаической культуры, разговаривающий с умершим дедушкой, показался бы современному человеку психотиком. Но в давних культурах это было нормой. Для иудея отдать деньги под огромные проценты — причина радости, а для русского — повод для исповеди и раскаяния. В пушкинской трагедии «Скупой рыцарь» Альбер корит ростовщика за то, что он не признает рыцарского слова, а тот не обращает внимания на этот нервозный симптом. Трагедия заканчивается словами Герцога: «Ужасный век, ужасные сердца!» И в самом деле, есть от чего содрогнуться. Сын поднимает руку на отца. Угодничество заглядывает в чужие очи, вычитывая в них безжалостную волю. Люди готовы служить богатству, как «алжирский раб, как пес цепной». Страшное, не ведающее милосердия корыстолюбие. Сердце, обросшее мхом. Распад человеческого достоинства.

Однако спросим себя: какой же век оказался самым жестоким? Тот средневековый, с турнирами? Или последующий, вписавший в историю жуткие страницы первоначального накопления? А истребление целых народов — негров, индейцев, арабов, сопутствующее эпохе колонизации? А может быть, «ужасные сердца» — это про нас? Ведь это мы, люди нашей эпохи, взметнули к небу грибовидное облако. Мы довели истрадавшую природу до кровоточащих ран. Это нам в глаза смотрит обнаженная женщина из документального фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» о зверствах нацистов. Святая нашего времени, она прикрывает груди руками перед мигом казни...

У индейцев (да и у белых американцев) о воинской доблести рассказывали скальпы, снимаемые даже с живых людей, а у русских в тот же исторический период и о той же доблести свидетельствовали прощение побежденных и забота о раненых и пленных. Еще несколько десятилетий назад женщина, вступившая в добрачные сексуальные отношения, считалась падшей. Ее презирали, и она испытывала глубокие невротические чувства. Сегодня, похоже, свободные связи становятся популярными.

Индийские дети, которые приезжают в Россию, больше всего удивляются, что наши дети зовут родителей на «ты». В Индии так не принято. К родителям обращаются только на «вы». У Пушкина сказано «пустое вы» сменилось «сердечным ты». Выражено это у поэта по другому поводу, но все же — неужели лучше, общаясь с родителями, сохранять дистанцию?

Каждая культура выбирает свою стратегию. И в ней, в этой стратегии, есть и положительное, и отрицательное. Наверное, китайская культура, которая ставила перед семьей проблему сохранения стратегий, требовала от детей безоговорочного почитания. Философ Конфуций учил, что общество должно напоминать большую семью, в которой подданные чтят родителей и любят друг друга, как братья. Древние китайцы не только с огромным уважением относились к родителям, но и следовали их воле. Девушка не могла выйти замуж, если родители не одобряли ее выбор.

Согласно законам средневекового Китая, взрослый сын мог поступиться запретом своих родителей только через пять лет после их кончины. Хорошо это или плохо? У каждого народа — свои культурные особенности, свои правила жизни. Человеку европейской культуры может показаться странным, что надо называть родителей на «вы», согласовывать свою любовь с отцом и матерью, чтить их волю даже после их смерти. Однако эти традиции помогли китайцам сохранить высокое достоинство семьи. Наверное, сын или дочь могли видеть у родителей какие-то недостатки. Но они ни на минуту не забывали, что именно эти люди, отец и мать, даровали им жизнь. В китайской культуре не мог появиться такой герой, как Павлик Морозов, потому что по китайским средневековым законам сын, который донес на отца, наказывался сурово, вплоть до смертной казни.

В европейской культуре сердечная близость, возможность говорить с родителями, как с равными (то есть на «ты»), ценилась выше, чем в древнекитайской. Дети, рожденные в царских или королевских семьях, не могли жениться или выходить замуж без согласия родителей. Считались с волей отца или матери в тех случаях, когда родители располагали капиталом. Но в целом в европейской культуре не было такого культа семьи, как в Древнем Китае. Дети далеко не всегда считались с волей родителей.

В результате европейская культура знает такое явление, как конфликт поколений. Родители не считают, что дети должны обращаться к ним только на «вы», близкое «ты» между родственниками гораздо лучше. Дети могут выбирать иной образ жизни, жениться по собственному выбору. Родители часто страдают, что дети живут своей жизнью, даже не посвящая в нее родителей, не оказывают отцу и матери должного уважения. Далеко не все дети проникаются мыслью, что именно родители подарили им возможность жить на этой земле. Например, можно услышать такое: «А я вовсе не просил меня рожать. Они даже не спросили мое мнение». В древнекитайской культуре такое совершенно невозможно. Юноша и девушка подчинялись воле родителей. Они знали, что сами станут стариками и им будет оказано глубокое уважение, что они будут вознаграждены за свое поведение.

Менталитет другой культуры

Когда мы имеем дело с другой культурой, нас волнует вопрос, как избежать ошибок, которые связаны со своеобразием менталитета другой страны, другого народа. Почему европейцу трудно, например, войти в восточный бизнес? Деловая жизнь в Восточной Азии имеет «семейный характер». Предприниматели стараются вести дела не в одиночку, а опираясь на самых

близких людей. Поэтому у них есть и личные отношения внутри фирмы, и личные обязательства. Понятное дело, что иностранцу оказаться внутри этой восточной деловой этики трудно.

Восточная культура опирается на такие понятия, которые нелегко совмещаются в сознании европейца: иерархия и гармония. Для западного человека иерархия, разумеется, позволяет создать некое подобие порядка, но она вряд ли может обеспечить согласие. Ведь европейцу приходится выполнять волю руководителя. Стало быть, до гармонии далеко. Можно говорить лишь о скоординированных действиях.

Столь же иным окажется и для европейца и, скажем, японца понятие равенства. В европейском сознании люди рождаются равными и поэтому имеют право ощущать себя равными внутри общества. Для китайца или японца равенство не всеобщий принцип, а возможность оказаться с кем-то на одной ступеньке организации. Равенство обнаруживается только в том смысле, что маршал или два сержанта могут быть равными, поскольку находятся на одном уровне иерархических ступеней.

В отличие от европейцев китайцы и японцы постоянно отождествляют себя с какой-то группой. Это может быть семья, фирмы, профессиональный союз. Поэтому они имеют стойкий навык действовать сообща, но при этом неизменно помнить о своем положении. Европейец, наоборот, приучен к самостоятельности, он пытается оторваться от группы, возвыситься над ней, перейти в другую группу. Для восточного человека ценностью обладает не самостоятельность или отделенность, а, напротив, причастность к чему-то. Это то самое чувство, которое испытывает человек, поющий в хоре или шагающий в строю².

Когда вы разговариваете с восточным человеком, вас может разочаровать его интерес к вам не как к личности, а как к выразителю социальной номенклатуры. Японец при первой беседе непременно постарается выяснить, каков ваш социальный статус, какую должность вы занимаете, какой имеете стаж, награды и характеристики. Он обязательно проверит, знают ли о вас более высокопоставленные особы. Судьба делового контакта зависит от всех этих сведений.

В значительной степени деловые отношения предполагают прямой контакт. Если знакомство происходит по факсу или даже по телефону, то оно вряд ли получит продолжение. В Западной Европе или Северной Америке — наоборот. Японца или китайца может удовлетворить только встреча лицом к лицу, обмен визитными карточками. Но еще большее значение будет иметь рекомендация. Ведь именно она может в какой-то степени помочь европейцу войти в систему деловых отношений японского бизнеса. При этом рекомендация не воспринимается как формальная вежливость, ни к чему не обязывающая любезность. Рекомендаторы несут ответственность за ту и другую сторону. Вот почему европейец, создающий деловые отношения на Востоке, стремится установить деловой контакт на как можно более высоком уровне.

Объясняя особенности деловой этики в Китае и Японии, Всеволод Овчинников приводит простую иллюстрацию. Конкуренция на Западе ставит

² См.: Овчинников В. Выход на Восток // Популярная психология. 2004, № 35. С. 21.

вопрос: кому достанется пирог? На Востоке же спорят, как его поделить? Да и сама конкуренция имеет у японца иной смысл и содержание. Европейец стремится одержать полную победу, устранить и унижить конкурента. Восточные бизнесмены стараются не допустить преобладания одной стороны над другой. Нельзя довести конкуренцию до такого накала, чтобы противник «потерял лицо», оказался униженным, оскорбленным, а тем более — раздавленным. Лучше всего это выражает древнее право для рикши. Молодой возчик имел возможность опередить старого, лишь сократив дистанцию, изменив маршрут. Ни в коем случае превосходство не должно обнаруживать себя в болезненной демонстративной форме.

Деловые круги Японии стараются свести прямое соперничество до малозаметного уровня. Если в Англии или США конкуренция базируется на «честной игре», то в Китае или Японии она предполагает получение «подобающей доли». «В каждой отрасли японского бизнеса есть то ли «большая тройка», то ли «большая четверка», то ли «большая пятерка». Они делят между собой львиную долю рынка. К примеру, 22% для «Ниссана», 17% для «Хонды», 14% для «Мицубиси», а что осталось — на всех остальных (которые сами делят эту квоту между собой).

Если какая-то фирма при заключении торговой или промышленной сделки пошла на уступки, то она получает преимущество при обсуждении другого вопроса, вообще не связанного с первым. В этом случае оценивается готовность партнеров идти на сделку, стремление к компромиссу рассматривается как безусловная добродетель. Нравственный подход к проблемам у восточных людей предполагает оценку поступка как хорошего или плохого, подходящего или неподобающего. Никто из деловых людей Востока не станет настаивать на пунктах контракта, если изменились обстоятельства. Если ситуация иная, стало быть, важно пересмотреть прежние договоренности.

Китайские и японские руководители редко принимают самостоятельное решение. Здесь ценится анонимное общее согласие. В американской фирме именно президент и совет директоров предлагают определенную волю и реализуют ее с помощью коллектива. В Азии нет движения команды сверху вниз. Напротив, все пункты соглашения, все стороны деловой жизни обсуждаются снизу. Поэтому руководитель выражает не чью-то личную волю. Он олицетворяет общее согласие, которое достигнуто путем долгих и разносторонних уступок.

Никто из японцев не станет выделяться из коллектива, участвовать в открытой конфронтации. Поэтому выработка общего согласия длится долго. Каждый руководитель постепенно вносит поправки в свою позицию, ориентируясь на другие интересы. Дискуссия предполагает не желание «додавить партнера», а достижение некоего компромисса. Именно поэтому президент фирмы оказывается лишь арбитром, который выбирает из нескольких вариантов тот, который не вызывает новых дискуссий.

Не случайно европейские предприниматели в деловых переговорах с китайцами или японцами часто терпят поражение. Они требуют немедленного решения, незамедлительного действия, стараются сразу выложить все карты на стол. Но это не вызывает поддержки у их восточных партнеров. Американский предприниматель так же, как и современный российский, ста-

вит во главу угла собственную прибыль. Человек Азии «раньше думает о родине, а потом о себе». Тщательно обсуждаются вопросы, связанные с долгом перед страной, перед персоналом. Тема реальной прибыли возникает в последнюю очередь. Сравните это с российской действительностью, с тщетными попытками склонить олигархов к благотворительности или к выполнению обязательств перед персоналом.

Европеец воспитан в духе идеалов свободы, культа индивидуализма.

Дальневосточная мораль ставит общее благо выше личных интересов. По мнению Всеволода Овчинникова, эта черта генетически присуща и россиянам, которые, по сути дела, не столько европейцы, сколько евразийцы. Япония, вступившая на путь информационного развития, ощущает, что традиции порой мешают успешному продвижению страны. Групповая мораль не содействует творческому соревнованию, автономии индивида. Система пожизненного найма теряет смысл в эпоху информатики. В этом, по мнению В. Овчинникова, первопричина кризиса, который привел в 1990-е годы к феномену «потерянного поколения».

Сознание человека Азии оказывается противоречивым в условиях информационного общества. С одной стороны, образ жизни японцев и традиционная мораль заставляют его быть застенчивым, скрываться за социальной маской. Но с другой, это рождает чувство одиночества, жажду общения. Так, Япония предполагает выйти из «царства групп» в «царство личностей». Но произойдет ли при этом полное устранение традиционных культурных ценностей? В Японии и раньше происходили радикальные перемены, но она выдерживала их натиск, следуя мудрым принципам дзюдо — уступить натиску, идти на перемены, но при этом остаться самим собой. «Образно говоря, Япония никогда не станет русоволосой, хотя краситься под блондинов стало нынче модой «золотой молодежи»³.

В Йемене очень много предубеждений и правил, доходящих порой до абсурда. Например, женщинам нельзя ходить на кладбище, потому что мертвые могут увидеть, что находится у нее под абайей. Еще один запрет — женщинам нельзя бриться станком, а можно пользоваться только халывой — это смесь из жженого сахара и добавок для эпиляции. Ее наносят горячей на кожу как воск. Кстати, волосы после халывы растут гораздо медленнее, чем после восковой эпиляции. Обычно арабские женщины делают себе эпиляцию всего тела перед свадьбой. Восточные женщины (и танцовщицы не исключение) очень любят тяжелые пряные запахи. Когда возвращаешься с Востока, долгое время не можешь отвыкнуть от сладких духов. Тем более в Йемене и Иордании продаются ароматические эссенции, которые добавляют во все дорогие духи, а стоят они немного. Особенно ценится у тамошних мужчин и женщин бахор — помесь из эссенций. По четвергам в Йемене жена должна обкурить бахором волосы и одежду, зажечь бахоровые кусочки над свечой, чтобы комната пропиталась ароматом, в общем набахориться. На восточных мужчин этот запах действует похлеще виагры. Даже маленькие мальчики, почувствовав исходящий от тети аромат бахора, начинают к ней ластиться.

³ См.: Овчинников В. Указ соч. С. 23.

Русская идентичность

В России тоже стоит очень непростая задача: сохранив основы русской цивилизации, ее исторической и культурной идентичности, сделать ее одновременно жизнеспособной, современной, соответствующей ментальности и образу жизни нынешней генерации русских. Обе крайности — выжить, но перестать быть русскими, или умереть либо уйти на обочину современного мира. Сможет ли нынешнее поколение сохранить идентичность русской цивилизации? С одной стороны, для современного российского общества характерно усиление консервативных тенденций и в политике, и в массовом сознании. С другой, по очень значимым характеристикам российское общество все сильнее отдаляется от традиционной культуры и традиционных ценностей.

Проступающие в нашем сегодняшнем менталитете вековые архетипы сочетаются с окончательным и бесповоротным разрушением традиционного уклада жизни. Современному обществу больше подходит такая характеристика, как «кризис беспочвенности», нежели торжество архаики и традиций. «Новый русский порядок» — все что угодно, только не возвращение к истокам, не регенерация русской цивилизации. Такая триада ценностей, как порядок, справедливость и стабильность. Актуальность демократических ценностей снижена.

Есть ли в современном обществе какие-то слои — носители традиционализма, русской ментальности, русских идеалов? Нынешняя генерация россиян сильно дистанцирована от традиционной русской культуры. Эта культура осталась частью «наследия прошлого». Наши соотечественники смотрят на нее примерно так же, как современные греки — на развалины античных Афин. Представители нынешней патриотической общественности с самыми лучшими намерениями призывают вернуться к патриархальному образу жизни, земледелию, многодетным семьям, православной духовности и коллективизму, ошибочно полагая, что эти ценности сохранили свою актуальность в стране, почти бесповоротно порвавшей уже со своими традициями и историей.

Если старые православные сохраняют в себе соборно-коллективистский менталитет, в чем-то, правда, очень сходный с советской традицией, то «новые православные» — это в основном носители индивидуалистического типа сознания, ориентированные на индивидуальный успех, на индивидуальное спасение души. Для современных новорусских консерваторов характерны прагматизация и рационализация сознания, достаточно ироничное и секуляризованное отношение к религии, а их коллективизм основан скорее на корпоративной этике, чем на сакральной соборности. Духовность перестала быть монополией народа как целостной общности, а стала в первую очередь прерогативой личности.

Произошла девальвация таких ценностей, как долготерпение и неприязнательность. История российского государства свидетельствует о том, что русский народ никогда не радовался бунту бессмысленному и беспощадному. Пушкинская реплика в «Борисе Годунове» — «народ безмолвствует» выражала спокойное, терпеливое отношение простых людей к авантюрам власти.

Эта ценностная установка постепенно теряет свое значение. Жертвенность, простота жизни заменяются стремлением получить от жизни многое, здесь и теперь. Менталитет русского народа всегда был органично связан с темой бесстрашия и героизма. Почиталось «безумство храбрых», подвиг воинов. В наши дни эта тема «стерлась». Заметная личность сегодня — человек успеха, потребитель.

Социологи отмечают быстрое распространение индивидуализма, заменившего соборность. Эксперты рассуждают о том, как консолидировать нацию. Отмечают нарастание националистических ценностей. Рассуждают о том, что идея этничности, «голоса крови» способна вызвать массовый энтузиазм, мобилизовать общество. Однако далеко не все готовы встать под эти знамена. Вместе с тем очевидно, что общество раздроблено и с трудом поддается интеграции.

* * *

Глобализационному процессу еще предстоит встретиться со многими трудностями. Видимость быстрой «укладки» всех культур в единое цивилизационное русло все чаще наталкивается на культурное своеобразие, на нежелание отдельных культур расставаться с национальным достоянием, с вековыми традициями.

ДО И ПОСЛЕ «МАЯ 68». «ЛЕВЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ» И ЕГО РЕВОЛЮЦИЯ

Беседа с Валерием Подорогой
в редакции журнала «Русский репортер»¹

Итак, что же произошло в Париже «мая 68» с точки зрения политической истории XX века? Было ли это революцией или нет, да и правильно ли вообще именно так ставить вопрос?

Первые признаки революционной ситуации, вероятно, появились в Нантере², но власти не смогли их правильно оценить. Потом демонстрации студентов Сорбонны и, наконец, 3 мая, первая ожесточенная схватка с силами специальной полиции. Контроль властей над событиями утерян, революция начинается...

Молодые всегда требуют невозможного, они готовы к жертве, им нужен порыв.

Выступления студентов прошли цепью по всей Европе: Сербия, ФРГ, наконец, активное участие молодежи в Пражской весне. Самое загадочное — это вот эта цепь. Чего я не могу объяснить, так это повсеместность революционного порыва. В начале 1960-х годов культурная революция в Китае — все помнят хунвейбинов с их лозунгом «Огнем по штабам» — и длится она до конца 1970-х³. Так что май 1968 года во Франции — лишь один из очагов мощной европейской, если не мировой, энергии протеста⁴. В Париже волнения молодежи сопровождалась выступлениями рабочих, всеобщей забастовкой (одна из крупнейших забастовок в истории рабочего движения — 10 млн человек). С одной стороны, они создали большую проблему для власти — президент де Голль все-таки ушел...

Волнения мая 1968 года в Париже породили много толкований. Я придерживаюсь следующей позиции — это была попытка революции Освобождения. А точнее, даже не революция, а настоящий бунт, бунт молодых интеллектуалов⁵.

¹ С разрешения редакции «Русского репортера» публикуется расширенный вариант беседы.

² См. более подробно: Тарасов А. In Memoriam Anno 1968. — URL: <http://www.screen.ru/Tarasov/memor.htm>

³ Пропагандистом маоистского движения в Европе был, например, знаменитый режиссер Жан-Люк Годар, чьи фильмы до 1968 года стали культовыми, они, можно сказать, готовили майскую революцию Освобождения.

⁴ См. материалы, подготовленные А. Тарасовым.

⁵ В тот год сразу же после майских событий я случайно оказался в Париже (в то время я — студент философского факультета МГУ). Мои родители работали в советском посольстве, и я приехал летом к ним в гости. Конец июня, «революция» закончилась. Помню ночную прогулку по

Взрыв недовольства, экстаз обновления, что-то вроде эпидемии, внезапно охватившей многих и многих гуманитарных людей, впрочем, и другие «угнетенные» слои французского общества (прежде всего «пролетариат»). Иногда термин «освобождение» путают со «свободой», но это разные понятия. Освобождение для всех, свобода для одного; освобождается «человек», свободу обретает гражданин. Революция 1968-го была освобождением от того, от чего освободиться было невозможно, — от ближайшего Прошлого. Часто революции и кажутся бессмысленными и неудачными именно поэтому. Мы даже не можем установить «законы», по которым они совершаются. Слишком много случайного. Мы называем какие-то исключительные события «революцией», хотя и не знаем, сохранится ли это убеждение в будущем.

Очевидно, что в движении революционных событий есть нечто быстрое, мгновенное, разрушительное и нечто замедленное, замедляющееся, остывающее. Что-то похожее на наказание за прежнюю быстроту и внезапность. Отступление, апатия, неверие. Я имею в виду контрреволюции, которые по длительности и циничной практичности всегда превосходят революции. Постепенно они уничтожают все, что казалось революционным, прежние возвышение чувств снижают до посмешища. Другими словами, контрреволюция — часть революционного процесса. Европейские интеллектуалы долгое время обменивались идеями «коммунизма» и были увлечены этой игрой. Не замечая или не желая замечать сталинской контрреволюции, которая с невероятной жестокостью давила все живое, танком выжигала революционные ценности. Долгое время СССР был чуть ли не образцом реального социализма. Многие западные левые интеллектуалы верили в это до конца 1950-х годов, до хрущевского разоблачения культа Сталина.

Если подвести некоторый итог, то, по вашему мнению, именно контрреволюция становится истинной матрицей истории? Не могли бы вы уточнить отношение «революции» к «контрреволюции»...

Часто революция — это провокация, проект Невозможного, набросок пути к недостижимому Идеалу. Революция, как видение, чудо, праздник. Но и как

Парижу — сгоревшие машины, вывороченная брусчатка, остатки арматуры, разбитые витрины, короче, следы боев и т. п. На перекрестках посты полиции. Глубокая ночь. Поразили большие толпы молодых людей в Латинском квартале — по две-три тысячи. Они просто стояли и молчали. Невероятное зрелище. Почти нет разговоров — многие курят. Шокирующее впечатление от тишины («после битвы») запомнилось больше всего. В последующие дни «революция» как-то стала слишком быстро забываться. И гуляя в последующие дни по центру Парижу, я уже больше не замечал следов майских боев. Эйфория сменилась чувством поражения от неудавшейся «революции». Много лет спустя я побывал в Страсбурге. Там я почти целую ночь беседовал с супружеской парой, активных участников боев за Сорбонну. Он был комендантом одного из университетских корпусов, а она — его помощницей. Вот эти два бывших маоистских радикала рассказывали, как они делали «коктейли Молотова», как их атаковала полиция, как они от нее отбивались (в течение суток). Судя по их словам, насколько помню, для них это была настоящая война. Было много раненых, но вот погибших почти не было. Есть даже такой анекдот. Популярный сегодня в России философ русского происхождения Александр Кожев спрашивал одного из великих, кажется Ж.-П. Сартра: «Ну что же у вас там случилось?» «Как что? Революция!» «А жертвы были?» «Нет, не было». «Ну, так какая же это революция?!». Действительно, много раненых, причем, полицейские пострадали не меньше, чем бунтари. Многих студентов посадили, причем, некоторые получили весьма серьезные сроки (до 14 лет), а вот жертв не было.

конкурс самых неожиданных идей. Это, бесспорно, экстагическое действие, охватывающее относительно небольшое количество людей, ожидающих изменений в обществе и желающих их. Революционная вспышка готовится долго. Слишком много факторов должны сложиться — экономических, политических, образовательных, университетских, — чтобы дать на выходе взрыв такой общественной и политической силы. Например, экономическая сторона мая 1968 года состоит в том, что к этому времени сложились политические предпосылки для рождения среднего класса, а это основной класс в «бесклассовом» постиндустриальном обществе. Можно сказать, что французское общество переживало период начала второй волны модернизации. В послевоенное время завершается восстановление хозяйства Европы, экономический подъем 1950–1960-х годов приносит относительное «благоденствие», заметно повышается уровень жизни. Все оказывается вдруг «хорошо», появляется жирок. Однако никаких структурных преобразований общественной системы не происходит — по-прежнему XIX век. Европейское общество вернулось к более или менее «комфортной» жизни, но власть бюрократии, экономическая жизнь, политические движения и партии — все было завязано на старых институциях. И главное — на идейных и идеологических предрасудках. Назревает общество потребления, требующее других институтов, другого управления, другого желания. Больше нет доминирующего классового противостояния (буржуазия — пролетариат) — о себе заявило новое социальное большинство, будущее *silentmajority*.

Парадокс революции мая 1968 года заключается в том, что на ее волне родился средний класс, другое французское общество. Хитрость Истории — удар направлен на одно, а рождается совсем другое.

Не случайно, что многие из активистов 1968-го стали выдающимися менеджерами, заняли ключевые позиции в обществе. Даниэль Кон-Бендит, один из главных активистов, сегодня депутат Европарламента, вождь умеренного крыла партии «зеленых» Марк Кравец — шеф заграничной службы крупнейшей французской газеты «Либерасьон». И так далее — профессора, менеджеры, политики, все успешные люди⁶.

Разве изучая этот список успешных «революционеров», мы не приходим к выводу: революция-то удалась... Другие активисты ушли вправо, стали «новыми философами»: Б.-А. Леви, А. Глюксман, Ж.-П. Лардро, П. Жамбе. Их еще называли «детьми Солженицына», в основном это бывшие маоисты, троцкисты, когда-то «левые» интеллектуалы. Солженицын начинает публиковаться на Западе, выходит «Архипелаг ГУЛАГ» (1973). Полная переоценка реального социализма, пишутся разоблачающие тексты против коммунистической идеологии, против ФКП и господства коммунистических Отцов. Атакуется в целом вся идеология тоталитарного марксизма-ленинизма в самых различных ее проявлениях.

Массовую основу мая 1968 года составили студенты Франции, а точнее, молодежные группировки самых разных политических направлений, но

⁶ Тарасов А. Указ соч.

разве они определяли важнейшие черты и «идеологию» майской революции? Есть ли основополагающие причины этого «взрыва»? Или несколько другими словами, все-таки, по вашему мнению, из чего сложилась «революционная ситуация»?

Одну из причин можно назвать: изменения в социальном составе студенчества. Впервые рабочий завода «Рено» мог послать своего сына или дочь учиться в Сорбонну. До этого выпуск студентов по гуманитарным специализациям был крайне ограничен (как вообще получение высшего образования). Так, в 1851 году во Франции высшей школой было подготовлено 3 тыс. специалистов по гуманитарным дисциплинам. В 1900 году цифра остается той же самой. В 1920-м — 7 тыс. выпускников, в 1930-м — 12 тыс. Образование оставалось элитарным, а количественный рост обусловлен демографически. Образование получают только состоятельные слои общества. В 1965 году — уже 40 тыс. студентов, в 1968-м — 81 тыс. студентов обучается в гуманитарных заведениях. Эта молодежь и стала основным героем праздника Освобождения. Нет никакой единой стратегии, никто ни за кого не решает, нет «партийного авангарда», нет единого центра руководства. Слишком много разных «заинтересованных» участников. У каждой группы — «маоистской», «марксистско-ленинской» или «троцкистской» — своя программа.

После мая 1968 года размежевание культурного пространства нарастает, начиная влиять на систему высшей школы, массовые коммуникации и стратегии образования. С одной стороны, омассовление гуманитарного знания и, следовательно, устранение его элитного характера. С другой — резкое изменение политического статуса гуманитарных дисциплин, чем воспользовалась правящая элита и родовая французская аристократия. Теперь нетрадиционное университетское образование открывает доступ в высшие эшелоны власти, а то, что получено в «больших школах» (Высшая административная школа (ЭНА) и Высшая политехническая школа)⁷. Эти школы обучают не столько знанию, сколько умению властвовать; они готовят чистых функционеров политической и промышленной бюрократии. Правящая власть не только быстро восстановила утраченные позиции, но и намного улучшила их.

Итак, май 1968 года — одно из решающих событий второй половины XX века для современной европейской истории. И это событие, как вы утверждаете, имеет две истории, две «правды»: одна «история» говорит, что революция была подготовлена или даже «готовилась», а другая, что она была лишь стечением обстоятельств? И эти две «истории» не противоречат друг другу, — как это понять?

⁷ ЭНА выпустила в 1947 году 37 человек, в 1970 году — 90. Высшая политехническая школа: выпустила в 1900 году 250 человек, в 1967 году — 304. Ср., например: «О механизме отбора в «большие школы» известно немало. Известно также, что их двери открыты лишь для выходцев из привилегированных классов общества. Излишне напоминать о том, что важнейшее значение в них придается манере речи и поведения, символизирующей принадлежность к высшим классам, но остающейся за семью печатями для учеников из неимущих... В сущности, в эти школы «наследники» правящего класса приходят, чтобы получить знание в широком смысле слова, а заодно и диплом, который призван легитимировать их власть» (Л. Бирнбаум и др. Французский правящий класс. — М., 1981. С. 158).

Здесь, действительно, нет противоречия, революция как бы «между»: теоретически она готовилась, но оказалась итогом действия многих «случайных» факторов. Действительно, май 1968-го — время невероятного стечения обстоятельств, судебных, теорий, идей, личностей. Думаю, это было прощание с революционным XIX веком и взгляд в XXI век. Еще Жорес видел в Великой французской революции (1789–1795) «начало всех начал»: нет конца революции, она не заканчивается, а только всякий раз начинается⁸. В «мае 1968» отыскивают продолжение той же революционной линии, характерной для развития французского общества прошлого столетия? Часто встречаются комментарии, в которых доказывается, что революция мая 1968 года подражает революции 1848 года (кстати, которую исследовал Маркс), — последней из буржуазных революций, и что, собственно, «взрыв» мая 1968 года — явно мелкобуржуазная революция, не «пролетарская». Даже в выборе главных идей можно провести водораздел по маю 1968 года. Одна часть тогдашних теоретиков еще остается в XIX веке и ставит вопрос об Освобождении, а не об индивидуальной свободе. Чтобы вернуть человека к его изначальной природе, данной Богом, нужно пройти этапы высвобождения его истинных влечений. Надо быть правдивым, честным, бороться против предрассудков, быть «естественным человеком» (это очень похоже на руссоизм). Но это только одна сторона.

В 1960-м выходит в свет книга Сартра «Критика диалектического разума», в которой он излагает свою теорию революции. Невероятно, но факт: то, что Сартр пытается «обосновать», становится «революционной» реальностью в 1968-м году⁹. Чуть позднее первые тиражи книги меморандума Ги Дебора «Общество как спектакль», самая значительная по влиянию книга поколения (много переизданий, переводы). Настольная книга всех юных бунтарей¹⁰. Ранние, 1930-х годов, фрейд-марксистские публикации, особенно работы В. Райха и Э. Фромма, посвященные «сексуальной революции», также играют немалую роль в воспитании левых теоретиков. Главными же остаются идеи освобождения. Продвинутое студенчество и анархистски настроенные теоретики находили, прежде всего, у Г. Маркузе, в трудах раннего К. Маркса и председателя Мао (популярная картинка: хунвейбин, погруженный в чтение «красного цитатника»). Три М, как идейная основа «революции»: Маркс/Мао/Маркузе. Значительно влияние «критической теории» Франкфуртской школы, она формируется в 1930-х годах, отцы-основатели: М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно, Ф. Поллок (в разное время к ней были близки Г. Маркузе, Э. Фромм, В. Райх, В. Беньямин). С приходом нацистов к власти в Германии многие эмигрируют в США. Идеи критической теории, впервые изложенные Хоркхаймером и Адорно в «Диалектике просвещения» (1949), также относятся к этому пласту «освобожденческой» литературы¹¹.

⁸ Ср.: «Мы считаем Французскую революцию фактом огромного значения, величайшим событием с поразительно плодотворным содержанием; но, на наш взгляд, она не представляет собой чего-то законченного, когда истории остается лишь развивать без конца ее последствия» (Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. В 6 т. — М.: Прогресс, 1977. С. 33).

⁹ *Sartre J.-P. Critique de la Reason dialectique.* Gallimard. 1960. P. 434–435.

¹⁰ *Дебор Ги-Эрнст.* Общество спектакля. — М.: Логос (Радек), 2000.

¹¹ *Marcuse H. One dimensional Man.* SpherebooksLTD. — London, 1968. «Кстати, Маркузе полагал, что «новая чувственность», открытая маем 1968 года, способна разрушить язык «тотальной администрации», господствующий в позднекапиталистическом обществе. (См.: *Marcuse K. Versuchuber die Befreiung.* — Frankfurt a. M., Suhrkamp, 1969).

Нет ли здесь еще и поколенческого разрыва: сыновья бунтуют против отцов? И в таком случае, не была ли эта революция еще и ответом на устаревшие традиционные «эдиповские» ценности буржуазной семьи?

Действительно, сколько времени в своих «Семинарах» посвятил Ж. Лакан исследованию эдипизации западной культуры. Потом приходит черед книги Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Том 1» (1972)¹², имевшей скандальный успех. И в этом нет ничего удивительного, если учесть воздействие идей психоанализа на практику психиатрической и психотерапевтической помощи в Европе и США, успешную институализацию и достаточно быстрое освоение теоретического наследия психоанализа. Понадобилось всего полвека. Если объявляется, что пациент традиционного психоанализа «мертв» (а это всегда «маленький Эдип»), то тогда как, да и кого психоанализировать? Психоанализ поддерживает институт господства традиционной семьи. Разве для психоанализа годен шизофреник (да и все глубокие психотики)? Но именно этот новый пациент объявляется величайшим героем будущего освобождения¹³.

Здесь не место подробно разбирать этот значительный, крайне телесно-ориентированный авантюрный текст, текст-приключение. Цитатами из «Анти-Эдипа» можно было расписать улицы майского Парижа. Это текст антикапиталистический, более того, асоциальный, экспериментальный, текст-провокация, текст-граффити. Как перевести весь опыт психоанализа с его чудовищной эдиповской догматикой на язык открытого опыта желания? Общая идеология Освобождения сближает позиции совершенно разных мыслителей: Сартра и Делеза/Гваттари, Райха и Лакана. Поражение майской революции закодировано в опыте делезовского желания, образами и концептами которого, к сожалению, нельзя разрушить даже столь эдипизированный современный капитализм...

Майская революция, словно в кино, прокручивается назад, чтобы вновь совершиться, но уже по воле большой теории: набросок плана тотальной деэдипизации общества.

Хотелось бы, чтобы вы пояснили, что следует понимать под Освобождением? И следом же: то, что вы описываете как сближение проти-

¹² Например, Адорно в отличие от Маркузе, инспектировавшего «коммуны свободной любви», принципиально не участвовал ни в студенческом движении, ни в политических демонстрациях. Франкфуртские студенты посчитали, что он отступил от тех идеалов «борьбы», которые сам провозглашал. В одном из интервью он попытался оправдаться: «Я только создал теоретическую модель мышления. Разве я мог предполагать, что люди захотят осуществить ее с помощью коктейля Мологова». Теоретический Эдип должен быть низвергнут восставшими детьми. Так Адорно стал объектом студенческих провокаций. Одну из лекций его попытались сорвать студенческие радикалы. Подобная травля, вероятно, способствовала развитию сердечной болезни Адорно. В августе 1969 года он умирает в швейцарской клинике.

¹³ Надо учитывать, что сильнейшее влияние на концепцию Делеза/Гваттари оказал постфрейдистский психоанализ, так называемый фрейдомарксизм (В. Райх, Т. Рейк, Э. Фромм, М. Клейн). Особенно Райх. Как создатель современной психотерапии он видел в сексуальном освобождении («революции») основной импульс к мировому «здоровью» европейских народов. Недаром же пронизательные марксистские критики сразу узнали в «Анти-Эдипе» развернутую и более продвинутую модель фрейдо-марксизма. Например, заимствование понятий энергии, потока, купирования, использования юнгианского термина «либидо» и т. п.

воположных позиций Сартра и Делеза/Гваттари — это понятно; но есть ли «место», где эти позиции все же совмещаются, а не только противостоят друг другу, все же это позиции, отстаивающие единую доктрину Освобождения?

Я уже говорил о том, насколько различны были идеологические и политико-метафизические позиции групп и сообществ, наиболее проявивших себя в майской революции 1968 года. У каждой группы свои вожди и интеллектуальные лидеры, своя эмблематика великих предков. И вот парадокс: в наблюдениях и аналитике революция мая 1968-го предстает как игра стихийных сил бессознательного, в то время как каждый принимавший участие в майских акциях борется за новую свободу, за высвобождение индивидуальных сил, за либерального Субъекта. Правда, одно дело, что действительно происходит, а другое, что думают о том, что действительно происходит. Модные тогда теоретические модели, хотя и воспитывали будущих «комбатантов», не могли заменить практическое умение вести уличную войну, пропаганду, готовить «коктейль Молотова»... В данном случае Сартр не противоречит Делезу и Гваттари, а его экзистенциальный гуманизм постструктуралистскому антигуманизму, они сосуществуют, но в разных измерениях революционного опыта. Категориальный порядок машинного бессознательного Делеза/Гваттари совмещается с субъективистской тотализацией Сартра? Враждебность Сартра к новым парижским гуру — Фуко и Делезу — была общеизвестной. Но эта враждебность системная, не личная.

Не могли ли вы сказать об этом подробнее?

Несколько уровней: на первом мы находим философию в качестве акта высвобождающей себя мысли (кантовское определение просвещения отчасти совпадает с освобождением); на втором — освобождение понимается тематически, как освобождение от всего того, что делает человека менее свободным, непосредственным, что отчуждает его от Другого, от мира и природы (русоистский «поворот» к «доброму дикарю»); и, наконец, на третьем освобождение берется с точки зрения определенных социальных систем, нуждающихся в глубокой модернизации (не всякая мысль способна выстроить «мировую онтологию свободы»).

Мыслить освобождение — это осуществлять политику. Сартр пытается исследовать «интенциональное бытие» свободы, и это вполне доступная политтехнология освобождения. Все, что кажется несвободным, — сложившиеся привычки, обычаи, догматизм, идеологические нормы, подавление чужого мнения, наличие репрессивного госаппарата и прочее — должно быть выявлено, «описано» и затем отвергнуто.

Однако освобождение возможно в том случае, если человек уже обладает свободой (проектностью или, в другом языке, суверенностью). О чем, кстати, не переставая говорит Сартр: освобождение возможно только на основе онтологии бытия свободы. Сам же вопрос об освобождении вторичен. Ведь освобождение есть некий горизонт, в котором располагаются практики свободы. Можно согласиться с тем, что опора на «марксизм», как на традиционную теорию «освобождения» вполне допустима, но лишь на основе, я бы сказал, радикальной деконструкции марксистской доктрины. Сартрианский активизм близок постмарксистским теориям и остается волюнтаристским, не при-

знающим хоть какое-то сомнение в универсальном статусе Субъекта. И он не одинок. Достаточно вспомнить философии освобождения, представленные «критической теорией» Франкфуртской школы, фрейд-марксизмом, сюр-реалистическим движением в искусстве и литературе и др.

Делез/Гваттари идут навстречу Сартру с другой стороны. Они делают ставку на идеи Освобождения, а не индивидуальную практику свободы; они не гегельянцы, их не волнует «дух», а скорее «тело», понимаемого в терминологии машин желающих, бессубъектная, телесно-ориентированная революционная практика. (Можно сказать, что они против Сартра времени «Бытия и ничто» (1943). Для Сартра важно понять, кто является Субъектом истории. Ставка делается не на «материальную инертность» практики рабочего класса, а на активных одиночек, объединенных в группы. Речь идет о «группах-влиянии», *groupenfusion*, которые постепенно начинают завоевывать и определять весь курс революционной истории. И что удивительно, Делез/Гваттари берут на вооружение теорию групп истории Сартра, изложенную им в «Критике диалектического разума», и вводят понятие «субъект-группы» (*groups-sujets*), отличая ее от «группы-подчинения» (*groupsassujettis*), но это два состояния, первое из которого и есть революционная практика желания¹⁴.

Здесь нет возможностей продолжать анализ. Скажу только: «май 68» остается для Делеза/Гваттари опытом, уже состоявшимся, пережитым и наследуемым, образцом, от которого можно оттолкнуться, в то время, как для Сартра май 1968 года так и остался в будущем, которое не случилось, во всяком случае, в то время, когда он продумывал свою теорию. Делез/Гваттари неожиданно предстают верными учениками Сартра.

Можно ли сказать, что революция 1968-го была изначально обречена на поражение, и это закладывалось в базовые модели практически всех наиболее влиятельных тогда теорий «освобождения»? Никакой политики, никакого расчета или никакой установки на конечную цель — так можно понять основную идею теории Освобождения? Только сам бунт, взрыв ради взрыва, некий выброс неуправляемой социальной энергии?

Мне кажется, «красный Май» — это последняя революция в современной европейской истории. Есть два вида взрыва, и они различаются как «*explosion*» и «*implosion*»: первый — взрыв открытый, когда все вокруг рушится и сметается с пути; второй — взрыв скрытый, похож на взрыв в рукавах угольной шахты — на поверхности ничего не видно, а под землей движет мощная взрывная волна, но поскольку препятствия на ее пути значительны, то она не производит заметных разрушений, зато все шахтовые крепления проверяются на прочность. Другое дело — большие землетрясения.

Скрытый взрыв мы иногда называем реформами. Все острее чувство угрозы, и если ничего не делать, то что-то да произойдет... Поэтому процесс реформирования общества постоянен: снимать напряжения, которые могут привести к массовому недовольству, «революционному взрыву». Взрыв открытый — демонстрация разрешения острой проблемы прямыми действиями.

¹⁴ Deleuze G., Guattari F. *L'Anti-Œdipo. Capitalisme et schizophrénie*. — Editions de Minuit, 1972. P. 417–419.

Так вот революция мая 1968 года — такой взрыв, — разом были поставлены под сомнение многие «завоевания» XIX века. Однако сами революционеры действовали по кальке предыдущего столетия — сначала сделаем, а потом посмотрим. Бунт ради бунта. Главное нанести удар — в этом видна стихийная логика интересов в «революциях» XIX столетия, которые оканчивались поражением, приносящим новую победу. Такие революции давали что-то новое, но не побеждали. Идеал революционного восстания недостижим; в конце пути, как всегда, — разочарование. Те же стадии проходит и «революция» мая 1968 года: надежда, гнев, решимость не отступить, затем спад, отчаяние, и, наконец, восстановление властями порядка. Контрреволюция лишь подтверждает желание революции завершиться.

Нельзя ли уточнить позицию французского интеллектуала после мая 1968 года, насколько она изменилась? Вот вы указали на одну группу мыслителей, которые заложили саму идею этого сартровского требования Невозможного, т. е. идею Освобождения. Но есть же и другая группа, и она явно придерживалась иных позиций...

Вы правы. Время после «мая 1968» — иное время. На первый план вышло поколение французских интеллектуалов, ориентированных на постструктуралистскую парадигму: Ж.Лакан, М. Бланшо, М.Фуко, П. Бурдьё, Ж. Деррида, Ф. Лиотар, Ж. Делез, Ф. Гваттари, А.Бадью, Ж. Бодрийяр и многие другие. Целая плеяда влиятельных мыслителей, которые поставили своей целью извлечь теоретические уроки из опыта поражения революции мая 1968 года (многими из них, кстати, лично пережитого).

Первый урок: обществом не выучено никакого урока. Это событие остается в памяти левого сознания, как поражение; но поражение, открывшее пути к новому, более тщательному и всестороннему исследованию общества. Не «почему не удалась победить?», а «как вообще революция смогла состояться?» — вот что надо понять. Отказ от «революционной политики» в пользу радикализации мысли. После «мая 1968» года началась другая революция — теоретическая. Если кто-то желает победы и готов к бунту, то что за желание движет ими (ответы Ж. Лакана), если кто-то отказывается от всякой революционной романтики в пользу комфорта и нормы, то, что такое потребитель — новый субъект посткапиталистического общества (ответы Ж. Бодрийяра).

И потом, как это получилось, что власть так быстро консолидировалась, провела перегруппировку сил, и вот порядок восстановлен? Тема власти — особая: ее неуязвимость, неистощимость в домогательствах и уловках, способность возрождаться там, где, казалось, она более не в силах себя проявить. Прямо-таки социальный фантом. Несомненно, отсюда страх перед властью. Как следствие, вопрос: а что если власть «столь же многочисленна как демоны» (Р. Барт). Настоящая кратофобия. Так власть лишается конкретных политико-классовых характеристик, и это уже не отдельная власть (партии, группы, института или класса). Власть предстает могущественной инстанцией социального опыта, своего рода «паразитом транс-социального организма».

Что же позволяет власти «паразитировать» на свободной энергии общества? Власть не впереди, не перед нами, а за спиной. Власть транзитивна, она повсюду — вот почему мы бессильны. Ведь сколько раз ее ни свергали, она

остаётся на месте, все та же тень великого Господина? Это вопрос, а ответы М. Фуко. В 1975 году он выпускает книгу «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», в 1976 году — «Воля к знанию. История сексуальности. Том 1». Фуко предлагает «свои» методы сопротивления власти, учитывая опыт, который ему был открыт майскими событиями мая 1968 года. И этот опыт подсказывает, что нужно занять радикально нейтральную позицию, отказываясь от участия в дискредитировавшей себя игре классовых и партийных интересов. Избегать вовлеченности в спор по поводу традиционных политических лозунгов: «свобода или господство», «либерализм или тоталитаризм», «право или закон» или еще более глобальных «социализм или капитализм»? Мыслить власти нужно не там, где она скрыта идеологическими, экономическими или юридическими масками, а там, где она исполняется: на заводе, в конторе, психиатрической клинике или тюрьме, в школе или полицейском участке. Вот что называется микрофизикой власти.

Второй урок: позиции интеллектуала в обществе должны быть пересмотрены. Традиционный интеллектуал — универсальный *hommedelettres*. Только к началу XX века он расстается с иллюзией принадлежности к «свободно парящему слою», *freischwebende Schicht* (К. Маннгейма). Позиция Сартра, в частности, вполне соответствует такой установке: быть сознанием для других. За отставкой традиционного интеллектуала следует узкая специализация, охватывающая науки, в том числе гуманитарные. Появление же интеллектуала, «узкого специалиста», отмеченного еще Грамши в противостоянии «органическому интеллектуалу», традиционному, знаменует конец универсального гегелевского сознания.

По мнению Фуко, интеллектуал сегодня больше не «рапсод вечного», а «стратег жизни и смерти»¹⁵. Политизировалось знание, которым он обладает. Старое право на манипуляцию частными истинами ради «единой» поставлено под сомнение: теперь тот, кто производит знание («истину»), в силах осуществлять политику этого знания (физик-ядерщик, программист, социолог, биолог или историк). Так, каждый ученый-специалист может осуществлять новую политику знания, не перепоручая ее институту, партии или отдельным политикам.

Не кажется ли вам, что на интерпретацию событий мая 1968 года оказали и продолжают оказывать сильное влияние возможности, открывшиеся с развитием масс-медийного пространства в западном обществе 1980–1990-х годов? Современное общество чрезмерно событийно, переполнено «случившимся» и «ожидаемым», но также и чрезмерно раздроблено, фрагментировано, хаотично. Утратив единый центр и общее идейное наследие, группы интеллектуалов сами разделились на фронты, лагеря, направления, группы влияния и «группки». Вопрос такой: не возникла ли как раз в эти годы после мая 1968 года особая власть французской авангардной философии (кстати, не она ли принесла мировую славу французской культуре в 1980–1990-х годах)?

Ваш вопрос можно отнести к третьему уроку. Действительно, в течение десятка лет университетская номенклатура утрачивает культурный и соци-

¹⁵ Entretien avec Michel Foucault. — M. Foucault. *Ditsetecrits*. III, 1976–1979. — P., 1994. P. 157.

альный престиж. В центре масс-медийного интереса не фигура профессора (даже «воинствующего»), а некий триединый образ: издатель-журналист-редактор (менеджер, продюсер и др.). Передача функций завершается, появляется специализированный посредник по доводке факта культуры до уровня события, фигура «ходатая потребления» (выражение Р. Дебре). Формируется образ философа-авангардиста. В многочисленных интервью, беседах на радио и телевидении, дискуссиях, высказываниях и комментариях, публикациях в прессе принимают активное участие многие известные интеллектуалы (чаще других М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Р. Барт и др.). Мэтры становятся профессионалами масс-медиа. Портреты духовных гуру чуть ли не ежедневно появляются на страницах популярных изданий. Появляется фигура публичного философа, участника дебатов на телевидении, участника всех «мировых событий», создателя лекционных курсов, с которыми он колесит по миру. И не только. А интенсивность письма, — нельзя забывать и о таком факторе. Создавать книги на одном дыхании, формировать идеи и издательские позиции. Подпись автора сразу же получает прибавочную стоимость. Все пишут обо всем, все можно говорить, и говорят: слово обесценивается в борьбе за признание. Не писать, писать — это слишком обязывает, слишком замедляет, слишком напоминает авторское усилие, веру в знание. Лучше говорить, или точнее, писать, как говоришь. И вот публикации движутся все более ускоренным потоком. Живопись, кинематограф, фотография, мода, археология культуры, психоанализ, литература и философия, лингвистика и семиотика — больше нет границ. Дисциплины и жанры теперь незамкнутые и охраняемые территории, они смешались. Гениальность дилетанта приветствуется. Великая битва за прижизненное признание, нельзя стать забытым сегодня, нужно досаждать, атаковать, оказываться рядом с событием, по возможности создавать его. Развивается чувство успеха на интеллектуальном рынке, разрыв с университетскими традициями знания все более углубляется. Другими словами, мыслить сегодня — это, так или иначе, участвовать в масс-медийной культуре событий каждого дня.

Насколько актуальна сегодня революционность идей 1968 года? Можно ли ожидать в XXI веке чего-то подобного, если не повторения, то, во всяком случае, предстающего в качестве реальной угрозы мирового порядка?

Не думаю. Слишком много иных угроз...

Когда перечитываешь сводки с «военных» действий далекого от нас мая 1968-го, удивляешься поразительной активности студенческой массы. Практически на каждое действие властей тут же находится ответ. Как будто отдельный этап схватки имеет бесконечный ресурс. И все же только часть революционной энергии была освоена обществом. Другая, не менее важная работа — это переосмысление того, что случилось. Такая работа была проделана европейскими интеллектуалами именно в 1970–1990-х годах. Возникли концепции, которые, в конце концов, обслуживали потребности и институты среднего класса. А средний класс ценит не практику освобождения, не революционные действия, а собственные права: право на свободу выбора, право на труд, право на то, что называется «достойной жизнью». Ему не нужно освобождение. Он ни от чего не хочет освобождаться, он хочет зарабатывать,

потреблять, ездить на курорты, жить комфортно, получать удовольствие. Вот эту большую массу людей, получивших достаток и желающих покоя, не имеющих «убеждений», и ненавидят люди XIX века — революционеры, создатели новых миров (ситуационисты, троцкисты, анархо-синдикалисты, маоисты, марксисты-ленинцы и пр.). Они атакуют. «Мировая левая лига» отчаянно нападает на позиции среднего класса, ставшего центром стабилизации западного общества. Средний класс планирует будущее, его идеология подтверждает ценности прошлого (традиции, привычки, наследия), настоящее для него — не все время, а посредник, темпоральный центр переходов. Для акционистских группировок, напротив, только настоящее имеет ценность, причем, ценность будущего. Управлять будущим легко, надо взорвать настоящее.

Некогда один из интеллектуальных лидеров «Красных Бригад», А. Негри, публикует с М. Хартом, учеником Фр. Джеймисона, книгу «Империя» (политический бестселлер, имевший шумный успех). Попытка разыграть карту «мая 68», вернуться к идеологии освобождения в связи с новым этапом кризиса капитализма. Распад Советского Союза, новая ситуация в мировой геополитике: вместо противостояния двух сверхдержав — США и СССР, осталась одна, американская. Надежда на революцию времени X возвращается вместе с идеей империи. Империя и революция оказываются неразделимы. Те же антиглобалисты действуют как новые революционеры, они что-то демонстрируют, чему-то сопротивляются, что-то провоцируют, «взрывают» ситуацию, ставят проблему, атакуют полицию и «новый капитализм»... Но если вы спросите, а что за этим — они ничего вам не скажут. Они просто уверены в том, что общество, которое они атакуют, настолько крепко и настолько готово все выдержать, что эти демонстрации — вовсе не какие-то тяжелые удары, а своего рода пощечины. Слегка встряхнуть, ничего не разрушая. Это способ взбодрить общество, чтобы оно решилось что-то подправить. Антиглобалисты стали частью процесса реформирования капитализма, кому-то из «нетерпеливых» это покажется поражением.

Но, вероятно, есть и противники мая 1968 года, не все же посчитали столь серьезное потрясение устоев государства всеобщим благом?

Конечно. Надо признать, что «левая» мысль в лице великих мэтров постепенно теряет свое «революционное» влияние, особенно в конце 1990-х годов. Но уже много ранее, в постреволюционное время сформировался антидискурс «мая 68», который в лице Р. Дебре и, прежде всего, Р. Арона активно заявил свои позиции¹⁶. Я бы назвал его контрреволюционным, хотя это и не точно. Ожидаемая точка зрения была высказана Дебре в одном из его политических памфлетов: он увидел в революции мая 1968-го начало американизации французского общества. Довод его весьма простой и совпадает во многом с исследовательской программой Ж. Бодрийяра¹⁷. Майская революция была частью мирового американского экспорта рынка «контр-культуры»: длинные

¹⁶ Audier S. La pensée anti-68 : essai sur les origines d'une restauration intellectuelle, La Découverte. — Paris, 2008.

¹⁷ См.: Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. Е. А. Самарской. — М.: Культурная революция, Республика, 2006.

волосы, юнисекс, sensitivitytraining, признание прав гомосексуалов, непрямые методы обучения, антипсихиатрия, сексуальное воспитание, легализация порнографии и т. д. Итог — это утрата важнейших ценностей: идеи нации (в конечном итоге — независимости) и идеи пролетарата (упразднение революционного горизонта французского общества)¹⁸.

Неоконсервативные тенденции в мировой политике 1970–1980-х годов постепенно вытеснили революционность 1960-х годов. А та философская критика, которая еще была в деле, потеряла ясно определенный адрес, обратная связь с обществом нарушилась и так и не восстановилась, я имею в виду, конечно, ушедшую на покой идею «революционности масс»...

¹⁸ Audier S. Указ. соч. С. 100.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

**Шумпетер Йозеф. Десять великих экономистов
от Маркса до Кейнса. М., 2011. 416 с.**

В 1967 году французский социолог Раймон Арон выпустил книгу «Этапы развития социологической мысли». В серии эссе, посвященных Монтеスキё, Конту, Марксу, Токвилю, Дюркгейму, Парето и Веберу, были воссозданы основные вехи социологии, отмеченные творчеством наиболее известных социальных мыслителей. Книга выдающегося экономиста Й. Шумпетера была издана еще раньше, в 1951 году. До отечественного читателя она дошла только сейчас.

Каждый из вошедших в книгу биографически-теоретических очерков посвящен жизни и трудам классиков экономической науки, работавших во второй половине XIX — первой половине XX столетия, с большинством из которых Шумпетер был знаком лично. Имена некоторых экономистов, наследие которых анализируется в книге, вообще неизвестны нашим читателям. Однако встречаются и хорошо знакомые исследователи — Маркс, Парето, Кейнс.

Разумеется, мы располагаем трудом, в котором многое отмечено субъективной позицией, но в целом в распоряжении читателей оказывается история развития экономической теории. Прогресс экономической науки для Шумпетера зависел от того, как тот или иной автор включался в реальные экономические процессы и какие методы он использовал для понимания данной реальности.

После мирового финансово-экономического кризиса, который потряс человечество, интерес к теоретическому наследию **К. Маркса**, как известно, стал весьма интенсивным. Маркса Шумпетер называет великим. Он указывает также на способность его теории к возрождению. *«Он был пророком, — пишет Шумпетер, — и для того, чтобы понять природу его системы, мы должны рассмотреть ее в контексте времени ее создания»* (с. 20). Что это было за время? Автор характеризует его как высшую точку самореализации буржуазной цивилизации, период механического материализма. Он считает марксистскую теорию продуктом буржуазного образа мышления. Вместе с тем Шумпетер отмечает убедительность и корректность попыток Маркса доказать неизбежность достижения социалистической цели.

Маркс, по словам Шумпетера, пытался раскрыть логику диалектического процесса исторического развития. Его инструментарий как социолога состоял

в первую очередь в овладении обширным историческим и современным фактическим материалом. Объяснение роли и механизма неэкономических мотивов и анализ того, как социальная реальность отражается в индивидуальной психике, являются существенным элементом и одним из самых важных ее достижений. По мнению автора, философия Маркса не более материалистична, чем философия Гегеля. Он, вместе с тем, полагает, что вопрос о значении феномена общественных классов остается открытым. *«Наша картина истории, — пишет Шумпетер, — вся наша интерпретация культурных форм и механизма общественных изменений будет изменяться в зависимости от того, выберем ли мы, к примеру, расовую теорию классов и подобно Гобину сведем человеческую историю к истории борьбы рас, или, скажем, основанную на разделении труда теорию классов в духе Шмоллера или Дюркгейма и сведем классовые антагонизмы к антагонистическим интересам профессиональных групп»* (с. 55).

Хотя Маркс определяет капитализм социологически, то есть на основе института частного контроля над средствами производства, механику функционирования капиталистического общества он объясняет с помощью своей экономической теории. Он сумел предсказать пришествие крупного бизнеса. Это было, по мнению Шумпетера, значительным научным достижением. Маркс искусно связал концентрацию с процессом накопления. *«Полагая, что эволюция капитализма в один прекрасный день разрушит его институциональную структуру, Маркс считал, что прежде произойдет фактический крах, функционирование капитализма будет наталкиваться на растущие трудности, обнаруживая симптомы смертельной болезни»* (с. 86).

Очерк, посвященный **Мари Эспри Леону Вальрасу** (1834–1910), не столь обстоятелен. Ему принадлежит теория экономического равновесия. Чистая экономическая теория Вальраса опирается на два условия: что каждая экономическая единица стремится увеличить полезность и что спрос на каждый товар равен предложению. Имя другого экономиста, **Карла Менгера** (1840–1921), связано с новым объяснительным принципом, который произвел революцию в экономической теории. Основная идея Менгера заключалась в том, что люди ценят товары, потому что нуждаются в них. Законы человеческих потребностей — вот все, что требуется для объяснения основных обнаружений всех сложных феноменов современной меновой экономики. Человеческие потребности являются движущей силой механизма любой экономики.

Шумпетер отнюдь не прибегает к бездоказательной апологетике экономистов. Его суждения иногда категоричны и суровы. Так, анализируя теорию **Альфреда Маршалла** (1842–1924), он отмечает, что время его экономической теории уже прошло. Однако его труды относятся к классике. Маршалл был первоклассным экономическим историком. Аналитическая суть «Принципов» Маршалла представляет собой курс по теории экономической статики. Они выражают четкость всей системы. Маршалл разработал те полезнейшие инструменты, которые знакомы каждому экономисту, — замещение, коэффициент эластичности, потребительский излишек, квазирента, внутренняя и внешняя экономия, репрезентативная фирма, прямые и косвенные издержки, долгосрочный и краткосрочный периоды. *«Завоевания Маршалла в обла-*

сти теории денег также могут послужить в поддержку тезиса, что вся его работа проникнута идеей создания теоретического аппарата, который смог бы эффективно обрабатывать статистические факты» (с. 161).

Вильфредо Парето (1848–1923) мы знаем как социолога. Однако теория циркуляции элит захватывает, безусловно, экономические процессы. Парето явился святым покровителем современной теории ценности, но также и «новой экономики благосостояния». Ему принадлежит блестящая теория издержек, которая выручает уязвимые азбучные теоремы о том, что в условиях совершенного равновесия или совершенной конкуренции цены должны равняться предельным издержкам, а общая выручка должна в то же время равняться общей сумме издержек.

Ойген фон Бём-Баверк (1851–1914), по оценке Шумпетера, полагал, что социально-экономический процесс основывается на принципах, своей простотой схожих с великими основами физики. Баверк стремился, как это следует из анализа автора книги, описать наиболее общие законы, которые проявляются в любой экономической системе, в любое время и в любой стране. Существование таких законов всегда и везде проистекает из сущности экономической деятельности, а также из объективной необходимости, определяющей эту деятельность. Парадоксально суждение Баверка о том, что все научные и научно-критические характеристики капитализма не имеют ничего общего с экономической сущностью капиталистического процесса производства. Ни частная собственность на средства производства вообще и на капитальные блага, в частности, ни система наемного труда, ни производство на рынок не имеют отношения к сущности капиталистического процесса.

Фрэнк Уильям Тауссиг (1859–1880) посвятил свою научную деятельность проблемам мировой торговли. Он *«одним из первых осознал, что экономическая теория как теоретическая часть любой строгой науки — это не хранилище рецептов и не философия, но инструмент для анализа экономических событий реальной жизни» (с. 297).*

Значительный интерес может вызвать также эконометрика **Ирвинга Фишера (1867–1947)**. В целом его работа идеально соответствует программе «продвижения экономической теории в область статистики и математики» и «унификации теоретически-количественного и эмпирически-количественного подходов». Вклад Фишера был, с одной стороны, систематизацией, а с другой — рационализацией, то есть созданием ряда критериев, которым должны были удовлетворять индексы. Так же он подошел и к вопросам капитала и дохода. Исходя из этих целей, которым должны были в реальности служить эти понятия, он рационально разработал набор определений богатства, собственности, услуг, капитала и дохода. Й. Шумпетер считает, что всеобъемлющая система экономической теории частично разработана в его работе «Норма процента». В частности, в этой книге прозвучали все основные составляющие теории денег. В Фишере кипела кровь реформатора. Ему нужен был простой план стабилизации покупательной силы, такой же простой, как его более поздние идеи, печатные деньги и сто процентов, чтобы убедить непокорное человечество.

В главных публикациях по экономическим циклам другой герой очерков Шумпетера — **Уэсли Клар Митчелл (1874–1948)**, перечисляя большое коли-

чество теорий и провозглашая готовность использовать предположения любой из них, довольно ясно давал понять, что он не собирается объединяться с ними. Над книгой «Экономические циклы», появившейся в 1913 году, Митчелл работал с 1905 года. Эта книга стала ориентиром для всей американской экономической науки, хотя и далеко за пределами границ США ее влияние на ученых трудно переоценить. Концепция экономических циклов Митчелла охватывала весь экономический процесс.

Знаковое имя — **Джон Мейnard Кейнс** (1883–1946) Он разработал объяснение современной теории стагнации — в отличие от той теории, которая была у Рикардо. Для экономистов «научного» типа Кейнс был прежде всего автором «Общей теории». Он выступал за стабилизацию национального уровня цен с целью стабилизации состояния бизнеса в стране. *«То понимание общества, которое Кейнс впервые описал в «Экономических последствиях мирового договора», видение экономического процесса, в котором инвестиционные сбережения продолжают существовать, нашло свое теоретическое выражение в книге «Общая теория занятости, процента и денег». Это было сделано при помощи трех понятий: функции потребления, функции эффективности капитала и функции предпочтения ликвидности»* (с. 383).

У Кейнса эволюция капитализма приводит к появлению статичного государства, которое постоянно находится на грани распада. Однако эта теория сильно отличается от марксовской. Тем не менее, у них есть одна общая черта: в обеих теориях распад провоцируется причинами экономического характера, а не факторами, находящимися вне экономического процесса. Благодаря этой черте, теория Кейнса естественным образом подходит на роль «рационализатора» антикапиталистических настроений.

Мы знаем, что после выхода книги «Общая теория» сформировалась кейнсианская школа. Во всей истории экономической науки лишь два учения имели такой же успех — физиократия и марксизм. До появления этой книги экономическая теория как наука становилась все более сложной. «Общая теория», считает Шумпетер, немного упростила ее и позволила экономистам снова давать людям простые, всем понятные советы.

Оценивая книгу Шумпетера в целом, можно отметить не только последовательно изложенную экономическую теорию в процессе ее становления. Обширный теоретический материал, приведенный в систему, отражает в основном «экономическую классику». Сегодня мир захвачен другими проблемами. Однако их решение невозможно без опоры на фундамент экономической теории.

Эльвира Спинова

Новые книги, которые могут вас заинтересовать

*Рубрику ведет кандидат философских наук
Эльвира Спинова*

Стёпин В. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011, тираж 1000 экз., 408 с.

В книге представлена оригинальная концепция культуры выдающегося отечественного ученого, академика Российской академии наук В. С. Стёпина. Культура рассматривается как сложно организованная, развивающаяся система надбиологических программ человеческой деятельности. Особое внимание уделено поиску ответа на вопросы, являющиеся значимыми для российского общества: как нам обрести свое новое лицо в конкуренции с Западом? Могут ли у нас быть созданы цивилизованный рынок и правовое государство? Какова будет судьба уникального российского феномена – интеллигенции? Куда идет человечество и что ждет Россию? Автор связывает поиск новых стратегий цивилизационного развития с базисными ценностями культуры.

Стремление соотнести западный опыт с традиционной почвой породило, по замечанию автора, два подхода: акцентирующий внимание на западных идеях и ценностях, и другой, полагающий главными особенности почвы, на которую эти идеи должны быть перенесены. Существовал еще один, весьма давний спор, касающийся проблемы переустройства России. Это был спор о способах и методах такого переустройства. Здесь сталкивалась позиция просветителей и сторонников постепенных реформ с позицией революционеров, которые так же, как и первые, принадлежали к российской интеллигенции. В современных дискуссиях о предназначении интеллигенции и ее отношениях с властью обсуждаются обе обозначенные темы, хотя, может быть, и вне их дифференцированного анализа.

Книга вышла в издательской серии СПбГУП, включающей сборники научных трудов наших современников — незаурядных представителей отечественного гуманитарного знания. Уровень их трудов делает их классическими при жизни авторов и исключительно полезными в университетском образовании.

Межуев Вадим. История, Цивилизация. Культура. Опыт философского истолкования. Санкт-Петербург. 2011, тираж 1000 экз., 440 с.

В книге опубликованы избранные научные труды известного российского ученого, профессора В. М. Межуева, отражающие взгляды автора на ключевые проблемы культуры и цивилизации. В. М. Межуев рассматривает философию как «время и пространство культуры», «способ самосознания человека в свободе», «диалог по поводу истины».

Автор характеризует национальную культуру в эпоху глобализации, приводит сценарии взаимоотношений культуры и государства. В книге анализируются перспективы России в поисках своей цивилизационной идентичности, возможности межкультурного диалога Росси и Европы, феномен «русской идеи», культурные факторы российской модернизации, проблемы и трудности продвижения России на пути к универсальной цивилизации.

В. М. Межуев отмечает, что понятие национальной культуры не имеет в научной литературе однозначного определения. За различными суждениями о ней порой трудно уловить, о чем, собственно, идет речь. Часто под видом национальной культуры защищают то, что ею вовсе не является, разрушая попутно ее подлинные обряды и святыни. Возрождают древние обряды и обычаи, когда никакой нации еще не было. Поощряют шоу-бизнес и массовую культуру и обрекают на финансовое голодание то, что входит в культурное состояние нации. Культурная архаика и массовая культура —

тоже, конечно, культура, но, по мнению автора, не национальная: с их помощью можно возродить традиции племенной жизни или приобщиться к космополитизму современного общества, но сохранить свое национальное лицо невозможно.

Гуревич П. С. Культурология в системе современного гуманитарного знания. СПб: СПбГУП, 2012, тираж 500 экз., 92 с.

Автор рассматривает культурные универсалии, определяя их как некие инварианты, которые повторяются в каждой культуре. Культуры бывают разными, но в ней всегда присутствуют универсалии. И в качестве этих универсалий авторы деятельностной концепции называют производство, общение. Однако в данном случае универсалии подменяются философскими категориями, а пространство, время, производство — не универсалии. Многие известные ученые уделяли внимание этой непростой теме. Универсалии — это формы человеческого существования. В качестве универсалий могут выступить, на взгляд автора, отношение к любви, игра как творчество, отношение к смерти и бессмертию — исключительно культурологические темы.

Многие современные исследователи приходят к мысли, что машина, которая стала идолом прогресса, может быть усовершенствована благодаря тому, что мы объединим ее с природой. Многие технические новшества были созданы во время наблюдения за живыми существами. Машина должна дальше совершенствоваться в состоянии неравного союза. Природа выйдет замуж за технику, но это «неравный брак», потому что природа стала, по утверждению автора, служанкой или сырьем, поделкой для огромного дизайнерского проекта, осуществленного сегодня на Земле. Увлечение техникой, создание машинной цивилизации — абсолютное безумие, в рамках которого предполагается переделать человека по лекалам машины, технологий и вообще лишить его природного естества. Будущий человек, согласно этим проектам, это не человек, это превозможение человека, это совсем другой антропологический тип. И антропологический ли вообще? Это будет очеловеченная машина.

Россия в диалоге культур (отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев). М.: Наука, 2010, тираж 800, 432 с.

Что происходит с российской национальной культурой в эпоху глобализации? Ответить на этот вопрос очень непросто, поскольку процессы формирования цивилизационного пространства, далеко не завершённые, сталкиваются с мощными тенденциями размывания границ национальных культур. Какие процессы, центробежные или центростремительные, возмут верх? Каковы альтернативные сценарии глобализации, обсуждаемые и выдвигаемые в незападных культурах, в том числе в России?

Обсуждению этих теоретических вопросов помогает детальное исследование отечественных философских традиций (почвенничество, европеизм, евразийство, русский авангард, космизм), изучение измерений современного российского общества.

Нынешние процессы глобализации инициированы западной цивилизацией. Означает ли это, что она диктует правила игры, или иные, незападные народы и культуры, подключившиеся к этому процессу или втянутые в него, скажут свое слово и предложат свои представления о том, как должна идти глобализация? Что такое «диалог культур», и может ли такой диалог стать одним из магистральных направлений глобализации? Не является ли движение к всечеловеческой — а не общечеловеческой — цивилизации стратегией, которая принципиально ставит вопросы о ценности культур и их соотношении, и не следует ли именно эту стратегию положить в основу размышлений о глобализации? Каковы представления духовной и интеллектуальной элиты так называемых восточных культур о процессах глобализации, и каковы ее «восточные» сценарии?

Эти и другие вопросы стоят в центре внимания авторов книги, обсуждающих опыт культурной инаковости и вырабатывающих ответы на вызовы глобализации в незападных культурах, в том числе и в России.

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseinov. WE MUST SET TO, COMRADES!

1. V. Putin's victory at the presidential elections seemed to bring in stability and predictability of the politics and to reassure businessmen. However, on the one hand, the end of election cycle in itself has settled no problem whatsoever. On the contrary, the multitudinous and costly enough social promises made by the president-elect, have just amassed the likely discontent potential considerably, for many of them are perceived not to be executed. On the other hand, after the elections, the politics are still remained quite unpredictable, incapable to turn about the capital outflow from the country into inflow. The power is still remains in the holdfast of several non-public groupings, struggling between which still determines the country's future.

2. D. Medvedev, even prior his taking the prime-minister position officially, in fact, publicly announced his government working program. He put forward the seven criteria to assess the efficiency of the executive authorities. First, the foreseen life expectancy is to go up by at least four years in the six-year-period. Second, the proportion of families with the below-cost-of-living income is to be stably less than 10% in the five-year-period, while the per capita incomes in the majority of families are to reach the middle class level, basically. Third, Russia is to come up in the international ranking on the ease of doing business from the 120th place to, at least, the 40th, and enter the first twenty no later than 2020.

3. The situation is still of the multiple choice. In the coming months, the events are most likely to develop under the lagging scenario, and the government popularity rating falling down is unforeseeable. But all might change dramatically by the Fall. First, the July 1 tariffs rise will boost the inflation and cause the drop the citizens real income. Second, upon entering into the affect (on July 1) the law on reform of state-financed organizations the educational, medical and similar institution are expected to sharply increase a share of their paid services.

4. All this shall trigger the populace discontent, not so much among the middle class, but rather among the needy. Since the authorities are expected to be incapable to put forward some rational program to remedy the developed situation, it is very likely, the hopes would be put on the irrational value approach, for instance, on more vigilant introducing the Orthodox conservative ideology and the image of the external enemy. This is by far not the best policy, for is inefficient in the long run and fraught with serious consequences beyond the high oil prices. The situation seems to be the one of which Gaydar (the writer) wrote, «We are just a night to stay on and a day to hold out...»

PRESSING TOPICS

Boris Chernyshev. THE ADEQUACY OF DECISION-MAKING IN RUSSIA:
REVIEWING ESSAY

1. The protest mass meetings of the citizens dissatisfied with the outcome of the State Duma general elections on December 4th, 2011, in the country's largest cities caused the governance to make hasty steps to reform Russia's political system. Mind you, it has been done, as always, without the analysis of the reasons, place, and role of the phenomenon in the general chain of socio-economic and political transformations of the past 20 years. It has brightly highlighted the main reason of the citizens' growing discontent, that proved to be a consequence of the earlier incorrect decision-making by the power.

2. Erroneous decision-making on major problems in post-Soviet Russia were of systems nature and could be explained with one thing only — Russian governance lacking the mechanism of the mechanism of adequate administrative decision-working-out. Alas, it had inherited of the Soviet past its the worst features — authoritarianism, secrecy, lack of independent (of the state) expertise to work out major decisions. All these, like in the 20th century, took a for subjectivity and voluntarism domination in decision-making, many-times repetition of the same errors of the past, failures in meeting the set goals.

3. The history and theory of working-out, passing and implementing the state decisions in monarchic, Soviet and post-Soviet Russia have not yet become neither research subject for scientists, nor independent course of study in the system of state employees training. Individual efforts by some Russian historians, politologists, sociologists, psychologists to study this complex problem have been still unclaimed by the governance. Lessons of Russia's 20th century historical experience in making and implementing state decisions proved to be unlearned by the society's modern political elite.

4. The practice of decision-making that developed in the post-Soviet period mismatches the requirements of Russia's further development in the 21st century. It is necessary to restore the role the state had played in the scientific substantiation decisions to be passed by the authorities, in providing for legible legal procedures in the state decision-making, in defining the place and role of the civil society institutions and the system of independent experts in it, in granting them the right to suggest and discuss alternative variants of the decision on the topical problems, in making the officials personally responsible for the decisions worked out by them.

Sergey Israpilov. ON STUDYING THE NATURE
OF THE «REVOLUTIONARY SITUATIONS» ORIGINS

1. Speaking of the personality crisis in the modern world, we have in mind «average» individual's forming up the characteristics that come to contradict the interests of the society and the state. This confrontation with the society and the state brings considerable problems into a certain individual's life. At that, the individual cannot decline the conflict with the society and the state, for he had been initially programmed on it by socialization. This is the fundamental tragedy of the personality in the modern world. At that, the state, that exercises socialization of the personality, carries out the socialization in such a way that deprives the personality of inner balance and harmony.

2. Political system's successes in developing the economy are directly related to its ability to bring up (socialize) the personality in such a way to get this personality be ultimately interested in his/her own progressing to economic success. The second important condition is the ability of the state (the concrete political system, elite, the leader, and so forth) to co-ordinate efforts of all participants of economic process so that to ultimately effectively provide for general economic progress and security.

3. As we see, the conflict between the personality and society is typical for many countries. Thus, the Western countries experience great demographic problems. Since the mid-20th century, the population of the West grows very slowly; its share in the Earth population decreases quickly. Some countries in the West are even depopulated. Gradually, this also leads to decreasing the West's share in the world economy, to decreasing its political influence. And, hence, this leads to the current economic difficulties. Russia is experiencing similar problems. But what really are the current demographic problems of the developed countries and Russia? In fact, they are a pure form of the conflict between the personality and society. The individualized personality has no wish to burden him (her) self with children and solid family. The society is too weak to convince the individual to behave otherwise.

4. Quite often depopulation is felt by the state mechanisms as one of the causes of decreasing the rates of economic growth, that is, as one among the many factors that are important, but still liable to be compensated by the other mechanisms. This results in considerable underestimation of the problem. The certain society dies out — this is an extremely important factor in itself, the reason to «sound the alarm». But the state says, No, there is no need to panic,

we can compensate the decrease in workforce by bringing in migrants and enhancing the economic activity of the manpower that is still available. This makes us walk into a semantic trap. Yes, from the state's viewpoint, the problem is being solved by these mechanisms. But, from the certain society's viewpoint, no, it is not, moreover, enhancing economic activity of the citizens by means of so many tools leads to deterioration of the birth rate situation. It looks like forcing the already overheated and outworn engine.

Experienced Abroad

Valentina Fedotova. THREE MORAL AND PRACTICAL LESSONS OF MODERNIZATION

1. Despite these starting positions, the Singapore government called foreigners to make no-tax-for-5-years investments. The English, Dutch, French, and later Americans came to the country and started to invest not in traditional industries, but in electronics and other hi-tech businesses. Singaporeans were good workers, and that was one of the important reasons of Singapore rising. Taiwan and Hong Kong were located close to China, where the cultural revolution took place, and the investors preferred Singapore. In the 1970s industrial and financial progress was already highlighted in the American press. The idea to turn Singapore, a third world country seceded from Malaysia, into the first world country was a dream to devoted a life. Of course, transition from the third world into the first one might be called modernization, even if it has been done for the first time and had no modernization theory to rely upon. Today, Singapore is the technologically advanced country, famous of its electronics, steel-casting, chemistry and petro-chemistry, producing special — red — gold, being sea logistics centre and financial centre, education, and so forth.

2. The Malayan business community building up was slow, but, still, is was being done. The political alliance of the Malayan, Chinese and Indian parties was fragile, ready to breakdown and confrontations. The military coup d'etat was being expected, but it had not come about. NEP liquidated the economic causes of racial collisions in the Malayan society. But for the Malaysians the NEP resulted in getting not 30%, but 20% in big business. But, in the period from 1987 to 1996, the national development policy maintained annual 8% growth rate of the economy in Malaysia. «The positive discrimination» in favor of the Malaysians had proved to be useful to all.

3. China's transition to the modernity, its intensive modernization is referred in the scientific literature as the occurrence of the first half of the 20th century — from 1900 to 1950. That was the time of China having become modern. The Chinese state of that period has been considered the subject of linear development of the country, of China's many-thousand-year history during which the specific «Chineseness», or Chinese identity, was being formed. In 1928–1937, China turned to industrialization, which today speedily renewed as the mega-industrialization that covers small towns and the countryside along the coastal line. This policy bears a contradiction between the territory and the population, creating domestic migratory flows out of large cities where unemployment is high, into the industrial areas where the migrants experience considerable hardships.

GEOPOLITICS

Tyberio Graciani (Italy). BRICS: THE FOUNDATION OF THE MULTIPOLAR WORLD

1. As to geo-strategy, it must be noted, that the BRICS countries congruence is indeed (and tends to) almost diagonal axis (from the eastern part of the Northern hemisphere — Eurasia — to the western part of the Southern hemisphere — Indo-Latin America) that, it may be said, is «asymmetric» to horizontal and vertical tracks of, correspondingly, the West — East and the North — South which we were accustomed to by political journalism in the periods of bipolar and unipolar world orders. The Northeast — the Southwest asymmetric axis based on three

cores — Eurasia, peak of Southern Africa and Brazil, in the mid— and long-term run would change strategic positions of the Western system led by the USA which is still the hegemon as far as the armed forces are concerned.

2. At the diplomatic, economic and military levels the BRICS countries group is somewhat disbalanced towards its Eurasian part. This situation provides for, at least, two options of development. In the first case, the disbalance, already in mid-term perspective, might become a strain factor inside this new politically coordinated group, due to Brazil and, perhaps, the South Africa coming back under the US wing. In the second — more realistic — case, the existing disbalance might become the cause to accelerate the continental integration of the South America, the centre of which being Brazil, Argentina and Venezuela. This is a desirable scenario, for it would strengthen the multipolarity that is in its consolidation phase now. In the second case, the weakest element of the BRICS countries group, namely, the Republic of South Africa, owing to its specific geographical position, under the conditions of the new world order would take up the function of geostrategic balance.

3. In spite of the fact the new group of countries came into being by virtue of obvious economic interests, still, it seems to develop in the direction of some more certain concept of interstate relations based on similar cultural substratum, which may be defined solidary, attentive to “public problems” and to specific interests of the different ethno-cultural communities living in these countries.

4. New prospects that the BRICS model of cooperation open, have to willy-nilly come face to face with the so-called global governance concept of Anglo-American school, which, in its turn, “being based on individualistic interpretation of society and the single — ‘democratic’ — outlook, rejects the diversity in the cultures of various peoples (except for the “civilizations collision” doctrine intended to manipulate their consciousnesses)”. Actually, the new model of cooperation which the BRICS countries promote, is a testimony of the UN coming to the end or redirecting, of declining or reorganizing such international organizations as the IMF, World Bank, and WTO.

Vladimir Dergachev (Ukraine). «GOLDEN AGE» OF THE CHINESE CIVILIZATION IN THE CONTEXT OF FEATURES OF THE CHINESE GEOPOLITICS

1. Well-thought-of monetary and financial policy has saved China of being sucked into the debt crisis “black hole” of the West. The US and EU strategic error was their belief in China’s becoming a world factory on the terms of West protectorate. The world systemic crisis showed the limits of the modern capitalism to live on credit and at the expense of using material and financial resources of third countries, including the new states of the criminal and corrupt democracy. But, eventually, the West would find ways to stabilize the economic situation. Among the most suffered, would find themselves the countries that got stuck between Euro-integration, desire to become a part of the West’s “rich paunch” and Eurasiahood. When the choice is limited to the geography — prospects to become raw protectorates of the West or China.

2. The Chinese economy’s «Golden Age» cannot last infinitely, especially in the deteriorating state of the world affairs. The stage of growth in China’s 40-year-old geopolitical cycle is coming to the end, that would lead to decline of the rates of growth. Escalating of domestic production, even complemented by large-scale infrastructural projects, has not brought the desired long-term effect. The state debt increased to \$2,8 billion. Remuneration of labor and well-being growth is accompanied by loss of competitiveness of the Chinese goods. That was why the Chinese businessmen began to establish the production capacities in the Fourth World countries (Bangladesh, Myanmar, the Central Africa and degrading post-Soviet states). China has not become the world economic locomotive yet.

3. China’s geopolitical power is made up, together with the political stability, military, economic, technological power, of the main component — strength of mind and the Great Order in the soul. China’s both foreign and domestic policies are subjected to the chief geopolitical purpose of reunion within the single borders of the civilization state. Pursuing its foreign policy, Beijing does not meddle in conflicts of the others and with dignity rejects the attempts of the

West to interfere in its home affairs. As the modern Chinese see it, the three collapsed empires — the Great Britain, Russia and Japan — have already been punished for their colonial policy in regard to the Celestial Empire.

4. If to sum up the positive results of the Chinese reform, its success accounts for, first of all, exceptionally effective capitalization of the main wealth — huge human resource. The industrious people, having lost no ability to be focused at the important affair, nor ability to be happy about the life, is looking ahead with optimism. As the Chinese proverb says, To yield fruits it is necessary to give them time to ripen.

FOREIGN AFFAIRS

Hans-Joachim Spanger (Germany). THE RETURN OF HISTORY? PUTIN, NATO AND THE THREAT OF A NEW COLD WAR

1. Russia conversely insists on legal guarantees that US/NATO interceptors would not be pointed at Russia's strategic arsenal. A mere political declaration, as offered by the West, is deemed insufficient. Moscow also calls for technical, quantitative or geographical limitations that would render the system incapable of intercepting missiles from Russia. It for instance asked Washington to guarantee that Aegis warships will never be deployed in the northern seas. Another option put forward is the permanent deployment of Russian servicemen at the European BMD facilities, something the US seems at least willing to consider, together with an enhanced information exchange.

2. In principle, these conflicting aims are hard to reconcile. Hence President Medvedev's harsh reaction on 23 November 2011 when he threatened appropriate counter-measures. There is, however, still a window of opportunity. The technological feasibility of missile defense is still rather doubtful and neutralizing a nuclear potential such as Russia's for the time being just fantasy. In addition, the time frame for BMD talks easily reaches until the onset of the third phase in 2020 and practical cooperation on transparency, joint exercises or the creation of centers to share data have proved much less controversial. These areas of practical rapprochement need to get consolidated and expanded.

3. According to its Strategic Concept of 2010, NATO will engage, "where possible and when necessary, to prevent crises, stabilize post-conflict situations and support reconstruction". The rationale for this decision is twofold: on the one hand, it responds to the needs of "territorial defence," as threats to NATO security are said to emanate far beyond its borders. On the other hand, it serves the purpose of stabilisation for the sake of international security. In actual fact, NATO operations in recent years have mostly taken place far beyond its traditional perimeter: in the former Yugoslavia, in Afghanistan and most recently in Libya. Syria seems next.

4. Whereas Putin accuses NATO for its disregard of state sovereignty as undermining international security, NATO accuses Russia for its disregard of fundamental human rights as undermining international peace. In the case of Syria this exchange has become particularly bitter — and revealing. Both are inspired by a value-based prescription for conflict resolution via regime change versus consensus-building; both follow geostrategic considerations, getting rid of a long-standing opponent versus paying tribute to a long-standing ally; and both carry the baggage of uneasy allies, Saudi Arabia and Al Qaeda in the case of NATO, Iran and Hizbullah in the case of Russia. These inherent contradictions are not exactly conducive to mutual accusations but rather call for mutual understanding.

THE ISSUE'S MAIN TOPIC: MIDDLE EAST

Vladimir Karyakin. ARE SAUDI ARABIA AND QATAR THE NUNCIATES OF NEW ARAB KHALIFAT?

1. As the historical experience of the recent decades shows, the Arabian monarchy's adherence to the fundamental Islamic values does not prevent their elites to closely cooperate with

the Western countries to jointly solve geopolitical problems. Saudi Arabia is a vivid example of this, being the custodian of the Muslim shrines, it, from the day of its establishment, always followed the foreign policy of the West in the Near East. In 1980s, the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) together with the United States assisted mujahedeens of Afghanistan in their fighting the Soviet Union under the slogan of the struggle against communism.

2. Provoked by information attacks on the Arab societies through social networks, the Near East revolutionary tsunami has proved that the skilful combination information and political technologies became some kind of «fuse» that blew up the Arab world social atmosphere. Practically in all the countries involved in the Arab Orient whirlpool of events, the crowds «revolutionary flash-mob» was organized by distributing messages on supposed meetings and protest actions through social networks, e-mail and mobile phones. At that, if to take into account the fact that the servers of the Facebook, Twitter, Hotmail, Yahoo and Gmail electronic networks operate in the USA and are under the American special services control, it is easy to conclude who is really the initial organizer of those «revolutionary actions».

3. Russia needs to remember, that Moscow's ties in the Arab world, worked-out during the Soviet epoch and preserved nowadays, cannot be useful to prevent the anti-Russian activities of the radical Islamists and their sponsors. The matter is, these ties were, in main, established by authoritative secular regimes that are doing away from the regional political arena now. At that, the Russian expert community note, in the Near East, not just pro-Russian-oriented regimes are suffered defeat in the struggle for power during the Arab Spring revolutionary events, but the Western-kind liberals (agents of the West) as well.

4. As to Russia's foreign policy in the context of the events taken place in the North Africa and in the Near East within 2011, it is needed to point out that the 25-year-old partnership with the West brought Russia no substantial dividends. The events in Libya and Syria showed, that the West still does not consider Moscow the equal-in-rights partner. The US and its allies military interventions in Iraq and Libya proved, that the Russian corporations suffered great losses in those countries, despite the Russian Federation's positive-neutral position in the United Nations Security Council at voting the corresponding resolutions.

Sergey Demidenko. SYRIA: A NEW MID-EASTERN HOTSPOT

1. To Syria, the «Gulfians» have tried to apply the same scenario, as they did against Libya. «To rise tide of discontent» within the League of Arab States, the LAS, (this international organization has for a long time been under the influence of Cooperation Council for the Arab States of the Gulf member-states), and then get the NATO involved in solving the Syrian question. But they experienced a severe disappointment in that. Russia has stood up against any armed intervention in the Syrian affairs, for it was concerned about the radical Islam strengthening on the global scale. The West also was not particularly interested in waging a military operation in Syria.

2. In Washington and Brussels, they are coming to more clear understanding, that the only force capable to lay claim to the power and influence in Syria are the Islamites. In case they were victorious, the country would plunge into the gulf of chaos (the religious radicals would start prosecuting the Alawis, Christians and Drusen, that caused the reciprocate forceful measures on the part of the religious minorities). This chaos would immediately splash out of the Syrian borders, covering Lebanon, the Central Iraq, Jordan. The Israel's interests would also threatened — in case the al-Assad regime fell, the Jewish State would find itself face to face with the raging of the religious extremism at its northern and northeast boundaries.

3. Comprehending the importance of the Israeli factor for the Near East situation, the West is reluctant to intervene into the situation in Syria. So, the question of a NATO contingent attempting the military action against the Bashar Hafez al-Assad regime is still opened. It most likely will remain opened for a rather long time (more so, when the Libyan drama, the immediate consequence of the Western intervention, is being developed now before the eyes of Europe and the USA). At that, there is no need to suggest, the West would completely refuse to exert pressure upon Syria. By no means. The matter under question is just the direct military involvement which is, at the moment, undesirable to the West, and outright dangerous to Israel.

4. The special attention should be paid to Russia's position. It is due to the policy our leadership have followed currently that the Western governments are able to try on "white tails" before the eyes of their own public, referring their unwillingness to stand up for the Syrian people allegedly being destroyed by the tyrant to Russia's position in the affair. Saying they have been willing, but Russia came in the way. Today, after the international mission of observers arrived to Syria, the situation around it became less tense a little. But it would be wrong to think the lull to last for long. In a month or two (if not even earlier) the al-Assad regime would be blamed of its unwillingness to meet some Kofi Annan's plan provisions, and all the turmoil would gain the doubled force. For much too great is the desire of Saudi Arabia and Qatar to become the only leaders in the Arab world.

Maxim Bratersky. THE IRANIAN CRISIS IS TO BE SETTLED IN SYRIA?

1. If to fancy Iran sharing the Western values and aspiring no changes in the current political posture in the region, it could be suggested that its nuclear program would have been perceived by the United States and Europe with smaller fears as well. What could become the indicator of such a reconstruction of Iran's foreign policy? In the first place — the refusal of confront Israel, including refusal to support Hezbollah and Hamas; in the second — the refusal to intervene into the internal affairs of Lebanon and Iraq, and just in the third — the refusal of the nuclear program. In this view, the core problem is impossibility for Iran to refuse the such policy without having the nature of its political regime changed.

2. The West would have been satisfied with any regime in Iran, from the democratic to authoritative one, provided that regime were not based on the ideas of opposing to the developed status quo. And vice versa, until the Muslim clergy, president-ultranationalist and the special services rule the country, the prospect of their acquiring the nuclear weapon shall be absolutely unacceptable to the guarantors of the modern international system stability. From the point of view of the West, Iran rocks the boat of the world and regional political system. If it rejected that main core of its policy, then its local regional ambitions could have been taken with a milder view (except, of course, the issue of Israel), and even used to play on the contradictions between the countries of the region.

3. Along with the developments in Syria, there are some other processes concerning Iran that are being developed in the Greater Near East. The press is full of leaks on the Israeli Air Forces intended attacking the Iranian nuclear facilities, on Israel looking for bases of aircraft refueling in Caucasus, on computers game scenarios of military actions against Iran. One point deserves to be mentioned: the US strategy of the departure from Afghanistan, declared by President Obama, provides for US preserving several big military bases and considerable military personnel in the country. It is clear, these bases could be brought into play in various projects, but the Iranian one seems to be the most obvious. The pressure upon Iran seems to be mounting from all directions.

4. Apparently, neither Israel, nor the United States, have come to the final decision, yet, on their further steps concerning Iran. As of today, practically, the whole US non-military foreign policy arsenal is being used against Iran: oil and financial sanctions are undertaken against it, and its the only ally is being confronted in coordination. President Ahmadinejad's position inside the country also seems less confident, than before. There is a high probability of the Iranian crisis to be settled now with no direct intervention by the Israelis and Americans. The outcome of the Syrian events might be indicative to us of the way the events are to be developed further on.

ECONOMICS & FINANCE

Valery Paulman (Estonia). THE LOGIC OF THE CRISIS
(OUTLINES OF THE FIFTH STAGE)

1. The current, the sixteenth in succession, world economic crisis has already gone through the four stages. The initial stage, which was characterized by considerable excess of the mon-

etary offer in relation to the GDP due to speculations and roguish operations, the crisis could not helped to be transformed into various sorts of numerous «bubbles» in the world markets. In financial sector, there appeared more and more new kinds of financial assets derivatives (securities secured with mortgage credits, insurance of non-payments under credit, and others derivatives). Speculative transactions with derivatives, portfolio investments, currency, oil, metals, the foodstuffs were being done in fantastic scale.

2. Concurrently, the debts of consumer, corporate and state sectors in relation to the national income grew, too. Availability of cheap credits encouraged the people to buy their own houses. But, by far, not all the households were able to pay off the mortgage, and that became an immediate cause of the financial crisis that burst out in the USA, in 2007. Many American and European banks began to get rid of risky securities. Everywhere the demand for them fell so abruptly, that the money of banks and hedge-funds, invested in such assets, were quick to disappear, that brought in the chain reaction of bankruptcies in the financial sector. Many biggest American and European banks claimed the enormous losses already in their 2007 reports.

3. There is a danger of the problems of the United States and Europe being aggravated. Their traditional competitive struggle is shown not just in the dollar vs. euro confrontation, but also in quite often conflicts over the taxation of financial transactions, rules of conducting short-term trading operations with securities (the so-called Volcker Rule), methods of struggling the crisis consequences, etc. Recently the Finance Minister of Germany, Wolfgang Schäuble, stated, that the US administration should stop to interfere in the economic policy carried out by the European Union authorities. Instead, the Americans are to concentrate on the solving the economic problems of their own. The Finance Minister of Germany noted, that the economic problems of Europe have no connection whatsoever with the difficulties the USA experience.

4. The forthcoming, the fifth, stage is prepared by all the previous development of the crisis, it grew ripe throughout 2007–2011. It is safe to say with confidence, that the world economy enters a dangerous phase. The gist is, at the new stage many factors would alloy together — high rate of chronic unemployment; the crisis of the sovereign debts sharply reducing abilities to support the private sector; instability and fragility of the bank sector negatively affecting bank loans to enterprises and consumers; speculative operations in all kinds of markets; the most severe competition between commodity producers at all levels; decline of the solvent demand of many subjects of the world economy; disbalances in the world economy, etc. At that, none of the previous four stages of the current global economic crisis gave evidence of similar phenomenon.

Valery Bondarenko (Belarus). THE SPONTANEOUS KEYNESIANISM IN THE POST-SOVIET ECONOMY: THE BELARUS EXPERIENCE

1. In Belarus, they are purposefully keeping the state property's share very high. The state sector includes the unitary enterprises dominating in the key industries of the economy (electric power engineering, oil refining, defense industry, mechanical engineering, chemical industry) in which the state owns over 80-percent share. Besides, there are mixed joint-stock companies, where the state owns the controlling stock. Only in consumer trading and servicing, the share of the privatized enterprises goes up to 70%. It is of general opinion that in the neighboring countries the most delicious «tidbits» of once all-people's property went to the oligarchs, while common people and the society as a whole not just get nothing from the extortionate privatization, but became even poorer.

2. The state planning is thought to be the important means of implementing the state economic policy. The most seriously meaningful is the annual Prognosis on Socio-Economic Development of the Country and Basic Directions of Monetary and Credit Policy. The prognosis of the country's national economy development includes 16 basic macroeconomic indicators — from the GDP growth to the average salary growth. To meet the prognostic indicators is not just a reference point to the government and the sectoral ministries — they are their planned task. If some minister or director fails to meet this «prognosis», he/she might be

relieved of his/her post, which were not infrequent occurrence in the 1990s and early 2000s, with the 'summing up' made at the live TV-coverage — to the viewers' delight.

3. The salary and pensions are the subject of the state planning: the corresponding rates are annually approved by the leadership and included in the state Prognosis (i.e. the plan) on Socio-Economic Development of the Country. The president executes personal control over this matters, and he is rather strict in any case of untimely salary payments, especially in the countryside. Thus, many a top-manager, including a prime-minister, get sacked for failing to meet the planned rates in this sphere. After that PM's resignation, his successor was quick to "instill the order" — though in 2 to 3 months the debt on the salary payments increased even more.

4. The economic consequences of the administrative «pumping» of the populace incomes are controversial enough. On the one hand, quite in accordance with Keynes's prescription, high incomes stimulate the aggregate demand, which is important for the economy's real sector. The inner demand, unlikely the outer one, is much less liable to market condition fluctuations, the fact being convincingly proved by China's (and other countries') example in the days of the world crisis. But, on the other hand, the centralized planning of the salary growth without coordination with economic prerequisites, (labor productivity, produce competitiveness, etc.) becomes too heavy — sometimes backbreaking — a burden for the enterprises and the economy as a whole. That was fully convincingly proved in Belarus'es currency-financial sphere in 2011. The salary growth means growth the cost price of production goes up while its competitiveness decreases, and very often — at the unchanged quality.

«ROUND TABLE»

THE POLITICAL MYTHOLOGY

The participants in the discussion were Professor V. A. Loukov, Dr.Sc. (Philosophy), the Deputy Rector on Researching and Publishing — Director of the Institute of Fundamental and Applied Studies at the Moscow Humanitarian University; Academician of the Russian Academy of Education, Professor L. P. Buyeva, Dr. Sc. (Philosophy).

The Round Table is hosted by Professor P. S. Gurevich, Dr.Sc.(Philosophy).

The following questions were under the discussion — During discussion following questions were discussed:

1. When and why has the political mythology appeared?
2. What was the role the political mythology played in history? In what is it beneficial — or harmful?
3. What political myths have been spread throughout our country today?
4. May the myths be depoliticized?

PUBLICATIONS

*Gennady Bocharov. THE EARTH AND THE SKIES.
ON THE FLIGHT SAFETY — AGAIN AND AGAIN*

1. The last year's number of wore-out home-made planes is depressing. Already, Brazil produces thirty times more passenger planes a year, than Russia. Already, 89 percent of the air traffic in our country are served by the West-made planes. The country's ground-based industry till now produce the equipment designed, as the decades ago, for the aircrafts equipped with no modern avionics. With the same trend progressing, it will take no more than 2 or 3 years when the phrase — bright in wording and true in essence — of the aircraft capability to pull the country out of technological and economic backwardness would become absolutely meaningless. It would be the aviation then to be pulled pull out trouble.

2. When the aviation development had gained the explosive character, the scientific research priorities began to change. The aeronavigation branch of the researches was displaced

to the background. Meanwhile, the number of planes, as well as air passengers, steadily grew. Flight safety issues have sharply become aggravated. The air traffic control has demanded adequate activities. The aeronavigation service has become of paramount, vital importance. Under the aegis of the Civil Aviation scientific research institute the Experimental Research Centre on air traffic control automation was set up. A most terrifying accident in the Sheremetyevo airport became the last argument in favor of the ERC urgent setting up.

3. Today, the idea soaring in air with no apprehension of the real state of affairs is considered senseless. Moreover — harmful and dangerous. Inevitably, the consequences would be the perpetual technological lagging behind the West; brain drain as far as the best very special experts from both institutes are concerned; decline of the industry science; reduction of the works under the program on returning to life hundreds of Russia's regional airdromes which the State Aeronavigation scientific research institute revival undertook to restore, and which no one — neither the industry, nor government, nor sponsors — would recollect in many years to come. Saying nothing of many-a-year organizational jumble that our country happened to experience almost at every cumbersome partition or merger.

The unknown pages of the WW2

Vladimir Roschupkin. JAMES DOOLITTLE'S SPECIAL MISSION

1. It is known, America entered into the World War Two after the sudden Japan's (Nazi Germany ally in the Far East) attack on the American naval base at Pearl Harbor, Hawaii, on December 7th, 1941. Next day, US president Franklin Delano Roosevelt addressed the Congress, announcing that on «December 7th, 1941, — a date which will live in infamy — the United States of America was suddenly and deliberately attacked by naval and air forces of the Empire of Japan». But the story has a continuation, as well. It has been traced in our country, specifically, in the Far East and Ural. This is the subject of the exclusive documentary narration, in which many facts are disclosed for the first time.

2. The US military command, by the president's order, worked out an operation that was extremely difficult from purely military point of view. Its task was to strike an air blow upon the capital and other large cities of the Land of Rising Sun, thus showing, that Washington had not forgotten and had not forgiven the Japanese attack over Pearl Harbor. But the risk of air strike upon Tokyo was tremendous, at that time. As a matter of fact, the American strategic air forces had no bases at the Pacific continental and west-coastal areas, nor on the islands due to the massive military expansion of Japan into the Asian-Pacific region. Then the Pentagon resolved to strike a blow on the Japanese capital by means of overland bombers being deployed on an aircraft carrier. Roosevelt was well informed about the operation has approved it as Supreme Commander-in-Chief.

3. But this daring plan had both pluses and minuses. Pluses were by far greater range of action and bomb load of the overland bombers, than the aerocarrier-based ones. So, the army B-25 Mitchell aircrafts, assigned for the mission, could take off from an aircraft carrier at the distance of 500 miles from the Japanese coast to secure the secrecy of approaching. The crafts were equipped with additional fuel tanks, and each fighting vehicle was loaded with about a ton of bombing cargo. The minus was Mitchell's too heavy take-off weight and its too big size for the take-off deck of Hornet, the carrier assigned to the mission. The B-25s, upon the completion of the mission, would fail to come back, for the aircraft carrier had no necessary equipment to secure their landing on the deck. Besides, they just had not fuel enough to fly back to the aircraft carrier that would have to immediately head for the east, after the Mitchells fly off.

*Yelena Komleva. PABULUM FOR REFLECTION:
GEOLOGICAL, ECOLOGICAL AND POLITICAL ASPECTS
OF THE NUCLEAR WASTES STORING AND BURYING*

1. Russia is willing to deploy international nuclear underground storages for solid highly active materials. More so nowadays, for after Fukushima the Rosatom's expected foreign prof-

it on APS construction may tend to zero, while the profit on APS dismantle with wastage groundwork is going to increase. Russia's drive for international storages has been made up long before Fukushima. The problem, as applied to Russia, is being studied at the level of the Russian and US academies of sciences official commission. The legislative base has been prepared; international conferences on the subject were held in Moscow under the aegis of the IAEA in 2002 and 2005. The system integrator on servicing the foreign atomic power stations, the Rusatom Service Closed Joint-Stock Company was set up. Such storages are planned to locate in the Semipalatinsk landfill and in the Chernobyl zone. In the Western Europe, the idea of this kind of cooperation is promoted by the Association for Regional and International Underground Storage (ARIUS).

2. The most advanced Russian underground options deal with the sites near Krasnoyarsk, Chelyabinsk and Krasnokamensk. The military-industrial objects to which now the storages are "tied-up" with, long ago were located far not by geological nor economic criteria. The safety of geological (so they are also termed) storages is determined, primarily, by the quality of rock massifs and the conditions of their long-time existence. The Fukushima tragedy that was triggered by the geological process, immediately brought to naught the meaning of reasonable expenses on construction that ought to secure the station's safety. The time has not come yet to objectively assess the "cosmic" costs to remedy the consequences of that tragedy. For some reasons, it is erroneous to apply in new time and to a new problem the former approach. Therefore, the main arguments on location and technology of the storages, alongside with political and economic ones, should be provided by international geology.

3. Both the USSR and Japan (in part, the USA as well), in different times, failed to avoid national nuclear catastrophes. There is a great risk of terrorist initiating (the Mediterranean «tsunami») such catastrophes for some countries in the Western Europe, considering their belligerent policy in the southern regions rich with hydrocarbons. The reality of this and some new, from within, challenges to Europe was proved by the 2011 act of terrorism in Norway and the mentality of the Norwegian terrorist who does not exclude at all that the nuclear objects might become potential targets for his type of ideological fighters. Combining efforts and increasing the safety are the most important preconditions of constructing international underground nuclear storages in the suitable rocks, at the junction point of countries or, otherwise, in remote areas hard-to-access for non-authorized visiting (Pechenga, Norilsk/Bilibino, Krasnokamensk).

Philosophy and politics

Arinuaa Zhashinbashyn (Mongolia). BARRIERS OF THE MULTICULTURISM

1. Presently, the trends of cultural globalization make us be thoughtful on the issue whether the globalization indeed is steamrolling the national cultures or they are resisting it within their powers. Obviously, the modern culture is gaining all-the-more global characteristics. The world globalization is not limited to consumers, living in different territories, buying identical cars, clothes of the same brands, their using standard utensils and home appliances. The compositions of the same singers (Madonna, Britney Spears, Lady Gaga) are sung in various parts of the world, the same films are run by the national distributions, and the people switched into information networks follow the same political and sports events.

2. Each culture has its deep foundations that would yield to dissolution with a great difficulty. It is not a rare phenomenon, when specific, very often even controversial, value complexes are used to substantiate this or that cultural program. For instance, the man of the antique world has got used to spending the earned money for his own needs. As much as he earned that much amenities he ought to get. The very idea of saving, that is leaving money for an evil day, would seem strange to him. He who did save felt himself not quite comfortable. Unwillingly, he had to find himself in a neurotic situation. Creditors were all the time suffered from the dictatorship of the common cultural traditions that condemned «living ahead».

3. We are facing a very uneasy problem — having saved the foundations of the Russian civilization, its historical and cultural identity, to concurrently make it viable, modern, corre-

sponding to the mentality and way of life of present-day generation of the Russians. Both extremities — either to survive, but cease to be the Russians, or to die and be pushed aside to some marginal strip of the modern world. Will the present-day generation be able to keep the Russian civilization identity alive? On the one hand, the contemporary Russian society is characterized by strengthening the conservative tendencies both in the politics, and in the mass consciousness.

4. On the other hand, the Russian society, by very significant characteristics, is increasingly moving away from the traditional culture and traditional values. The centuries-old archetypes still perceiving in our present-day mentality are coupled with definitive and irrevocable destruction of the traditional way of living. The contemporary society is more likely to be characterized as experiencing the «crisis of groundlessness», rather than triumph of antiquity and traditions. The New Russian Order is any thing whatsoever, but not coming back to the sources, not regenerating the Russian civilization. This is the triad of values — order, justice, and stability. The topicality of the democratic values is understated.

BEFORE AND AFTER «MAY '68»

«The Left Intellectual» and his Revolution

Valery Podoroga interviewed in the office of the Russskiy Reporter
(The Russian Reporter) magazine

1. Obviously, there is something fast, instant, destructive and something retarded, moderate, cooling down in the development of revolutionary events. Something similar to the punishment for previous fastness and suddenness. Retreat, apathy, disbelief. I mean the counter-revolutions that in their longevity and cynical practicality always surpass revolutions. Gradually, they destroy everything that seemed revolutionary before, they reduce the former elevated feelings to some laughing-stock. In other words, counter-revolution is a part of the revolutionary process. The European intellectuals have been for long exchanging the ideas of «Communism» and carried away by this game. They paid no heed, nor wished to pay any heed to the Stalin counter-revolution which with the incredible cruelty crushed everything living, like a tank, burnt down the revolutionary values. For quite a long time, the USSR was almost the model of the real Socialism. In the West, many left-wing intellectuals trusted in this up to the late 1950s, till the Khrushchev exposure of Stalin's cult of the personality.

2. After May 1968, the cultural space demarcation increases, it began to influence the higher education system, mass communications, and education strategies. On the one hand, the humanitarian knowledge becoming a mass-thing and, hence, having lost elite character. On the other hand, the humanitarian studies bisque changing their political status, that was used to their advantage by the ruling elite and patrimonial French aristocracy. Now the non-conventional university education gives access to the highest echelons of power, and the knowledge gained at the «bigger schools» (the Higher School of Administration (EHA) and the Higher Polytechnic School). These schools not so much give knowledge, but rather train the ability to rule; they prepare pure functionaries of the political and industrial bureaucracies. The ruling power have not just quickly regained their lost positions, but also improved them to a great extent.

3. The Red May is the last revolution in the modern European history. There are two kinds of bursts, they are qualified as 'explosion' and 'implosion'; the first, explosion, is an opened one, it crushes all around and sweeps everything out of the way; the second, implosion, is a hidden one, it is similar to an outburst in coal mine sleeves — nothing is seen on the surface, but the powerful blast wave moves under the earth, without much destructions due to insignificant obstacles in its way, giving a severe test to all the mine timbering. The big earthquakes are another matter. Sometimes, we call the hidden implosion reforming. The feeling of a threat becomes more acute, and if nothing is done something would have to happen... Therefore, society is under constant reforming to relieve the pressure that might bring in the mass discontent, or «revolutionary outburst». The opened explosion is a manifestation of solving the acute problem by means of the direct actions. So, the May 1968 revolution was such an explo-

sion, it immediately put into question many «gains» of the 19th. But the revolutionaries themselves have just duplicated the method of the previous century — at first to act and to see thereafter.

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. STAGES OF DEVELOPING THE ECONOMIC THEORY

Joseph Schumpeter. Ten Great Economists from Marx to Keynes. M., 2011. 416 pp.

1. All the biographical and theoretical essays in the book cover the lives and works of the classics of the economics who worked in the second half of the 19th — the first half of the 20th centuries, and the majority of whom Schumpeter knew personally. The names of some economists whose heritage is analyzed in the book are unknown to our readers. However, some well-known scholars may also be mentioned — Marx, Pareto, Keynes. The book, of course, is manifestly subjective in many things, but, in general, the readers are presented with the history of developing the economic theory. To Schumpeter, the progress of the economics as a science depended upon the way this or that scholar used in the real economic processes and what methods he applied to understand the certain reality.

2. Schumpeter does not resort to unsubstantiated apologetics of the economists at all. Sometimes, his judgments are categorical and severe. Thus, analyzing Alfred Marshall's (1842-1924) theory he claims that the time of his economic theory had already gone. But, still, his works are the classics. Marshall was the first class economic historian. Marshall's *The Principles* main analytical point is in itself the course on the theory of the economic statics. It reveals the accuracy of the whole system. Marshall worked out those most useful tools that are familiar to every economist — replacement, elasticity factor, consumer surplus, quasi-rent, inner and outer saving, representative firm, direct and indirect costs, long-term and short-term periods.

3. In the book, Irving Fisher's (1867–1947) econometrics is also of considerable interest. In general, his work is ideally corresponded to the program of “advancing the economic theory into the sphere of statistics and mathematics” and “unification of the theoretical-quantitative and empirical-quantitative approaches». Fisher's contribution was, on the one hand, systematization, and on the other — rationalization, that is setting up some criteria that the indexes have to satisfy to. He applied the same approached to the capital and income issues. Proceeding from the purposes to which these notions are to serve in reality, he worked out the rational set of definitions of the richness, property, services, capital and income. According to J. Schumpeter, the universal system of the economic theory has been partially developed in his work on *The Rate of Percent*. In particular, that work acclaimed all the basic components of the money theory.

4. Making the general assessment of Schumpeter's book, it might be noted not just the logically presented economic theory in the course of its development. The systemized extensive theoretical materials refer, in main, to «the economic classics». Nowadays, the world is fascinated with other problems. But they are unable to be solved without relying on the foundation of the economic theory.

New books that might be of interest

Reviewed by Elvira Spirova

Styopin, Vyacheslav. *Civilization and Culture*.
St.-Petersburg, 2011, circ. 1,000 copies, 408 pp.

The book introduces the original concept of culture worked out by the outstanding Russian scholar, Academician of the Russian Academy of Sciences, V. S. Styopin. The culture is seen as the complexly organized developing system of super-biological programs of human activi-

ties. The special attention is given to finding out the answer to the questions that are important to the Russian society — how are we to acquire our the new face competing with the West? Are we able to set up the civilized market and state ruled by the law? What is the destiny the unique Russian phenomenon — intelligentsia? Where the mankind is heading and what awaits of Russia? The author connects the search of new strategies of the civilization development with the basic values of the culture.

Mezhuyev, Vadim. *History. Civilization. Culture. Essay on philosophical interpretation.*
St.-Petersburg, 2011, circ. 1,000 copies, 440 pp.

The author assesses the national culture in the epoch of globalization, adduces the scenarios of inter-relations between the culture and the state. The book is to analyze Russia's prospects in searching the civilization identity, possibility of Russia — Europe intercultural dialogue, the phenomenon of the Russian Idea, the Russian modernization cultural factors, the problems and hardships of Russia's advancement on the way to the universal civilization.

Gurevich, P. S. *Cultural Studies In the System of Modern Humanities Knowledge.*
St.-Petersburg, 2012, circ. 500 copies, 92 pp.

The author examines the cultural universals, defining them as some invariants that are repeated in each culture. Cultures differ, but there are always universals in each of them. The adepts of the activities concepts recon the production and communication among the universals. However, in this case the universals are substituted for philosophical categories, while the space, time, production are not universals. Many known scholars studied this complex subject. The universals are the forms of human existence. The author is of opinion, that the attitude to love, playing as the act of creativity, attitude to death and In quality универсалий can act, at a sight of the author, the relation to love, game as creativity, the relation to death and immortality — these purely scientific-cultural terms — might well serve as the universals.

Russia in the Dialogue of Cultures
(Ed. by A. A. Guseynov, A. V. Smirnov, B. O. Nikolaichev).
M: Nauka Publishers, 2010, circ. 800, 432 pp.

What is happening to the Russian national culture in the epoch of globalization? It is not easy to answer this question, for establishing the civilization space, that is far from being completed, face the powerful trends to wash the borders of national cultures out. What processes, centrifugal or centripetal, are to come out on the top? What are the globalization alternative scenarios that are discussed and suggested in the non-Western cultures, Russia's including? To have a discourse on these theoretical issues is helped by the detailed study of the Russian philosophical traditions (Pochvennichestvo, Europeism, Eurasism, Russian Vanguard, Cosmism), learning the studying modern Russian society dimensions.

ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Валерий Семенович (*Беларусь*) — кандидат географических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации.

Выпускник МГУ им. М. В. Ломоносова. В конце 1980-х годов — докторант МГУ и консультант Инновационного Совета при Правительстве РСФСР. В начале 1990-х годов — сотрудник Администрации Президента РФ. В середине 1990-х годов — начальник управления экономики гомельского горисполкома.

Бочаров Геннадий Николаевич — член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира.

В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ТАСС, политическим обозревателем «Известий» и «Российской газеты». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках».

В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премии Союза журналистов СССР, премии им. Михаила Кольцова; премии им. Владимира Гиляровского, премии Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетных знаков им. Ю. Гагарина, академика С. Королева и т.д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды.

Недавно Г. Бочаров «по совокупности творческих достижений» был удостоен премии Союза журналистов Российской Федерации «Золотое перо России».

Книга Бочарова «Русская рулетка» в начале девяностых годов стала подлинным мировым бестселлером — ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Г. Бочарова — человек преодолевающий. Лучшие работы Г. Бочарова составляют учебное пособие — книга «Чистые вершины» — для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык.

В течение последних 20 лет Г. Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

Братерский Максим Владимирович — российский востоковед и американист. После окончания Ленинградского государственного университета начинал переводчиком с восточных языков, затем работал научным сотрудником в Институте США и Канады, затем преподавал в Стэнфордском университете.

В настоящее время работает в Государственном университете — Высшая школа экономики. Сфера научных интересов включает анализ американской и российской политики в отношении «проблемных» государств, вопросы распространения ОМУ, региональные конфликты в Азии. В 2006 году защитил докторскую диссертацию.

Грациани Тиберио (*Италия*) — главный редактор итальянского журнала «Евразия. Обзорение геополитических исследований» (*Eurasia. Rivista di studi geopolitici*) и библиотеки «Геополитические тетради» (*Quaderni di Geopolitica*), директор Института изучения геополитики и смежных дисциплин (*Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie*), соучредитель Института изучения Среднего и Дальнего Востока имени Энрико Маттея (*Istituto Enrico Mattei di Alti Studi per il Vicino e Medio Oriente*), в котором в 2007–2008 гг. занимал должность замдиректора. Тиберио Грациани часто выступает с докладами на сам-

митах Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» (World Public Forum «Dialogue of Civilizations»). В течение многих лет преподавал в университетах Перуджи и Л'Акуилы (Италия). Преподавал в представительствах Института внешней торговли Италии в разных странах — Узбекистане, Китае, Индии, Ливии, Аргентине.

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008). Соредактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия-Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контурь недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Демиденко Сергей Владимирович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа, кандидат исторических наук. Специалист по сепаратистским и экстремистским движениям на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Дергачёв Владимир Александрович (*Украина*) — русский геополитик, профессор, доктор географических наук, основатель Интернет-портала «Институт геополитики». На основе разрабатываемой профессором Дергачевым геополитической теории Больших многомерных пространств создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор 40 книг, в том числе Геополитика (2000, 2004); Геоэкономика (2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (2004); Регионоведение (2004, 2010, в соавторстве с Л. Б. Вардомским); Международные экономические отношения (2005); Глобалистика (2005), Геополитический словарь-справочник (2009), Геополитика. Геофилософия. Геоэкономика, в 27 томах (Электронное издание на CD, 2009), Геополитическая энциклопедия (2010–2012, www.dergachev.ru). Персональный сайт: www.dergachev.farlep.net

Жашинбабын Аринуаа (*Монголия*) — вице-президент Монгольского философского общества, кандидат философских наук.

Исрапилов Сергей Исрапилович — кандидат исторических наук, преподаватель исторического факультета Дагестанского государственного университета.

Карякин Владимир Васильевич — старший научный сотрудник отдела оборонной политики Российского института стратегических исследований, кандидат военных наук

Комлева Елена Владимировна — научный сотрудник Университета Дортмунда, Германия, аспирант Мурманского государственного технического университета, перевод-

чик международного отдела Института проблем промышленной экологии Севера (ИППЭС) Кольского научного центра Российской академии наук (КНЦ РАН). Обладатель международных грантов нескольких исследовательских центров. Автор ряда научных трудов по проблемам экологии и ядерной безопасности.

Паульман Валерий Федорович (*Эстония*) — доктор экономических наук, профессор. Окончил Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова. С 1957 по 1974 год работал в Центральном статистическом управлении при Совете Министров Эстонской ССР. С 1974 года — начальник Управления народнохозяйственного плана Государственного планового комитета Эстонской ССР, а с 1981 года — первый заместитель председателя Государственного планового комитета Эстонской ССР. С августа 1983 года — заведующий экономическим отделом ЦК Компартии Эстонии. С мая 1987 года — заместитель председателя Совета Министров Эстонской ССР — председатель Государственного планового комитета Эстонской ССР. С января 1989 года — советник по вопросам планирования посольства СССР, представитель Госплана СССР в Республике Куба.

В марте-ноябре 1991 года — министр труда и социальных вопросов СССР. Автор ряда книг, в том числе «Мир на перекрестке четырех дорог. Прогноз судьбы человечества».

Подорога Валерий Александрович — доктор философских наук, профессор, зав. сектором аналитической антропологии Института философии РАН.

Автор ряда книг и более 200 научных статей, эссе, бесед; ряд его работ переведены в США, Англии, Австрии, Франции, Нидерландах, Германии, Японии.

Наиболее значимые этапы научного пути отражены в книгах: *Метафизика ландшафта* (1993), *Выражение и смысл* (1995), *Феноменология тела. Введение в философскую антропологию* (1995), *Мастерская визуальной антропологии. Курс лекций*. — «Художественный журнал», 2001 г. (Соавт.), *Навязчивость взгляда. М. Фуко и живопись*. — «Художественный журнал», Авто-био-графия. *Вопрос о методе* (2001), (Соавт.), *Мимесис. Аналитическая антропология литературы. Том 1. «Культурная революция»* (2006), *.Апология политического*. (2010).

Лауреат премии имени Андрея Белого (2001).

Рошупкин Владимир Тимофеевич — обозреватель медиапортала «Хранитель», кандидат политических наук, профессор Академии военных наук.

Окончил Волгоградский государственный педагогический институт, Дальневосточный государственный университет, Новосибирское высшее военно-политическое училище, аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Специализируется по проблемам безопасности, международных отношений, военной истории.

Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, академик РАН, заведующая сектором социальной философии Института философии РАН, известный специалист в области социальной философии.

Автор многих книг и статей по проблемам модернизации, взаимоотношений экономики и общества, методологии социального познания: «Модернизация «другой» Европы». М.: ИФ РАН. 1998; «Хорошее общество». М.: Прогресс-Традиция. 2005, «Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношения экономики и общества». М.: Культурная революция. 2008 (в соавторстве с В. А. Колпаковым, Н. Н. Федотовой)

Чернышев Борис Васильевич — доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета Саратовского государственного социально-экономического университета.

В 1972 году после окончания исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского работал комиссаром областного штаба студенческих строительных отрядов, зав. отделом студенческой молодежи обкома ВЛКСМ, инструктором отдела науки и учебных заведений горкома КПСС. Лауреат Всесоюзного конкурса молодых ученых по общественным наукам 1977 года. С 1985 года на преподавательской работе. В 1988–1990 годах — старший научный сотрудник Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1991 года — на службе в органах внутренних дел: начальник кафедры Саратовского юридического института МВД России.

Автор монографий: «Осмысление исторического опыта в трудах В. И. Ленина. О методологических категориях политического анализа», «Проблемы методологии исторического анализа при разработке политических решений. 1924–1990 гг.», «Разработка и принятие государственных решений в России: уроки истории XVIII–XX вв.», «Исторический анализ политической ситуации в решениях правителей России XVIII — начала XXI вв.», а также ряда статей по истории государственного управления России. Лауреат конкурса на лучшую научную книгу 2004 года среди преподавателей вузов России.

Область научных интересов: модернизация российского общества; история и теория подготовки, принятия и реализации государственных решений в России XVIII — начала XXI вв., правители и политическая элита общества в механизме подготовки государственных решений;

Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации.

Шпангер Ганс-Йоахим (*Германия*) — руководитель Исследовательской группы и член правления Института по исследованиям проблем мира (Франкфурт). Предшествующая деятельность: научный сотрудник Международного института стратегических исследований (МИСИ) в Лондоне (1987–1988), член (2005) и председатель (2007) Консультативного совета Министерства иностранных дел Германии по «Предотвращению гражданского кризиса, разрешению конфликтов и укреплению мира». Избранные публикации: «После кавказской войны: Вовлечь, а не отталкивать Россию» (2008, в соавторстве); «Сила без цели. Неудачная политика Дж. У.Буша в отношении России» (2008); «Между точкой ноль и квадратом один. Как Дж. У.Буш потерпел неудачу с Россией» (2008); «ЕС–Россия: Что остается от стратегического партнерства?» (на нем. яз., 2007); «Парадоксальная преемственность: Немецкая политика в отношении России и коалиционная теория цвета» (на нем. яз., 2004).

OUR AUTHORS

Gennady N. BOCHAROV — member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages.

For a number of years, was a practical journalist of note — special correspondent of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper, columnist of the *Literaturnaya Gazeta* weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the *Izvestia* and *Rossyiskaya Gazeta* newspapers. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its «hot spots».

In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovskiy Prize, the Lenin Komsomol Prize. His reports from the Baikonur space launch-site brought him, among the others, the Yury Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges, etc. Awarded with the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle.

Recently, G. Bocharov «by the aggregate creative achievements» was honored by the Union of Journalists of the Russian Federation with the title of The Russia's Gold Pen».

Early in 1990s, *The Russian Roulette*, the book by Bocharov proved to become a true worldwide bestseller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most of his books is a person overcoming.

The Bocharov's best made up the *Pure Tops* text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities.

For the last 20 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. In this capacity, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

Valery S. BONDARENKO (*Belarus*) — Cand. Sc. (Geography), associated professor, Deputy Head of the Chair at the Belarusian Trade and Economic University of Retail Cooperative Society.

Graduated from the M. V. Lomonosov Moscow State University. In the late 1980s, was doctoral candidate at the MSU and advisor to the Council for Innovations at the RSFSR Government. In the early 1990s was an employer at the RF President's Administration. In mid-1990s, hold post of the Head of Department of Economy at the Gomel City Executive Committee (Belarus).

Maxim V. BRATERSKY — the Russian scholar in Oriental and the American studies. Upon graduation from the Leningrad State University, worked as a Oriental languages translator, then was employed as a researcher by the Institute of the US and Canadian Studies, and lectured at the Stanford University later. Currently, employed by the State University — Higher School of Economics (SU-HSE). Scientific/research interests include the analysis of the American and Russian policies towards the «problem» states, proliferation of the WMD, regional conflicts in Asia. In 2006, has got his doctor's degree.

Boris V. CHERNYSHEV — Dr. Sc. (History), Professor, the dean of faculty of law of the Saratov State Socio Economic University

In 1972 was graduated from the N. G. Chernyshevsky Saratov State University (Department of History). Later, was appointed the Commissar of the Oblast HQ of the Student Construction Teams, then headed the Department of Student Youth at the Young Communist League (Komsomol) Oblast Committee, then employed as the Instructor of the Science and Educational Establishments Department at the Communist Party (the CPSU) City Committee. The prize-winner of the 1977 All-Union Contest for Young Researchers in the Social Sciences. Since 1985,

engaged in high school lecturing. In 1988–1990 — Senior Researcher at the CPSU Central Committee Academy of Social Sciences. In 1991, entered the law-enforcement service as the Chair Head at the RF Ministry of Internal Affairs Saratov State Law Institute. Authored the monographs on *The Interpretation of the Historical Experience in V. I. Lenin's works. Methodological Categories of Political Analysis; The Problems of Methodology of Historical Analysis In Political Decision-Making. 1924–1990; the State Decision-Making in Russia: History's lessons of the 18th to 20th Centuries; the Historical Analysis of Political Situation in Russia's Rulers Decisions of the 18th to early 21st Centuries*; and a number of articles on history of Russia's state governance. The prize-winner of the 2004 Best Scientific Book contest among Russia's high school lecturers.

The sphere of research interests includes the Russian society's modernizing; the history and theory of Russia's state decisions being worked out, passed and implemented in the 18th to early 21st centuries; the society's rulers and political elite in the mechanism of the state decision-making. Holds the title of the Honored Educationalist of the Russian Federation Higher School.

Sergey V. DEMIDENKO — Cand. Sc. (History), researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Expert on separatist and extremist movements in the Middle East and the Central Asia.

Vladimir A. DERGACHEV — Dr.Sc. (Geography), Professor, the Russian expert in Geopolitics, the founder of the Institute of Geopolitics internet portal. On the basis of the geopolitical theory on the Big Multidimensional Spaces, developed by professor Dergachev, a series of interdisciplinary works and textbooks on Geopolitics, focused on formation of analytical thinking were published. Authored 40 books, including *Geopolitics* (2000, 2004); *Geoecology* (2002); *The Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (2004); *Religion Studies* (2004, 2010, co-authored by L. B. Vardomsky); *The International Economic Relations* (2005); *Global Studies* (2005), *The Geopolitical Dictionary-Directory* (2009), *Geopolitics. Geophilosophy. Geoecology* in 27 volumes (the electronic edition on CD, 2009), the *Geopolitical Encyclopaedia* (2010–2012, www.dergachev.ru). Personal site www.dergachev.farlep.net

Tiberio GRAZIANI (*Italy*) — Director of «Eurasia — magazine of geopolitical studies» and the series «Quaderni di Geopolitica» (Edizioni all'insegna del Veltro, Parma), is the President of the ISAG (Institute of Advance Studies in Geopolitics and Auxiliary Sciences). He is the co-founder of the IEMASVO (Institute of Advanced Studies for the Near and Middle East) and vice President for the years 2007–2008. He is usually invited as a speaker in the international conference World Public Forum — Dialogue of Civilizations. He taught for years at the University of Perugia and L'Aquila. He has taught courses for the ICE (Institute for Foreign Trade) in many countries, such as Uzbekistan, China, India, Libya and Argentina.

Vagif A. GUSEYNOV — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the *Vestnik Analytiki* bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese Committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including *Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold* (2008). Co-edited and published the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004); *The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006). Co-authored, co-edited and published books on *Russia-Great Britain: Another Cooling* (2007); *The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization* (2007); *The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008)* (2008); *Russia in Changing World* (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The Strategy for Russia: 10*

Years of CFDP (2002); *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006); *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007); *Russia and the World: New Epoch* (2008); *The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics* (2010), *Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000–2010)* (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

Sergey I. ISRAPILOV — Cand.Sc. (History), lecturer at the Department of History of the Dagestan State University.

Vladimir V. KARYAKIN — Cand.Sc. (Military), Senior Researcher of the Defense Policy Section at the Russian Institute of Strategic Studies.

Yelena V. KOMLEVA — the researcher at the University of Dortmund, Germany, the postgraduate student at the Murmansk State Technical University, the translator employed by the International Department of the Institute of Industrial Ecology of the North Studies at the Russian Academy of Sciences Kola Scientific Center the (the RAS KSC). The holder of international grants from several research institutions. Authored some scientific works on ecology and nuclear security.

Valery F. PAULMAN (*Estonia*) — Dr. Sc. (Economics), Professor. Graduated from the A. A. Zhdanov Leningrad State University. In 1957–1974, was employee in the Central Statistical Department at the Estonian SSR Council of Ministers. In 1974, was appointed the Director of the People's Economy Plan Directorate of the Estonian SSR State Planning Committee, in 1981, was promoted to the position of the First Deputy Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In August 1983, came to head the Economy Department of the Communist Party of Estonia Central Committee; in May 1987, the Deputy Chairman of the Estonian SSR Council of Ministers — Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In January 1989, got appointment of the USSR Embassy Councilor on planning, the USSR State Planning Committee representative in the Republic of Cuba; in March–November 1991, was the USSR Minister of Labor and Social Matters. Authored some books, including the *World at the Four Ways Crossroad: The Prognosis of the Mankind's Destiny*.

Valery A. PODOROGA — Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Head of the Analytical Anthropology Sector at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy.

Authored several books and over 200 scientific articles, essays, discussions; some of his works were translated in the USA, Great Britain, Austria, France, the Netherlands, Germany, Japan.

The more significant stages of his academic creativity are reproduced in such books as — *The Metaphysics of Landscape* (1993); *the Expression and Sense* (1995); *Body Phenomenology: Introduction to Philosophical Anthropology* (1995); *The Workshop of Visual Anthropology: Course of Lectures* (co-authored in the *Khudozhestvenny Zhurnal / Art Journal* /, 2001); *The View Obtrusiveness: Michel Foucault and Painting* (the *Khudozhestvenny Zhurnal*); *Auto-biography: A Matter of the Method* (2001), (co-authored) *The Mimesis. The Analytical Anthropology of Literature*. Vol. 1. The Cultural Revolution (2006); *The Apologia of the Political* (2010).

The winner of the Andrei Bely Award (2001).

Vladimir T. ROSCHUPKIN — Cand.Sc. (Politology), professor at the Academy of Military Sciences, columnist of the Khranitel (Custodian) media-portal. Graduated from the Volgograd State Pedagogical Institute, and the Far Eastern State University, and the Novosibirsk Higher Military-Political School, completed the postgraduate courses at the M. V. Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific researches includes the security problems, international relations, military history.

Hans-Joachim SPANGER (*Germany*) — Head of Research Group and member of the Executive Board of the Peace Research Institute, Frankfurt. Previous Positions: Research associate at the International Institute for Strategic Studies (IISS) in London (1987–1988), member (since 2005) and chairman (since 2007) of the Advisory Board on «Civilian Crisis Prevention, Conflict Resolution and Peace Building» of the German Foreign Ministry. Selected publications: «After the Caucasian War: Engaging, not Containing Russia» (2008, coauthor); «Power without Purpose — George W. Bush's Failed Policy towards Russia» (2008); «Between Ground Zero and Square One. How George W. Bush failed on Russia» (2008), «EU–Russland: Was bleibt von der strategischen Partnerschaft?» (2007), «Paradoxe Kontinuitäten: Die deutsche Russlandpolitik und die koalitions..ren Farbenlehren» (2005), «Modernisierung contra Demokratisierung. Putins Russischer Weg» (2004).

Elvira M. SPIROVA — Ph. D., deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Valentina G. FEDOTOVA — Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Head of the Social Philosophy sector at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, well-known expert in the social philosophy.

Authored many books and articles on modernization, economy-society interrelations, methodology of the social cognition, viz. *The Modernization of «Another» Europe* (M.: RAS IPh, 1998); *The Good Society* (M.: Progress-Traditsiya, 2005); *The Global Capitalism: The Three Great Transformations. The Socio-Philosophical Analysis of the Economy — Society Interrelations* (M.: Kulturnaya Revolyutsiya, 2008), co-authored by V. A. Kolpakov and N. N. Fedotova)

Arinuaa ZHASHINBASHYN (Mongolia) — PhD, Vice6President of the Mongolian Philosophical Society.

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 2(48)

Перевод с английского – Владимира Мисюченко, Константина Завиновского

Корректурa А.Панюгиной
Верстка Л.Листвина

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 16.05.2012 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5. Заказ № 426.

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

ПОДПИСАТЬСЯ И ПРИОБРЕСТИ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» МОЖНО В РЕДАКЦИИ.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение	Форма № ПД-4
	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа) ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа) № р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа) в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты) к/с № 3010181080000000777 в отделении 2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
Кассир	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала) Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп. Плательщик _____ (Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)
	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа) ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа) № р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа) в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты) к/с № 3010181080000000777 в отделении 2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
Квитанция	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала) Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Плательщик _____ (Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)
Кассир	